

Р. Штайнер

ПОЗНАНИЕ ИНИЦИАЦИИ

Духовное и физическое развитие мира и человечества в прошлом,
настоящем и будущем с точки зрения Антропософии

«Познание должно стать внутренне-душевым
жертвенным служением человека».

Лекция первая

19 августа 1923 г., Пенменмаур

ПЕРВЫЕ ШАГИ К ИМАГИНАТИВНОМУ ПОЗНАНИЮ

Понять мир в его развитии — это было во все времена связано с тем, чтобы понять самого человека. И действительно, в самых широких кругах известно, что в те эпохи, когда смотрели не на одно материальное бытие, но также и на духовное, человека понимали всегда как микрокосм, как малый мир, но это значит, что его понимали так, что видели в нем, в его существе, в его деятельности, во всем его явлении концентрацию всех мировых законов, всех деятельностей, всего вообще существа мира. В такие времена стремились строго держаться воззрения, что **понимание мира возможно лишь на основе понимания человека**. Но для истинно беспристрастного здесь тотчас же выступает затруднение. Как только человек хочет прийти к так называемому самопознанию, которое, однако, одно лишь может быть истинным познанием человека, так тотчас же он останавливается перед собой как перед величайшей загадкой и, после некоторого наблюдения над собой, должен признаться, что его существо, как в своих проявлениях в чувственно окружающем мире, так и перед его душой, перед ним самим дано не во всей полноте. Человек должен признаться себе, что часть его существа остается неведомой, сокрытой для обычного восприятия чувств. И тогда человек стоит перед задачей прежде познания мира раскрыть сперва в самопознании свое истинное существо, найти сперва свое истинное существо.

Очень простое наблюдение может показать человеку, что его истинное существо, его внутренняя активность как личности, как индивидуальности не может находиться в чувственно окружающем его мире. Ибо, как только он проходит через врата смерти, в то же мгновение его труп подлечит тем законам, той сущности мира, которые прежде окружали его в восприятиях чувств. Физически мертвого человека охватывают законы

природы, те законы природы, которые действуют во внешнем видимом мире. Но когда распадается также та связь, которую можно называть человеческой организацией, тогда в более или менее короткий срок, в зависимости от условий погребения разрушается человек. Итак, простое наблюдение показывает, что те законы, которые мы должны обозначить как совокупность наших законов природы, познаваемых нами внешне при помощи чувственного исследования, — **эти законы в состоянии только разрушить человеческий организм, но не построить.**

И мы должны найти те законы, ту активность, которые в земной жизни от рождения до смерти или даже от зачатия до смерти, собственно, борются против сил, против закона разрушения. В каждый миг нашей жизни мы силой нашего истинного, внутреннего человеческого существа являемся **борцами против смерти.** И когда мы видим себя в окружении чувственного мира, в той части чувственного мира, которую человек теперь единственно постигает, в минерально-безжизненном мире, то этот мир находится во власти тех именно сил, какие для человека означают смерть. Ибо это есть лишь иллюзия современных естествоиспытателей, что когда-нибудь удастся с помощью тех законов, которые дает чувственный внешний мир, постигнуть хотя бы растение. Этого не удастся. Приблизятся к тому, чтобы понять растение, и это — как идеал, но даже в растение, не говоря уж о животном или, тем более, о человеке, ни в каком случае не удастся проникнуть с помощью тех законов, которые окружают нас в чувственном внешнем мире.

Как земные существа между зачатием и смертью мы в нашей истинной внутренней сущности борцы против законов природы. И если мы хотим действительно подняться к человеческому самопознанию, то нам надлежит найти ту активную силу, которая действует в человеческом существе как борьба против смерти. Но если мы хотим исследовать человеческое существо во всей полноте — а о таком исследовании и должна идти речь именно в этих лекциях, — то мы должны отметить также и то, как в земном развитии человек может в конце концов прийти к моменту, когда в земном бытии его внутренняя активность побеждается смертью, когда смерть становится победителем над теми сокрытыми силами, которые борются против нее.

Все это имеет своим назначением сделать вас внимательным к тому направлению, какое должны принять рассмотрения этих дней. Ибо истинность того, что я теперь говорю, выступит только из ряда отдельных лекций.

Следовательно, мы можем прежде всего из простого наблюдения человеческого существа указать на то, где нам следует искать истинное, внутреннее существо человека, личность, индивидуальность. Нам следует искать ее не в царстве природных сил; нам следует искать ее вне царства природных сил.

Но есть еще одно указание (я хотел бы сперва дать только указания), и это следующее: когда мы живем как земные люди, то мы живем, отданные мгновению. И здесь также нужно быть только достаточно непредвзятым, чтобы оценить все значение этого утверждения. Когда мы видим, когда мы слышим, когда мы вообще воспринимаем чувствами, мы отданы

мгновению. То, что стало прошлым, и то, что явится будущим, не может оказать никакого воздействия ни на наше ухо, ни на наш глаз, ни на какое-либо другое чувство. Мы отданы настоящему мгновению и вместе с тем — пространству.

Но чем был бы человек, если бы он был отдан только мгновению и только пространству? В этом отношении мы имеем, например, даже благодаря чисто внешнему наблюдению, достаточно доказательств того, что человек не остается в полном смысле слова человеком, если он отдан только мгновению и пространству. Об этом свидетельствует внешняя история болезни некоторых людей.

Известны сообщения о людях (эти случаи вполне проверены), которые с определенного момента своей жизни не помнят того, что пережили ранее, и остаются предоставленными мгновению. Они делают в это мгновение самые безрассудные вещи. В полном противоречии со своей предыдущей жизнью, они берут железнодорожный билет, едут до известной станции, делают все, что полагается делать в данный момент, и делают это даже тоньше, умнее, чем сделали бы это обычно. В надлежащее время они идут обедать, в надлежащее время выполняют все жизненные дела. Доехав до последней станции, указанной на билете, они берут себе новый билет, иногда в обратном направлении. Так блуждают они иной раз годы, пока не отыскиваются в каком-либо месте; тогда оказывается, они не знают, где они находятся. В их сознании угасло все с момента покупки первого билета или ухода из дому, и воспоминание начинается только с предшествовавшего этому времени. И вместе с тем вся их душевная жизнь и вообще все их земное бытие приходит в Хаос. Они уже не чувствуют связи цельного человеческого существа, какую чувствовали ранее. Они постоянно отдавались мгновению, могли всегда правильно ориентироваться в пространстве, но они утратили **внутреннее чувство времени — воспоминание**.

Как только человек теряет в земной жизни внутреннее чувство времени, внутреннюю реальную связь со своим прошлым, так он тотчас же впадает в жизненный Хаос. Одно только переживание пространства не может обеспечить ему здоровья его цельного существа. Но, другими словами, это значит: человек своими чувствами всегда отдан настоящему мгновению и в болезненных случаях может даже в мгновении отделить свое бытие в пространстве от общей связи своего цельного человеческого бытия, но он не остается тогда в полном смысле слова человеком.

И мы должны обратиться к тому, что в человеке выходит из пределов пространства и принадлежит только времени. Тогда мы должны сказать: если переживание пространства есть нечто единое, то переживание времени человек должен сам делать в себе настоящим (время в человеке распадается на прошлое, настоящее и будущее). Оно не единое для человека, ибо воспоминание должно делать в нем прошлое настоящим, чтобы сохранить цельность его существа; для человека необходимо его присутствие во времени, это есть то, что он постоянно должен иметь в себе. Но время как прошлое никогда не присутствует в настоящем. Чтобы его пережить, человек должен беспрестанно вносить прошлое в настоящее мгновение. Следовательно, в человеке должны быть силы для

сохранения прошлого, силы, которые исходят не из пространства, которые нельзя понимать в смысле действующих в пространстве законов природы, силы, которые лежат вне пространства.

Таковы показатели, которые говорят нам о том, что человек, если он берется как центр познания мира, и должен при этом исходить из самопознания, то он, без сомнения, должен прежде всего найти в себе то, что, выходя из пределов пространственного бытия, то есть того бытия, о котором единственно сообщают нам чувства, делает его именно самостоятельным существом в этом пространственном мире. Поэтому, если человек хочет воспринять свое истинное существо, он должен апеллировать в себе к силам познания, которые не связаны с чувствами, не связаны с пространственными восприятиями. И именно в настоящий момент развития человечества, когда естествознание с такой необычной силой вводит человека в законы пространства, истинное человеческое существо — по причинам, которые еще выступят в этих лекциях, — до такой степени прочно утеряно в общем воззрении человека.

Поэтому в настоящий момент так особенно необходимо указать на те внутренние переживания, которые, как мы видим, прежде всего выводят человека из пространства и вводят во время и в переживание времени. И, исходя из этого, как мы увидим, он вообще входит в духовный мир.

Познание, которое из чувственного переводит в сверхчувственное, называли во все времена познанием через **инициацию**, познанием того, что составляет подлинный импульс человеческой сущности, что является активной силой индивидуальности. Исходя из этого познания и должно быть здесь рассмотрено развитие мира и развитие человека в прошлом, настоящем и будущем.

Итак, мне прежде всего предстоит сказать о том, как возможно прийти к этому познанию, к этой науке инициации. Уже самым способом говорить об этих вещах современная наука инициации отличается от науки инициации прошлого. В посвятельном познании прошлого отдельные учителя человечества достигали созерцания сверхчувственного в мире и человеке. Ученики, которые в своем чувстве получали чисто человеческое впечатление от того сверхчувственного, что жило в этих учителях, приходили к ним и воспринимали путем (не вынужденного, а вызванного впечатлением от самой личности) авторитета то, что эти учителя могли им предложить.

Поэтому в отношении развития человечества в целом, вплоть до настоящего времени, вы постоянно находите описание того, как отдельные ученики должны склоняться перед авторитетом учителя «гуру». Уже в этом пункте, как и в столь многих других, с которыми мы еще встретимся в этих лекциях, посвятельная наука современности не может идти тем же путем, каким шла эта наука в прошлом. Гуру никогда не высказывался относительно того пути, каким он сам пришел к своему познанию. И об открытом сообщении о пути к высшему познанию в более древние времена вообще не было речи. Эти сообщения давались исключительно в местах мистерий, которые в те древние времена были возвышенными школами на пути к сверхчувственному.

Теперь, при состоянии общего сознания человечества, до которого мы

поднялись в настоящий исторический момент, такой путь был бы уже невозможен. Поэтому тот, кто говорит теперь о сверхчувственных познаниях, должен, без сомнения, сказать прежде всего о том, **как** приходят к этим сверхчувственным познаниям. Причем, каждому затем должно быть предоставлено то, как он (в смысле своего жизненного пути) будет относиться к тем упражнениям тела, души и духа, с помощью которых приводят к развитию те силы человеческого существа, какие, выходя за пределы законов природы и настоящего мгновения, пронизывают истинное существо мира и с тем вместе также и истинное существо человека. Поэтому естественный ход изложения этих лекций будет таков, что я прежде всего хотя бы бегло дам отдельные указания на тот способ, каким именно современный человек может приобрести себе познание сверхчувственного.

При этом следует исходить из человека, каков он теперь, из того, как он ставит себя в земное бытие, в пространстве, в настоящем мгновении. Человек как земное существо обнимает собой душевно-телесно (я говорю это вполне обдуманно: душевно-телесно) тройкое: **мыслящее, чувствующее и волящее существо**. И если мы рассмотрим все то, что лежит в области мышления, в области чувствования, в области воления, то мы охватим все участие человеческого существа в земном бытии. Рассмотрим сперва главнейшую часть того, благодаря чему человек ставит себя в земное бытие. Это есть, без сомнения, мыслящее существо человека. Ибо именно мыслящее существо дает ему полную ясность относительно мира, в котором он нуждается как земной человек. Чувство остается темным, смутным, неопределенным по сравнению со светлым мышлением. И тем более воля — те глубины человеческого существа, из которых изливается воля, эти глубины, прежде всего, недоступны для человеческого наблюдения. Подумайте только, что знаете вы о воле в обычном мире, в обычном переживании. Вы решаете, скажем мы, взять этот стул и перенести его на другое место. У вас имеется мысль перенести этот стул отсюда сюда. Вы видите это в своем представлении. Затем то, что содержится в вашем представлении, опускается совершенно неведомым вам путем в кровь и в мышцы. То, что происходит в крови, в мышцах и нервах, когда вы идете туда, поднимаете стул, переносите его сюда, — все это опять-таки только отражается в вашем представлении. Но подлинная, внутренняя активность, то, что происходит тогда внутри, под покровом вашей кожи, — это остается для вас совершенно неведомым. И опять — только результат этих скрытых процессов становится для вас наглядным в мысли.

Таким образом, воля есть нечто наиболее бессознательное во время бодрствующей деятельности. О деятельности человека во время сна мы скажем впоследствии. В бодрствующей деятельности воля остается всецело во мраке, во тьме. И, собственно, о том, что, исходя из мысли, совершается в воле, знают так же мало, как мало в обычной жизни знают о том, что происходит с человеком от засыпания до пробуждения. Мы просыпаем внутреннюю природу также и в бодрствовании. Только представление, только мышление есть то, что вносит ясность в земную жизнь человека.

Далее, между волей и мышлением стоит чувство. И как между сном и бодрствованием стоит сновидение в виде неопределенных хаотичных представлений, так между волей и мышлением стоит чувство и является, в сущности, бодрствующим сновидением души. Следовательно, то, из чего мы должны исходить как из наибольшего света в человеке, есть все-таки представление — мышление. Но как протекает это мышление в обычной земной жизни?

Оно играет чисто пассивную роль во всем нашем земном человеческом существе. Нужно только быть вполне искренним в этом отношении при наблюдении над собой.

От пробуждения до засыпания человек предан внешнему миру. Он позволяет действовать на себя чувственным впечатлениям, и с этими чувственными впечатлениями связываются представления. Мы уходим от чувственных впечатлений или чувственные впечатления уходят от нас. В душе остаются представления. Они постепенно превращаются в воспоминания. Но если, как сказано, мы, как земные люди, будем искренни в самонаблюдении, то должны будем сказать себе: в сущности, в этих представлениях, приобретаемых нами таким образом в земной жизни, не содержится ничего другого, кроме того, что вошло в душу из внешнего мира, из чувственного наблюдения. Исследуйте, только искренно, беспристрастно, то, что вы несете в душе, и вы найдете, что оно всегда так или иначе было вызвано чувственными впечатлениями.

В этом отношении особенно поддаются иллюзиям *неглубокие* (я это особенно подчеркиваю: неглубокие) мистики. Они полагают, что путем более или менее смутной внутренней тренировки они приходят к внутренним прозрениям того, что как наивысшее божественное лежит в основе мира. Они — эти полу- или на четверть мистики — часто говорят о том, что им открылся внутренний душевный свет, что они духовно созерцали то или другое.

Но кто действительно точно и правдиво проводит наблюдение над собой, тот сможет убедиться, что *многие мистические созерцания сводятся ни к чему иному, как к внешним чувственным впечатлениям, которые видоизменились со временем*. И каким бы парадоксальным это ни казалось, но возможно, что найдется какой-нибудь 40-летний «мистик», который верит, что имеет непосредственное имагинативно-визионерское впечатление от (я хочу взять нечто конкретное) от Мистерии Голгофы, внутренне созерцая эту Мистирию Голгофы. И он чувствует себя тогда невероятно приподнятым. Кто-нибудь, кто окажется хорошим психологом, может проследить, как протекала жизнь этого 40-летнего мистика, и найдет, что тот, будучи 10-летним мальчиком, видел мельком где-то в доме, куда его взял с собой в гости отец, небольшую картинку. Эта картинка, связанная с Мистерией Голгофы, произвела тогда слабое впечатление на его душу, но оно сохранилось, оно присвоилось, ушло в глубины души и на 40-ом году выступило как величественное мистическое созерцание.

Это должно было быть прежде всего подчеркнуто для тех, кто вообще отваживается говорить теперь о путях к сверхчувственному познанию. Ибо тот, кто хочет сделать эти пути легкими для себя, может, как

правило, говорить только дилетантски об этих путях. Но именно тот, кто хочет с правом говорить о мистически сверхчувственных путях, должен некоторым образом знать все, что может повести к заблуждениям в этой области. Он должен отчетливо знать, что обыкновенное самопонимание содержит в себе преимущественно только видоизмененные внешние впечатления и что истинное самопознание нужно искать теперь путем выявления тех сил души, которые вначале **не существуют**. И тогда нужно прежде всего признать именно пассивность своего обычного мышления. Обычно мышление располагает свои впечатления так, как этого хотят чувства. Более раннее также и в мышлении является более ранним, более позднее также и в мышлении является более поздним. Верхнее есть и в мышлении верхнее, нижнее есть и в мышлении нижнее.

И, таким образом, в обычных представлениях не только в обыденной жизни, но и в науке человек лишь пассивно следует за этими процессами, какие разыгрываются во внешнем мире. Наша наука пошла даже так далеко, что видит своего рода идеал в том, чтобы давать вещи именно такими, какими они выступают во внешнем мире, без того, чтобы мышление оказывало на них хотя бы малейшее влияние. Наша наука видит свой идеал в том, чтобы в методах научного исследования мышление действовало как можно более пассивно. В своей области она поступает тогда вполне правильно. В своей области она достигает величайших успехов именно при помощи этого метода. Но она все дальше и дальше отходит от истинного существа человека. Ибо здесь первый шаг состоит в применении тех методов сверхчувственного познания, которые называют медитацией, концентрацией внутренних душевных сил или еще как-нибудь иначе. Здесь первый шаг состоит в том, чтобы найти переход от чисто пассивного мышления к **внутреннему активному мышлению**.

И если я сначала совсем элементарно охарактеризую этот шаг, то он представится так: вместо того, чтобы позволять извне побуждать себя к тому или иному представлению, нужно взять самому такое представление, которое будет вынесено всецело из **внутреннего**, и поставить его в центр сознания. Все дело в том, чтобы это представление было вынесено всецело из внутреннего существа души. И поэтому не годится, если это представление будет почерпнуто из воспоминаний, так как при воспоминании ко всем нашим представлениям пристают самые различные неопределенные впечатления. Следовательно, если мы возьмем что-нибудь из воспоминаний, то никогда не можем быть уверены в действительной активности нашей медитации. Поэтому можно поступить трояким образом. Прежде всего, можно действовать вполне самостоятельно. Тогда нужно взять как можно более простое, легко обозримое представление, относительно которого знаешь, что оно составлено тобой в настоящий момент. Оно не соответствует ничему, о чем просто вспоминаешь. При этом можно составить себе, если хотите, какое-нибудь самое парадоксальное представление, которое сознательно отличается от всего, что может быть воспринято пассивно. Нужно только, чтобы мы были уверены в активности, во внутренней деятельности, благодаря которой возникла медитация.

Или второй случай: можно пойти к тому, кто имеет в этой области опыт, и попросить материал для медитации. Здесь может явиться опасение, что благодаря этому становишься зависимым от данного человека. Но если сохранить в себе сознание, что с того момента, как был получен материал для медитации, каждый шаг затем должен быть сделан самостоятельно, с полной внутренней активностью, и что была только создана возможность получить то, о чем сам никогда прежде не думал и что является новым именно потому, что оно исходит от другого, то, конечно, никакой зависимости не возникает. И в дальнейшем нужно действовать именно в смысле этого сознания.

Наконец, третье: можно также, хотел бы я сказать, сначала некоторым невидимым образом искать себе учителя. Нужно взять книгу, о которой наверняка знаешь, что никогда не держал ее в руках, затем открыть ее, где откроется, прочесть несколько фраз. Тогда будешь уверен, что получил нечто совсем новое, к чему должен затем подойти с внутренней активностью. Нужно сделать материалом для медитации эти слова, или, может быть, рисунок, увиденный в той же книге, или еще что-нибудь другое, относительно чего твердо знаешь, что никогда еще с этим не сталкивался. Таков третий способ.

Так можно из ничего создать самому себе учителя. Тот факт, что ты сам нашел эту книгу, прочел, взял эти слова или рисунок, или еще что-нибудь, — это и есть учитель.

Таким образом, вполне возможно вступить на путь к высшим мирам, сохраняя уверенность: никакая посторонняя сила не вмешивается неправомерно в ту активность мышления, к которой мы тогда приходим. Это и есть существенное для современного человека. Ибо мы увидим именно в этих лекциях, что для современного человека, когда он хочет развиваться до высшего мира, совершенно **особенно необходимо уважение, признание его свободной воли.** И если не признавать свободной воли, то как вообще может развиваться внутренняя активность? Как только один становится зависимым от другого, так тотчас же ослабляется его воля. И именно в медитации, возможной в наше время, самое главное в том, чтобы человек проводил ее из внутренней активности, из воли в мышлении, наименее ценимой в пассивном наблюдении (внешнем) и в современной науке.

Таким путем входят в активное мышление. Но как быстро идет развитие, это зависит всецело от существа самого человека. Один может достигнуть этого в три недели, делая все время — лучше всего — одни и те же упражнения, другой достигает этого в 5 лет, третий — в 7, в 19 лет и т.д. Существенно, чтобы человек никогда не терял энергии, с какой он ищет перехода к этой активности мышления. Но в известный момент он действительно познает другое мышление, чем то, какое было у него прежде. Он познает мышление, которое не протекает в пассивных образах, как обычное мышление, а такое мышление, которое становится внутренне совершенно активным, о котором знаешь, хотя переживаешь его с полной ясностью, что оно есть **сила**, подобно тому, как сила есть то, когда поднимаешь руку, когда указываешь пальцем.

Познаешь мышление, в котором чувствуешь себя как в носителе сил

своего человеческого существа. Познаешь мышление, которое (я говорю это не образно, а высказываю конкретную фактическую истину), — которое может **наталкиваться**, о котором знаешь, что оно может наталкиваться. Про обыкновенное мышление мы знаем, что оно ни на что не наталкивается. Если я набегаю на стену и набиваю себе шишку, то я натолкнулся на нее своим физическим телом, своей силой осязания. Сила моего осязания основана на том, что я могу противопоставлять свое тело вещам. Я наталкиваюсь на них. Обыкновенное пассивное мышление не наталкивается, оно только представляет себе толчок. Ибо обыкновенное пассивное мышление не есть реальность, оно есть образ; мышление, к которому приходят указанным путем, есть реальность, — то, в чем человек живет. Оно **наталкивается**, как палец наталкивается на стену. И как знаешь, что не везде можешь пройти пальцем, так знаешь **в реальном, достигнутом теперь мышлении, что с ним не везде проникаешь**. Это есть первый шаг. Этот первый шаг должен быть сделан; нужно, активизируя, сделать свое мышление душевным органом осязания, чтобы так почувствовать себя в нем, как если бы мыслил теперь наподобие того, как обычно ходишь, как обычно берешь, ощупываешь что-нибудь так, что знаешь: живешь в некоем существе, а не просто в обыкновенном мышлении, которое ведь только отражает; нет, живешь в реальности, в душевном осязании, которым ты весь теперь стал как человек.

Таков первый шаг, который предстоит сделать, — мышление изменяется в человеке, так что он чувствует: вот теперь ты весь стал мыслящим. Все это округляется. И с этим мышлением дело обстоит не так, как с физическим осязанием. Так, когда у человека вырастает рука, то она действительно вырастает. А в активизированном мышлении бывает, как у улитки, которая может втянуть свои щупальца и снова их вытянуть. Живешь, несомненно, в силовом существе, но во внутренне подвижном существе, которое выступает вперед и опять отступает, которое внутренне активно. Следовательно, можно, как мы это еще увидим, далеко протянутым органом осязания ощупывать в духовном мире вперед или же словно втянуться назад, если это духовно причиняет боль.

Все это вещи, которые, во всяком случае, должны быть серьезно приняты тем, кто вообще хочет подойти к истинному существу человека: **превращение человека совсем в другое существо**. Ибо мы не видим того, что есть собственно человек, пока не можем увидеть в самом человеке нечто иное, нежели то, что предлагает земная чувственность. И то, что развивается благодаря активности мышления, есть первый сверхчувственный член человека. Впоследствии я опишу его более подробно. Мы имеем, прежде всего, физическое тело человека, которое можно воспринимать обычными органами осязания. Затем мы имеем первый сверхчувственный член человека; можно назвать его эфирным телом — дело не в названии, но нужна какая-нибудь терминология. Итак, в дальнейшем я буду называть его эфирным, или силообразующим, телом. Мы имеем в нем первый сверхчувственный член человека, который для высшего осязания, для того осязания, в которое превращается мышление, является настолько же действительно воспринимаемым, как воспринимаемы внешние вещи для физического осязания. И потому

сверхчувственному осязанию делается доступным — созерцаемым в высшем смысле — эфирное тело человека. Это есть, так сказать, первый шаг в сверхчувственный мир.

Именно то, в каких выражениях я пытался обрисовать вам, как мышление переходит в переживание внутренней силой действительности, обратит ваше внимание на несостоятельность таких возражений, как нижеследующие: кто хочет этим способом войти в душевный мир, тот предается, возможно, различным фантазиям, он поддается самовнушению. Ибо именно это возражение выдвигается постоянно против того, кто, пройдя такого рода развитие, хочет говорить о высших мирах — он передает, де, только картины своего самовнушения. Люди приходят и говорят вам: вполне возможно, что тому, кто часто пил лимонад, достаточно только подумать об этом, чтобы тут же почувствовать так называемое физиологическое явление влаги во рту, как если бы он пил лимонад. Такое сильное самовнушение вполне ведь возможно. Конечно, все это так, и эти вещи, которые познавательно может установить физиолог или психолог, без сомнения, должны быть хорошо практически известны для принятия необходимых мер предосторожности, именно практически должны быть хорошо известны тому, кто правильным путем, который я и хочу здесь описать, входит в духовный мир. Тому, кто полагает, что благодаря самовнушению можно поглощать лимонад, когда никакого лимонада нет, я могу возразить: пусть ко мне приведут человека, который мог бы таким воображаемым лимонадом, внушенным себе лимонадом, утолить настоящую жажду. Здесь именно начинается различие: имеется ли что-нибудь только в пассивном представлении у человека — или нечто возникает в человеке как действительное переживание. Благодаря полной связи переживания с реальным миром мы достигаем того, что чисто духовно; через активизацию мышления мы стоим в мире так, что **мышление становится в нас как бы осязанием**. Разумеется, мы осязаем тогда не стул и не стол, а учимся осязать именно в духовном мире, касаться его, приходить в реальное соприкосновение с духовным миром. И именно таким образом, через эту активизацию, мы учимся узнавать различие между мистико-фантастическим самовнушением и переживанием духовной действительности.

Следовательно, все подобные возражения возникают лишь оттого, что люди не хотят действительно вникнуть в характер того, как новейшая наука инициации описывает свой путь, а судят только извне, восприняв, самое большее, одни названия вещей или усвоив чисто внешнее поверхностное знание о предмете. Кто указанным образом входит в духовный мир и достигает прикосновения, осязания духовного мира, тот умеет отличить, имеет ли он только позднейшее представление о том, что было пережито его активизированным мышлением, или он действительно в данный момент воспринимает нечто этим активизированным мышлением. Ведь в обыкновенной жизни можно отличить то, что переживаешь, когда неосторожно касаешься пальцем огня, или когда потом только представляешь себе: вот огонь, я касаюсь его пальцем. В этом состоит живое различие: одно причиняет действительную боль,

другое дает только представление о боли. Это различие и переживается на высшей ступени: различие между простым представлением о высших мирах и тем, что действительно переживается в этих мирах.

И первое, что таким образом переживают, есть именно истинное самопознание человека. Ибо как в мгновенном познании в жизни перед нами стоят стол, стулья, вся эта прекрасная зала, часы и т.д. — как все это стоит перед нами во внешней пространственной жизни, доставляет мгновенное восприятие, так перед мышлением, которое стало реальным, перед активизированным мышлением выступает временной мир собственного человеческого “Я”. То, что человек пережил и что может быть поднято в сознание только в образе воспоминания, как в представляемом себе образе, это поставлено перед человеком как картина настоящего, в которой давно прошедшее становится настоящим, как это описывают люди, пережившие такое в момент смертельной опасности, например, когда они тонули и т.п.; как — и это констатируют теперь даже вполне материалистически мыслящие (я всегда упоминаю об этом) — люди, находящиеся в смертельной опасности, имеют душевно перед собой картины всей своей земной жизни, так перед душой того, кто указанным образом активизировал свое мышление, сразу возникает картина пережитого с того момента, когда он научился мыслить в земной жизни, вплоть до настоящего момента. **Время становится пространством** (последовательность становится сосуществованием). Что прошло, делается настоящим. Вот картина стоит здесь. Характерная особенность, о которой мне придется говорить еще завтра, заключается в том, что, хотя все это подобно картине, но все же имеется некоторого рода чувство пространства, но именно только чувство пространства. Ибо этому переживаемому теперь пространству недостает **третьего измерения**. Нигде не переживают теперь третьего измерения, но повсеместно пространство только в двух измерениях. Так что познают, точно как на картине. Поэтому я назвал это познание **имагинативным** познанием, которое, подобно живописи, действует в двух измерениях, которое является преимущественно образным познанием — познанием, предстающим в двух измерениях. Вы можете задать вопрос: если я стою здесь и переживаю в двух измерениях, то что произойдет, когда я двинусь вперед?

Это ничего не изменит. Третье измерение **как переживание** совсем отпадает. Впоследствии я буду иметь случай говорить о том, что в наше время, когда уже не имеют больше сознания этих вещей, люди ищут **четвертое измерение** как переход к духовному. Но истина заключается в том, что как скоро от физического переходят к духовному, так **не** возникает никакого четвертого измерения, а отпадает третье. И действительно, нужно когда-нибудь освоиться с реальностью в этой области, как уже освоились с реальностью в других областях.

Как прежде думали, что Земля есть диск и что можно прийти к тому месту, где все теряется в неопределенности, где «мир обрывается», то есть прийти к концу, и как было шагом вперед, когда узнали, что, обойдя вокруг Земли, приходишь опять к исходной точке, так будет шагом вперед во внутреннем понимании мира, когда узнают: не второе, третье и

четвертое измерения, а наоборот — возвращаются даже к первому. Такова истина. Во внешнем рассмотрении в наше время оказывается, что движутся вперед чисто внешне, я хотел бы сказать, только отсчитывая: первое измерение, второе измерение, третье измерение, — следовательно, должно быть и четвертое.

Нет, мы возвращаемся ко второму измерению, третье упраздняется, и мы получаем истинное имагинативное познание, которое находится главным образом в собственном “Я” как в единой жизненной картине, так что мы обзираем как бы в настоящий момент — я еще буду говорить об этом подробнее — то, как мы изнутри вовне развиваем эту земную жизнь. В этом есть большое различие по сравнению с простым воспоминанием.

Картины простых воспоминаний выступают так, что человек чувствует: в воспоминании живут главным образом представления о мире, полученные извне, живет то, что было испытано как радость, боль, что причинили человеку другие люди, как подходили к человеку другие люди. Преимущественно это переживают в представлениях простого воспоминания.

В картине, о которой я говорю, переживают другое. Предположим, 10 лет назад вы встретили человека. В простом воспоминании переживают, как человек подошел к нам, что он нам сделал — доброе, злое и т.п. А в этой картине переживают то, как ты сам впервые направил взгляд на этого человека, что сделал, как поступал, чтобы приобрести его любовь, что ты чувствовал. Следовательно, в этой жизненной картине ощущают то, что развивается изнутри во мне. Между тем как простое воспоминание показывает то, что развивается извне вовнутрь.

Таким образом, можно сказать, что в этой жизненной картине имеешь переживание, так сказать, непосредственно настоящего, где одно **НЕ** следует за другим, как в воспоминании, но **одно стоит рядом с другим в двумерном пространстве**. Эту жизненную картину можно очень хорошо отличить от простой картины воспоминаний.

И то, что при этом достигается, есть повышение внутренней активности, активного переживания собственной личности. Это именно существенно здесь. Человек интенсивнее развивает силы, которые излучаются из его собственной личности. Но когда это будет пережито, нужно подняться к дальнейшему шагу. Его, собственно, никто не делает охотно. Для него необходимо то, что можно назвать величайшим, какое только возможно представить себе, внутренним преодолением. Ибо то, что человек имеет в переживании этой картины, когда перед его душой стоит вся земная жизнь, — это есть субъективное чувство **счастья**, даже по отношению к тому, что причиняло боль, когда оно действительно переживалось в прошлом. То, что связано с этим имагинативным познанием, есть беспредельно сильное субъективное чувство былого.

Из этого субъективного чувства счастья произошли все те религиозные идеалы и описания, которые, как, например, описания магометанства, представляют себе жизнь за пределами земной жизни в счастливейших образах. Это возникло из переживания этого чувства счастья в имагинациях.

Это чувство счастья прежде всего необходимо **забыть**, когда и

предстоит сделать следующий шаг. Ибо теперь, после того, как мы своей волей — как я это описал — активизировали свое мышление при помощи медитации, концентрации мышления, после того, как этим активизированным мышлением поднялись до этой картины своей собственной жизни, — теперь необходимо со всей силой выключить все это из сознания. Правда, это выключение из сознания иногда очень легко происходит в обыкновенной жизни. Так, те, кому предстоит сдавать экзамен, часто жалуются на выключенность из сознания тех материалов, которые, в сущности, там должны бы быть. И обыкновенный сон есть, в конце концов, также не что иное, как выключение повседневного содержания сознания. Однако и это выключение происходит пассивно. Ибо тот, кто идет на экзамен, конечно, не станет сознательно выключать из сознания то, что знает. Это происходит пассивно. Человек делает это по своей слабости, благодаря слабой силе своего присутствия в настоящем. Но именно после того, как эта сила была укреплена, такое выключение должно произойти для возможности следующего шага в сверхчувственном познании.

И действительно, очень легко может случиться, что после того, как человек концентрировал все свои душевные силы на одном избранном им содержании, у него появляется известная склонность задерживаться на этом душевном содержании, а благодаря тому, что с этой картиной связано чувство счастья, он задерживается на ней очень охотно. Он охотно удерживает ее. Но теперь нужно быть в состоянии выключить из сознания то именно, к чему стремился путем некоторого рода повышения душевной силы. И это именно и является более трудным, чем то гашение в обычной жизни, о котором я упоминал.

Вы, конечно, согласитесь, что если мы постепенно отнимаем у человека чувственные впечатления, если мы приведем человека к тому, что он ничего не видит, когда пространство сделают темным, ничего не слышит, когда установят полную тишину, если устранят, наконец, все дневные впечатления, то человек засыпает. Но это пустое сознание, при котором обычно человек засыпает, должно быть установлено по **собственной воле**. Однако, когда все впечатления сознания, а также и все самостоятельно выработанные впечатления будут погашены, человек все-таки должен оставаться бодрствующим — это именно важно: должен оставаться бодрствующим, должен иметь силу, внутреннюю активность и, в то же время, не получать никаких внешних впечатлений — **это и значит установить пустое сознание, но переживаемое со всей полнотой пустое сознание**.

Но после того, как будет выключено то, что мы ввели в сознание с помощью укрепленных сил души, именно после того, как будет установлено пустое сознание, это сознание не остается пустым, ибо тогда наступает вторая ступень познания, которую, в противоположность имагинативному познанию, можно назвать **инспирированным** познанием. И когда путем указанного приготовления мы достигаем пустого сознания, открывается возможность, чтобы так же, как прежде для глаза, вставал **видимый** мир, так теперь нам является **слышимый** мир, перед нашей душой встает теперь духовный мир. И это не есть уже

наше собственное переживание, но проникающий к нам духовный мир, который возникает тогда перед нами. И если мы настолько сильны, что можем выключить не только отдельные части того, что мы себе выработали, но выключить сразу всю жизненную картину, так что после того, как мы уже имели эту жизненную картину, мы устанавливаем затем пустое сознание, оставаясь, однако, бодрствующими, тогда опять-таки первое, что вступает в это пустое сознание, есть **предземная жизнь**, которую человек проходил, прежде чем через зачатие спустился в земное тело. Это есть первый действительный сверхчувственный опыт, который выступает после установления пустого сознания: созерцание собственной предземной жизни. С этого момента познают бессмертие человека с такой стороны, которой совсем не отмечают теперь. Теперь всегда только говорят о бессмертии. Но не охватывают всей действительности, когда говорят: бессмертие есть отрицание смерти. Разумеется, это истина, но истина есть и другое (об этом мы будем еще не раз говорить): первое, что познают на том пути, который я мог здесь только кратко наметить, есть не бессмертие — отрицание смерти, а нерожденность — отрицание рождения. **Нерожденное так же присуще человеку, как бессмертие.** И когда в будущем снова поймут, что вечность имеет эти две стороны — бессмертие и нерожденность, только тогда смогут опять познавательно проникнуть в пребывающее, в истинно вечное в человеке. Все новейшие языки еще имеют слово «**бессмертие**», но они уже утратили слово «**нерожденность**», которое имели более древние языки (слово «нерожденность» встречается у Прокла в комментариях к «Тимею». Кроме того, встречаются выражения: нерожденный Космос, нерожденный ум, нерожденная идея, нерожденная природа). Люди утратили сперва одну сторону вечности — нерожденность, и теперь перед человеческим сознанием открывается трагический момент, когда может быть утрачено также и бессмертие, поскольку в пределах материалистического мировоззрения вообще ничего не хотят знать о том, что как духовное живет в человеке.

Лекция вторая

20 августа 1923 г., Пенменмаур

ИНСПИРАЦИЯ И ИНТУИЦИЯ

Поставим еще раз перед своей душой вопрос: куда ведет новейшая наука инициации после того, как будут достигнуты первые результаты на пути к имагинативному познанию? Человек приходит к тому, что его прежний абстрактный, чисто идейный мир мыслей пронизывается жизнью. Благодаря этому перед ним стоят уже не те неживые мысли, какие приобретаются в пассивном познании, а мир внутренне живых сил, который он чувствует так, как обычно чувствуют в себе пульсацию крови или поток дыхания. Следовательно, дело в том, что **идеальный элемент мышления переходит в реальный, внутренне переживаемый мир.** И те образы, какими были прежде мысли, теперь уже не абстрактны,

не призрачны, не суть только проекции внешнего мира, а полны внутренне живым бытием. Это суть истинные имагинации, которые, как я уже указывал, переживаются **двухмерными**, однако не так, например, как если бы мы стояли перед картиной, написанной в физическом мире. Кто переживает так, тот переживает видение, а не имагинации; но здесь переживают так, как если бы **мы сами своим собственным существом, которое также утратило третье измерение, двигались в этой картине**. Следовательно, переживаемое здесь видят совсем не так, как в физическом мире. Все, что предстает таким, каково оно в физическом мире, есть именно видение. Истинное высшее познание наступает только тогда, когда краски видятся уже не так, как в физическом мире, а **переживаются**. Как же переживаются краски? Но ведь когда вы воспринимаете краски в физическом мире, то разные краски пробуждают в вас разные переживания. Вы воспринимаете красный цвет как нечто нападающее на вас — как то, что хочет броситься на вас. Бык защищается от этого нападающего на него красного цвета, который он переживает гораздо сильнее, чем человек, у которого все это ослаблено. Когда вы переживаете зеленый цвет, то ощущаете в себе как бы некую уравновешенность, переживание, не причиняющее боли, но также и никакой особенной радости. Когда вы переживаете синий цвет, то имеете чувство отдачи себя, смирение. Можно действительно глубоко проникнуться этими различными переживаниями, получаемыми от красок в физическом мире, а потом знать, когда в духовном мире встретится нечто такое же нападающее, как нападает красный цвет в физическом мире, что это соответствует красному цвету. Когда встретится нечто, вызывающее настроение смирения, то это есть то же самое переживание, как в физическом мире переживание синего или сине-фиолетового, и тогда можно в сокращенной форме сказать, что пережил красный цвет, синий цвет в духовном мире.

Итак, если бы мы хотели говорить вполне точно, то нужно было бы каждый раз сказать: мы пережили нечто такое, что переживают, когда в физическом мире видят красный цвет или когда в физическом мире видят синий цвет.

Чтобы не повторять беспрестанно этого длинного оборота речи, его сокращают и говорят об **аурическом видении**, об аурическом созерцании, которое дифференцируется на красный цвет, зеленый, синий и т.д. Но при этом переходе в сверхчувственное, при этом отбрасывании всего чувственного, без сомнения, всегда можно заметить некоторое имеющееся здесь конкретное переживание. И в этом конкретном переживании чувствуют именно то, что я уже описал: мышление становится органом осязания, как бы наполняющим весь человеческий организм, так что человек чувствует себя духовно как бы ощупывающим вновь выступающий мир, который не есть еще, собственно, духовный мир, а есть то, что я хотел бы назвать **миром образующих сил, или эфирным миром**.

Кто хочет действительно познать эфир, тот должен понимать его таким образом.

Всякое спекулирование, всякое понятийное размышление об эфире не

приводят к действительному познанию эфира. В этом, хотелось бы сказать, осуществленном мышлении живет тогда сам человек своим собственным силообразующим, или эфирным телом.

О том, как он живет в этом эфирном мире, я хотел бы сказать при помощи следующего сравнения: когда на своем организме вы рассматриваете палец, то он есть живая часть этого организма. Если вы его отрежете, он уже не будет тем, чем был прежде; и если бы палец имел сознание, то он сказал бы себе: я являюсь чем-то только в связи с организмом, я не являюсь самостоятельным существом. Но так именно должны сказать себе мы в то мгновение, когда в имагинативном познании мы стоим внутри эфирного мира. Тогда уже не чувствуешь себя отдельным, индивидуальным существом, но членом всего эфирного мира, всего эфирного Космоса, и затем знаешь, что индивидуальностью, личностью становишься только благодаря тому, что имеешь на себе физическое тело. Физическое тело есть то, что делает человека обособленным существом. Мы еще увидим, что мы **можем быть индивидуализированы также и в духовном мире**, но об этом после. Сначала, когда мы, как я это описывал, поднимаемся в духовный мир, мы главным образом должны почувствовать себя членом внутренне-эфирного Космоса. И если бы в отношении эфирного тела мы когда-либо были отрезаны от Космоса, то мы эфирно умерли бы. Это очень важно запомнить, чтобы потом уметь хорошо понять то, что должно быть сказано о прохождении человека через врата смерти, но это будет сказано позднее. Итак, я уже на это указывал: это образное переживание, которое становится жизненной картиной, охватывающей всю жизнь человека от рождения до настоящего момента в земном бытии, — все это **переживание в эфире пронизано чрезвычайно сильным чувством счастья**. Это есть первое и именно крайне приятное человеку высшее переживание, эта пронизанность всего мира образов внутренне переживаемым чувством счастья. Затем необходимо, как я уже указал, все эти достигнутые имагинации, всю эту картину собственной жизни опять своей собственной волей заставить исчезнуть из сознания. Нужно суметь сделать сознание пустым. И только когда мы будем иметь это пустое сознание, только тогда мы постигнем, как, собственно, обстоит дело с переживанием в духовном мире. Ибо тогда мы будем знать: все то, что ты видел до сих пор, это не был еще духовный мир, это была только имагинативная картина духовного мира. Только теперь, когда мы пришли к ступени, где сознание сделалось пустым, только теперь, как физический мир через чувства, так через осязающее мышление в нас вливается духовный мир. Только теперь мы начинаем приобретать действительное переживание, действительный опыт в отношении духовного мира, внешнего духовного мира. Ибо в картине нашей жизни мы имеем все еще только наш внутренний мир. **Имагинативное познание дает только внутренний мир**, который перед высшим познанием характеризуется как образный мир.

И он дает образы Космоса. Самый Космос и наше собственное, истинное существо, каким оно было до рождения, до земного бытия, — это выступает только в инспирации, когда духовный мир вливается в нас

извне. Но когда мы приходим к установлению пустого сознания, то наша душа бывает наполнена сначала только бодрствованием, и мы должны уметь в этом чистом бодрствовании прийти к известной внутренней тишине, покою. Этот покой я могу охарактеризовать только следующим образом. Представим себе, что мы находимся в крайне шумном городе. Мы слышим вокруг себя грохот этого города. Ужасно, говорим мы себе, как вокруг нас все гремит и грохочет. Представим себя с достаточной силой в таком большом городе — в Лондоне, например. Но представим себе теперь, что мы оставили этот город. И по мере того, как мы шаг за шагом удаляемся от этого города, вокруг нас становится все тише и тише. Вдумаемся как следует в это убывание слышимого. Становится все тише и тише. Наконец мы приходим, скажем, в лес, где все совсем тихо, где мы больше ничего не слышим, где вокруг нас все молчит. Тогда мы достигли, так сказать, нулевой точки слышимого. Но это может пойти еще дальше. И здесь я позволю себе употребить тривиальное сравнение, чтобы показать вам, как это может еще дальше быть. Представим себе, что у нас в бумажнике есть деньги. Мы тратим их день изо дня, деньги все убывают, как убывает слышимость, когда мы удаляемся от города. И если мы ничего не добавляем в бумажник, то наступает день, когда в нем ничего уже не оказывается. Но что мы делаем, если хотим все-таки жить? Мы делаем долги. Конечно, я этого не советую, а беру только для сравнения. Сколько же мы имеем тогда в своем портмоне? Меньше, чем ноль. И чем более мы делаем долгов, тем меньше и меньше, чем ноль, мы имеем. Теперь представьте себе, что то же самое происходит с тишиной. Это будет тогда не только абсолютный покой, нулевая точка тишины, но это идет дальше — это будет негатив слышимого; **тише, чем тишина**, молчаливее, чем молчание. Это должно действительно наступить, когда мы, как было указано, благодаря окрепшей силе приходим к установлению внутреннего покоя и молчания. Но, когда мы приходим к этой негативной слышимости, к этому покою, который больше, чем покой нуля, тогда мы находимся в духовном мире так, что не только созерцаем его, но он звучит для нас. Тогда прежнее созерцание повышается благодаря звучанию до степени более живого мира. Тогда мы находимся внутри действительного духовного мира. Тогда мы перешли как бы на другой берег бытия на то время, когда мы пребываем там, вверху; на том берегу исчезает обычный чувственный мир; мы находимся в духовном мире. Но, разумеется, мы должны, как я покажу это позднее, быть настолько хорошо подготовлены, чтобы **уметь во всякое время вернуться обратно**. Однако выступает еще нечто. Выступает то опытное узнавание, которого человек никогда не мог иметь прежде. То, что я изобразил как переживаемое внутренне, всеобъемлюще, я хотел бы сказать, космическое чувство счастья, превращается в это мгновение, когда мы установим пустое сознание и покой, в такую же всеобъемлющую **душевную боль**, в такое же всеобъемлющее душевное страдание. И мы познаем, что **мир построен на основе космической боли**, то есть того космического элемента, который человеком может быть пережит только как боль. И мы познаем насквозь пронизывающую нас истину, которой так охотно пренебрегает человечество, ищущее только внешнего счастья, что, **в**

конце концов, всякое бытие должно рождаться из боли. И мы смеем тогда, достигнув до такого рода переживания космической боли в посвятельном познании, сказать из действительного внутреннего знания следующее: мы рассматриваем наш глаз, который открывает нам в физическом мире все величие этого мира. Этот глаз, который имеет для нас такое значение, что благодаря ему мы вообще получаем 9/10 жизненного содержания в физическом бытии между рождением и смертью, — этот глаз вложен в тело, он есть телесная впадина, которая первоначально, при своем возникновении, представляет собой в действительности ранение тела. То, что теперь может получиться только, когда, нанося рану, выдалбливают тело, это привело к образованию глазных углублений. Внешняя история развития представляет себе слишком безразличным процесс возникновения глазных впадин, в которые затем, как это показывает теперь уже и физическая история развития, было вставлено глазное яблоко. Глазная впадина возникла в те времена, когда человек был еще бессознательным существом, в силу того процесса, который, если его поднять в сознание, означал бы болезненное ранение органа. Но также и весь человеческий организм вынесен из элемента, который, если бы он был пережит тем сознанием, какое имеет теперь человек, был бы переживанием боли. И на этой ступени познания именно глубоко ощущают, как **все счастье, вся радость, все блаженство в мире восходят на почве элемента боли**, подобно тому, как растение вырастает из почвы земли, которая всегда означает, собственно, боль.

Если бы мы, как люди, на мгновение могли превратиться в субстанцию земной почвы и сохранить наше сознание, то это имело бы своим последствием беспредельное повышение в нас чувства боли. Поверхностные люди скажут, когда им сообщат об этом факте, который есть откровение из духовного мира: но я представлял себе божество иначе, я полагал, что божество настолько всесильно, что оно может породить все из счастья, как этого хотели бы мы, люди. Но эти люди подобны именно тому испанскому королю, которому показали однажды пластическое изображение Вселенной с ходом звезд, — он должен был употребить все усилие, чтобы понять, как происходят эти движения, как все это устроено, в конце концов ничего не понял и сказал тогда: если бы Бог поручил это мне, я сделал бы мир более простым. Но таково, в сущности, познавательное и религиозное чувство многих людей. И они именно не сознают, как наивно они рассуждают. Но истинная наука инициации не может вести людей только к тому, что делает их счастливыми, а должна привести к тому, чтобы они могли понять свое существо и свое назначение в происхождении из мира, в прошлом, настоящем и будущем. Для этого нужны духовные факты, а не сообщения человеку того, что сразу же ему может понравиться. Но, в конце концов, это должны показать и настоящие лекции — именно благодаря переживанию, а также и мыслительному познанию этих фактов можно получить значительную внутреннюю помощь и для земной жизни. Без сомнения, таким образом можно получить то, что необходимо человеку в земной жизни для того, чтобы быть вполне человеком, так же, как ему

необходимы его физические члены, чтобы он мог быть вполне человеком.

Мир, в который мы вступаем, когда выходим за пределы имагинации, в тишину бытия, откуда — как я указывал — в сияющих красках, звуча, возвещает о себе духовный мир, — этот мир существенно отличается от того, какой мы воспринимаем чувствами. И когда мы живем совместно с духовным миром, — а мы должны жить совместно с этим миром, чтобы он существовал для нас, — тогда мы убеждаемся, что все чувственно-физические вещи и все чувственно-физические процессы возникли в действительности из этого духовного мира. Следовательно, человек, как земной человек, видит, собственно, только одну половину мира, другая скрывается от него, остается оккультной. И она открывается — я хотел бы сказать, из всех мелочей и из всего свершения физического чувственного мира — как нечто духовное прежде всего в имагинации, затем в том, что может само творчески дать себя в инспирации. С этим миром инспирации можно освоиться. Тогда именно в нем мы находим начала всех земных вещей, всех земных созданий.

Мы находим в нем, как я уже указывал, свое предземное бытие. Этот мир — дело не в названиях, но все же нужна терминология, — этот мир, который лежит, следовательно, за пределами имагинативного, я назвал **астральным**. И то, что мы несем в себе от этого мира, что мы уже приносим с собой в физическое и эфирное тела, можно соответственно назвать астральным телом человека. И только уже в это астральное тело включена, так сказать, собственно организация “Я”.

Таким образом, для высшего познания человек является четырехчленным существом, состоящим из своего физического тела, своего эфирного, или силообразующего, тела, своего астрального тела и своей организации “Я”.

Но к этой организации “Я” поднимаются только при помощи дальнейшего шага в сверхчувственном познании, того шага, который в своих книгах и, в частности, в книге «Как достичь познания высших миров?» я назвал **интуицией**.

Можно очень легко неверно понять слово «интуиция», так как уже тот, кто обладает фантазией, кто имеет поэтический дар, называет также интуицией то восприятие мира через чувство, какое у него имеется. Но это есть только неясная, смутно чувствуемая интуиция. Хотя она все же родственна с тем, что я называю здесь интуицией. Ибо так же, как человек, в качестве земного человека, обладает в полной мере своими чувственными восприятиями, также имеет он и отблеск наивысшего рода познания — интуиции в своем земном чувстве и земной воле. Иначе он не мог бы быть нравственным существом. Ибо то, что неясно в предчувствии, возвещает о себе в человеке как **совесть** — это есть отблеск, как бы теневой образ высочайшего, которое появляется только в истинной интуиции, в наиболее высоком, возможном, прежде всего для земного человека, способе познания. Действительно, человек, как земной человек, имеет нечто от самого низшего, но имеет также и теневой образ от самого высокого, которое достижимо только в интуиции. Именно средние области сначала совершенно отсутствуют у него как у земного человека. Он должен их в себе развить: имагинацию и инспирацию. Также должен он

развить в себе чистую, светлую интуицию, но он имеет в нравственном ощущении, в нравственном содержании совести, земной отблеск того именно, что выступает затем как интуиция. И поэтому можно также сказать: когда человек, как посвященный, познающий, поднимается до истинного интуитивного познания мира, тогда мир, который прежде он знал только в законах природы, становится для него настолько же внутренним, настолько же связанным с ним, каким прежде был для него — земного человека — только мир нравственных понятий. И в человеческом существе на Земле наиболее значительно именно то, что своим глубочайшим смутным предчувствием мы, так сказать, связаны с тем наивысшим, которое в своем истинном образе доступно только развитому познанию. Третий шаг к высшему познанию, который необходимо сделать для того, чтобы войти в область интуиции, может быть осуществлен только благодаря наивысшему развитию той внутренней способности, какую в настоящее время вообще не относят к числу познавательных сил. Только благодаря наивысшему развитию и одухотворению способности любви можно достичь того, что открывается в интуиции. **Человек должен прийти к возможности сделать способность любви силой познания.**

Мы уже хорошо подготовимся к этой одухотворенной способности любви, если некоторым образом оторвемся от некоторой привязанности к внешним вещам, делая, например, правильное упражнение в том, чтобы представлять себе наши переживания не так, как они протекали, а в **обратном порядке**. Ибо нашим пассивным мышлением мы совсем, хотел бы я сказать, как рабы, отдаемся событиям мира. Я говорил уже, что и в построениях мысли мы представляем себе более раннее — ранним, более позднее — поздним. Когда мы смотрим постановку драмы на сцене, то имеем сперва первый акт, потом — второй, третий, четвертый и т.д. Но если мы можем подняться до того, что представим себе сперва самый конец, потом — то, что было непосредственно раньше, потом — то, что было в начале пятого акта, потом придем в обратном порядке к четвертому, потом также в обратном порядке к третьему, ко второму, к первому акту, то мы совсем отрываем себя от той последовательности, какая имеется во внешнем мире. Мы представляем в обратном порядке. Во внешнем мире это протекает не так. Мы должны сделать значительное, чисто внутреннее усилие, чтобы представлять именно в обратном порядке. Благодаря этому мы отрываем внутреннюю деятельность нашей души от тех привязей, на которых мы постоянно влечемся. Таким образом, постепенно доводим это внутреннее душевно-духовное переживание, где это духовно-душевное действительно отрывается от телесного, и от эфирного также. **Человек хорошо подготовит себя к этому отрыванию, если он сможет каждый вечер представлять себе в обратном порядке свои дневные переживания:** сперва то, что было пережито, потом дальше, назад, по возможности представляя себе все подробности; так, например, если поднимаемся по лестнице, то нужно сначала представить себя вверху на последней ступени, потом — на предпоследней, на третьей и т.д. — вниз, до самого конца лестницы, и также обратно: пройти в обратном порядке то, что делал, когда

поднимался вверх. Вы скажете: за день мы столько переживаем, что это продлится долго. Ну, тогда можно начать с того, чтобы делать эпизодически, — представим себе отдельно подъем и спускание по лестнице в обратном порядке: спускание и подъем; таким образом мы приобретаем такую внутреннюю подвижность, что мало-помалу сможем действительно в 3-4 минуты представить себе в обратном порядке все, что было пережито в течение дня. Но этим сделана, собственно, только половина, в сущности, только негатив того, что необходимо для повышения, для духовного развития способности любви. Ибо она должна достигнуть той точки, где с любовью переживается последовательно весь рост растения, так как в обычной жизни мы смотрим ведь только извне, как этот рост происходит в пространстве; мы не участвуем в нем, как участвуют, когда переживают вместе с растением все отдельные моменты произрастания, когда в него погружаются, когда своей душой сам становишься этим растением, когда сам растешь, цветешь, сам приносишь плоды, — следовательно, когда погружаешься до конца, когда растение становится таким же близким тебе, как ты сам; когда затем таким же образом поднимаешься к представлению о животном, нисходишь к представлению о минеральном, когда чувствуешь, как минеральное слагается в кристалл, когда можешь ощутить как бы внутреннее удовлетворение в этом образовании плоскостей, граней, углов; когда при восприятии этих плоскостей, граней, углов чувствуешь внутреннее довольство, а при разрушении, расщеплении кристалла ощущается нечто как боль, пронизывающая твое собственное существо, когда душевно сливаешься таким образом со всем, происходящим в природе, сливаешься не только в чувстве, но также и в воле. Но этому должна предшествовать действительная, распространяющаяся на всех людей способность любви. Мы никогда не сможем указанным образом истинно любить природу, если не приобретем сперва способность **любви ко всем людям**. Тогда, после того, как мы достигнем такого рода понимающей способности любви ко всем людям, тогда наступает момент, в который то, что прежде воспринималось — скажем мы — в аурических красках, в звучании сфер, теперь слагается, контурируется в действительные духовные существа (принимает очертания).

Но переживание этих духовных существ не таково, как переживание физических вещей. Когда я имею перед собой физическую вещь, например, эти часы, то я стою здесь, часы там; я могу пережить их только в созерцании, они находятся на расстоянии от меня. Я нахожусь с ними в определенных отношениях пространства. Так никогда нельзя действительно пережить духовное существо. **Духовное существо нужно пережить, всецело погружаясь в него, то есть прилагая ту способность любви, какую развил сперва по отношению к природе.** Духовная интуиция возможна только при применении в тишине, в том, что стало пустым в сознании, всей той способности любви, которую мы могли развить по отношению к природе. Представьте себе, что вы развили в себе эту способность любви на отношении к минералам, растениям, животным и людям. И вот вы стоите в полной пустоте сознания. Вас окружает тот негативный, ниже нуля лежащий покой. Вы

ощущаете боль, которая лежит в основе всего мира, всего бытия. **Это есть в то же время боль одиночества.** Ничего еще нет. Но тогда вдруг **вскипающая изнутри способность любви** ведет вас к тому, что вы действительно пронизываете вашим собственным существом то, что выступает теперь в инспирации, то, что вы теперь созерцаете, слышите. Силой этой способности любви вы погружаетесь в одно существо, в другое существо. Те существа, которые я описал в моей книге «Тайноведение», теперь вами переживаются; они становятся реальным сущностным бытием мира. Конкретный духовный мир переживается теперь так же, как благодаря глазу, уху, благодаря чувству, благодаря теплу переживается конкретный физический мир. Но до этой ступени необходимо проникнуть, если мы хотим прийти к особенно существенному для человека переживанию (я говорил уже о том, как через инспирацию в нашу душу вступает предземное, чисто духовное бытие, о том, как через эту инспирацию мы впервые познаем то, чем мы были до того, как благодаря зачатию спустились в земное тело), когда мы можем ясновидяще — как я это сейчас описал — проникать силой способности любви в духовные существа; тогда нам открывается также и то, что впервые делает человеческое существо завершенным в его внутреннем переживании.

Открывается то, что во время теперешней жизни пребывает в духовном мире; открывается то, чем мы были прежде того, как поднялись к последней духовной жизни между смертью и новым рождением. Открывается прошлая земная жизнь и постепенно, одна за другой, еще более ранние земные жизни. **Ибо это истинное “Я”, которое существует в повторных земных жизнях, может открыться только после того, как человек повысит способность любви до того, что сможет любить другое существо в природе или в духовном мире так же сильно, как он любит только себя в своем себялюбии.** Но никогда для себялюбия не будет доступно истинное “Я”, которое идет через повторные рождения и смерти. Повторные земные жизни открываются человеку только, когда в мгновение познания он живет уже не в себялюбии, а в той любви, которая способна всецело забыть себялюбие и жить в объективном, внеличном существе так, как обычно в физическом бытии живут, любя себя, в себялюбии.

Ибо это “Я” прошлой земной жизни стало для теперешней земной жизни настолько же объективным, как объективен любой внешний камень или растение, когда они вовне перед нами в пространстве.

Мы должны научиться с субъективной любовью охватывать то, что для теперешней субъективной личности стало именно совершенно объективным, совершенно чуждым. Мы должны преодолеть себя в своем теперешнем земном существе, чтобы получить вообще какое-либо прозрение в прошлую земную жизнь. Но когда мы таким образом развиваем познание, то жизнь человека в ее совокупности представляется протекающей как бы взмахами воли через земные ступени бытия, от рождения или зачатия до смерти и затем — опять через чисто духовные ступени бытия — от смерти до нового рождения и снова назад, к Земле, и т.д. Земная жизнь в ее целом представляется как повторные прохождения через рождения и смерти и затем опять через чисто духовные ступени

бытия — от смерти до нового рождения и снова назад, к Земле, и т.д.

Это есть познание, которое может быть приобретено только через интуицию, то есть реальное, опытное знание. Я мог представить вам — сперва в кратком очерке — путь, который необходимо пройти именно в наше время, в настоящий момент развития человечества, чтобы прийти к действительному духовному спиритуальному познанию существа мира и человека. Но наука инициации имела всегда со времен существования человечества. В разные эпохи развития человечества она должна была принимать разные формы. Так как человек есть существо, которое иначе проходит своей душой через каждую следующую земную жизнь, то и все, выступающее в человечестве во время разных эпох мирового развития, также совершенно различается между собой. Некоторые из этих различий мы еще узнаем в ближайшие дни.

Сегодня я хотел бы сказать только следующее, именно в отношении того, что должно было даваться как наука инициации, — дело обстояло в древние времена человеческого развития совсем иначе, чем теперь. Если мы вернемся в прошлые тысячелетия — подробнее это выяснится позднее, — то задолго до Мистерии Голгофы мы найдем совсем другого рода, чем теперь, отношение человека к природному и духовному миру и, соответственно этому, также совсем другую науку инициации, чем та, которая является правильной для современного человека.

В наше время мы имеем широко развитое естествознание. Я не буду говорить сейчас о высших областях естествознания, а скажу только о том, что дается детям после 6-7 лет как всеобщая мировая мудрость. Так, уже в сравнительно раннем возрасте ребенок воспринимает теперь ту закономерность, которая, хотел бы я сказать, опирается на коперниканскую мировую систему; исходя из этой коперниканской системы, строят затем гипотезы о том, как может возникнуть Вселенная. Говорят о гипотезе Канта-Лапласа, которая, хотя и была пересмотрена, но в существенном и теперь еще стоит перед людьми. Усматривают некую первичную туманность и полагают, что из этой первичной туманности силой вращения образовались планеты с оставшимся в центре Солнцем. Далее полагают, что из особого кольца, которое стянулось затем в шар Земли, отколовшись от первичной туманности, развились путем дифференциации дальнейшие существа: минералы, растения, животные и, наконец, человек. Все это представляется именно в чисто естественнонаучном смысле. Чтобы сделать это понятным для детей, перед ними проводят род показательного эксперимента, который сразу все объясняет. Берут каплю масла, которая плавает на воде, помещают в область экватора кружочек картона, прокалывают сверху булавкой и вращают картон. Так можно показать, что сперва отделяется, продолжая вращаться, одна капля, потом другая и т.д. и образуется настоящая маленькая планетная система с Солнцем в центре.

Конечно, очень хорошо, когда в моральной области человек может забыть о себе; но при демонстрации явлений природы не следовало бы забывать о себе. Ибо вся эта история с каплей не могла бы состояться, если бы некто не стоял рядом и не вращал рукой булавку. Следовательно, это так же должно быть сюда причислено. Совершенно необходимо для

того, чтобы эта гипотеза подтвердилась, поместить во Вселенной гигантского учителя, который начал бы и, в сущности, потом все время продолжал вращение; иначе эта мысль не будет проведена во всей ее первоначальной полноте. Но такова именно особенность материалистической эпохи, что мыслится только четверть, восьмая или даже еще более мелкая часть истины и с огромной внушающей силой входит в души людей. Так живем мы теперь в одностороннем рассмотрении природы и ее закономерности.

Я мог бы привести здесь многое, что показало бы вам, как человек подходит теперь к природе и, благодаря всему воспринятому им от современной цивилизации, рассматривает природу в так называемой каузальной (причинной) закономерности. Это пронизывает теперь все его бытие. Он может еще сохранить для себя духовный мир самое большее в религиозной традиции. Если мы хотим подняться к истинному духовному миру, то должны пройти указанный мною путь внутреннего развития через имагинацию, инспирацию и интуицию. Таким образом, наука инициации должна привести от понимания закономерности природного бытия или, по крайней мере, от веры в возможность охватить этим путем бытие природы к постижению духовного. Всякая современная наука инициации должна направляться к тому, чтобы перевести человека от естественного, природного восприятия Космоса к духовному восприятию Космоса. Совсем наоборот было в древней науке инициации несколько тысячелетий назад. Тогда мудрецов мистерий, руководителей мест инициации, которые одновременно были школой, храмом и обителью искусства, — этих мудрецов окружало человечество, собственно, ничего не знавшее о природе в том смысле, как знает о ней современное человечество со времен коперниканского мировоззрения, но это было человечество, которое внутренне инстинктивно переживало также и духовно-душевное как нечто космическое и передавало это духовно-душевно-космическое в мифах, в легендах, которые мы теперь уже не понимаем в нашей общей цивилизации. Об этом нам предстоит еще говорить более подробно. Но тогда переживание человека было еще инстинктивным душевно-духовным переживанием. И оно было для человечества тем, что во время его бодрствования наполняло его как бы сонными грезами, имагинациями. Непрерывно исходили тогда из глубин прачеловечества грезящие имагинации, которые слагались затем в легенды, в мифы, в сказания о богах. В этом жили. Смотрели вовне, в мир, и переживали свои грезящие имагинации. Переживали затем: когда живешь не в этих грезящих имагинациях, то живешь в бытии природы. Видишь радугу, облака, проходящее по небу Солнце, видишь реки, видишь горы в их образовании и существовании, видишь минералы, растения, животных. И все это, что воспринимали тогда чувствами, становилось для древнего человечества именно великой загадкой. Ибо период, который я имею в виду, — были другие, более ранние или более поздние эпохи, когда цивилизация была иной, — но период, который я имею в виду, который лежит за несколько тысячелетий до Мистерии Голгофы, в этот период человечество чувствовало себя внутренне осчастливленным, когда имело свои грезящие имагинации. И внешний чувственный мир, где в радуге, в

облаках, в передвигающемся Солнце, в минералах, растениях и животных видели то, что видел в них глаз, а также и в звездном мире видели только то, что было тогда запечатлено в докоперниканской, то есть в птоломеевой системе мира, этот внешний мир предстал перед тогдашним человечеством так, что это человечество говорило себе: «Но своей душой я живу ведь в божественно-духовном мире. Там, вовне, простирается лишенная божественного природа. Источник, когда я смотрю на него, не имеет духовности, радуга не имеет духовности, минералы, растения, животные и физические люди не имеют никакой духовности, когда я смотрю на них внешними чувствами». И природа предстала как отпавший от божественной духовности великий мир. Это ощущение жило в человечестве в те времена, когда весь видимый Космос рассматривался как нечто отпавшее от божественно-духовного. И людям нужно было не одно только абстрактное познание, чтобы соединить эти два переживания — внутреннее переживание Бога в себе и внешнее переживание отпавшего чувственного мира, — люди нуждались в познании, которое было бы одновременно утешением в том, что человек как таковой своим физическим, своим эфирным телом принадлежит именно к этому внешнему, отпавшему, чувственному миру.

Нуждались в утешении, которое показало бы, как этот отпавший, чувственный мир относится к тому, который переживается в инстинктивном имагинировании через грезящее смутное, но для тогдашних условий достаточное переживание духовного мира. Познание должно было быть утешением. И утешение искали те, которые устремлялись к мистериям, те, которые искали только того, что могло быть дано в мистериях более внешне как такое утешение, и те, которые хотели быть учениками этих мудрецов мистерий, чтобы стать посвященными в тайны бытия, в загадку, которая вставала перед человечеством. Эти древние мудрецы мистерий, бывшие одновременно жрецами, учителями и мастерами искусства, объясняли при помощи того, что будет еще описано ниже и что имелось в мистериях, — объясняли этому человечеству, что все же в отпавшем мире, в журчащем ручье, в цветущем дереве, в распустившемся цветке, в слагающемся кристалле, в выступающей радуге, в пробегающем облаке и в движущемся Солнце живут те же божественно-духовные силы, которые человек инстинктивно переживает в своей грезящей имагинации. Они показывали этому человечеству примирение отпавшего от божества мира с божественным миром, который человек воспринимал в своих инстинктивных имагинациях. Они предлагали ему утешающее познание, они несли этому человечеству освобождение через познание, которое делало природу снова наполненной божеством, так же и для человеческого созерцания, когда человек искал в мистериях именно этого утешающего познания. Поэтому мы находим, что об этих древних временах развития человечества сообщается — это сообщается даже еще в Греции — как именно то, что мы даем теперь детям в школе: что Солнце стоит неподвижно, а Земля вращается вокруг него, — это хранилось, как сокровенное знание, в мистериях. То, что для нас есть чисто внешнее знание, было тогда сокровенным познанием. Объяснение природы было

тогда тайноведением. Теперь, как это может видеть каждый, воспринявший ход развития человечества, и это делает, в сущности, каждый мыслящий человек, в то время как его воспитывают и обучают, — теперь природа с ее законами есть то, во что вживается человек. Зато духовный мир отошел от него. Древние, грезящие имагинации прекратились. Человек ощущает природу как то, в чем он не находит полного удовлетворения, что предлагается ему как нечто нейтральное; это уже не греховная Вселенная, не отпавший Космос, а Космос, который, в силу своей внутренней необходимости, должен быть именно таким, каков он есть.

Затем человек развивает свое самосознание, затем учится познавать в каждой отдельной точке духовность, затем чувствует внутреннее стремление, которое хочет само это внутреннее снова связать с Богом. И затем ему нужно только, чтобы в дополнение к познанию природы он был в соответствии с этим познанием природы введен в духовный мир путем новой науки инициации. Из духа, которого человек переживал инстинктивно, которого воплощал в своих мифах, могла исходить древняя наука инициации, приводя затем к природе. Новая наука инициации должна исходить из того, что человек переживает теперь, прежде всего, когда познает свои законы природы, в которые он затем верит, — она должна исходить из его познания природы и указать обратный путь к духовному миру через имагинацию, инспирацию, интуицию. Так имеем мы в развитии человечества, за несколько тысячелетий до Мистерии Голгофы, этот важный момент, когда люди исходили из инстинктивного переживания духа, чтобы, как к предельному, сокровенному знанию, прийти к тем понятиям и идеям, которые выражают законы природы. Теперь, например, эти законы природы человек переживает уже ребенком. Перед этой трезвостью, перед этой прозрачностью жизни, перед этим натурализмом прежде всего отступил духовный мир во внутреннем существе человека. И наука инициации должна теперь показать обратный путь от природы к духовности. Для древнего человечества природа была во тьме, дух был в свете. Свет, почерпнутый в ясности духа, должна была ввести древняя инициация в природную тьму, чтобы и она тоже была озарена. Современная наука инициации должна исходить из того света, который внешне, натуралистически бросается Коперником, Джордано Бруно, Галилеем, Кеплером, Ньютоном и другими во внешнюю природу. И тогда этот свет должен быть взят из состояния мертвости, его надлежит оживить и путем, противоположным пути древней инициации, найти снова дух в его истинном свете.

Лекция третья

21 августа 1923 г., Пенменмаур

Одно кажущееся сперва весьма обоснованным возражение против занятий антропософией заключается в том, что антропософическое исследование фактов духовного мира предполагает именно прохождение человеком такого развития, которое — как я это указал — может быть

вынесено только из более глубоких сил человеческого существа. И что, следовательно, тот, кто еще не прошел такого развития, то есть не достиг еще того, чтобы иметь самому созерцания сверхчувственных фактов и сверхчувственных сущностей, не может проверить истинности того, что говорится духовным исследователем. И при обсуждении сделанных где-либо сообщений о духовном содержании мира весьма часто слышится возражение: что, собственно, должны делать с этими идеями о сверхчувственном мире те, которые не могут еще созерцать этого сверхчувственного мира?

Но именно такое возражение основано на полнейшем заблуждении. Оно исходит из мнения, что когда человеку говорят о сверхчувственном мире, то говорят о чем-то совершенно для него неизвестном. Однако это совсем не так. С другой стороны, в науке инициации существует весьма значительное различие в отношении того, что является в этой области правильным в настоящее время и что было правильным некогда в древние времена. Припомните, как я обрисовал путь в духовные миры. Он ведет к тому, сказал я, что сперва видят в величественной жизненной картине все переживания, все испытанное личностью в данной земной жизни. Обозревают сразу все пройденное в этой земной жизни. Затем я говорю о том, что когда от имажинативного познания поднимаются к инспиративному, то через пустое сознание, через абсолютную внутреннюю тишину и покой приходят к обозрению предземной жизни, то есть вводятся в тот мир духовных фактов, который человек проходил между последней смертью и своим теперешним нисхождением на Землю. И вы должны обдумать тот факт, что каждый человек — прежде чем сойти на Землю — имел в полной реальности те переживания, о которых может сообщить исследователь духовного мира. Таким образом, когда исследователь духовного мира облакает в слова эти сначала неизвестные факты, то, в действительности, он апеллирует не к чему-то совершенно неведомому для человека, а к тому, что каждый человек прошел, испытал до своей земной жизни. И поистине, то, к чему апеллирует исследователь духовного мира, есть не что иное, как пробуждение космических воспоминаний.

Все то, о чем говорит исследователь духовных миров, имеется во всех нас, коренится в наших душах.

Но только оно было забыто при переходе от предземной жизни в земную жизнь. И, в сущности, исследователь духовных миров делает только то, что он напоминает человеку нечто, о чем тот забыл. Представьте только себе, что вы подходите к человеку в обычной земной жизни. Вы имеете точное воспоминание о том, что пережили с ним год тому назад. Тот другой человек совершенно забыл об этом. Но вы говорите с ним. Вы можете вызвать в его собственном воспоминании то, что сами вы еще совершенно отчетливо несете в своем воспоминании. Точно такой же процесс — но перенесенный в более высокую область — лежит в основе того, когда я говорю вам о высших мирах, единственное различие состоит только в том, что пережитое человеком в доземном бытии забыто гораздо более основательно, чем пережитое в земной жизни.

И лишь потому, что человек не хочет достаточно интенсивно спросить

себя: находишь ты в своей душе что-либо, могущее подтвердить то, что говорит исследователь духовных миров? — только благодаря этому скрытому в человеке чувству антипатии он не проникает, так сказать, достаточно глубоко в свою душу, когда читает или слушает то, о чем говорит духовный исследователь. Поэтому полагают, что он говорит о чем-то, известном только ему одному и чего проверить нельзя. Это прекрасно можно проверить, если избавиться от предубеждения, проистекающего из указанной антипатии. Ибо духовный исследователь прежде всего вызывает в памяти только все то, что было пережито каждым человеком в предземном бытии. Но могут сказать: зачем еще в земной жизни заставлять человека думать о том, что он сам собой, благодаря устройению Космоса — можно даже сказать, благодаря решению богов, — переживает в своем внеземном бытии? И есть опять-таки люди, которые скажут: но для чего нужно мне прежде моей смерти заниматься этим познанием сверхчувственных миров? Ведь могу же я подождать, пока умру; тогда все это, если оно вообще существует, само собой выступит передо мной. Но это основано на полном непонимании земной жизни. Факты, о которых говорит духовный исследователь, были пережиты каждым человеком в предземном бытии, — факты, но не мысли о них; **мысли о них могут быть пережиты только в земном бытии.** И только выработанные в земном бытии мысли о сверхчувственном мире можем мы пронести сквозь врата смерти, и лишь тогда мы поймем факты, которые переживаем между смертью и новым рождением. Если бы мы хотели выразить это в резкой форме, то следовало бы сказать: в сущности, **жизнь человека современной эпохи будет чрезвычайно затруднена, если в своем земном существовании он не усвоит себе никаких мыслей о сверхчувственном мире.**

В таком случае, пройдя сквозь врата смерти, он не придет к действительному пониманию того, что его тогда окружает.

Понимание того, что переживается после смерти, должно быть приобретено в земной жизни. Мы увидим в дальнейшем изложении, что для человечества более ранних времен это было иначе. Но в настоящий момент эволюции человечества дело обстоит именно так, что люди будут поставлены все более и более в необходимость здесь, на Земле, приобретать себе понимание того, что они переживают в сверхчувственном мире между смертью и новым рождением. И тогда можно сказать: духовная наука вправе говорить совершенно открыто теперь, когда каждый может ее проверить, ибо если он достаточно глубоко войдет в свою душу, то мало-помалу придет к тому, что скажет себе: мне, без сомнения, ясно то, о чем говорит здесь духовный исследователь. Оно точно таково, как то, что я когда-то уже пережил. И потому действительно необходимо, говоря о духовном познании, избирать несколько другой язык, чем тот, который принят обычно. Дело в том, чтобы тот, кто подходит к духовной науке, уже благодаря самой манере и характеру изложения получил впечатление: здесь я узнаю нечто, что совсем не относится к чувственному миру. Но тогда противники говорят: то, что сообщается из духовного познания, — нелепость, фантастика. До тех пор, пока люди признают и хотят признавать только чувственный мир,

это замечание будет, конечно, справедливо, так как сверхчувственный мир выглядит действительно совсем иначе, чем чувственный. И только тот, кто перестанет держаться за чувственные предрассудки и глубже рассмотрит свое собственное душевное существо, скажет тогда себе: то, что говорит духовный исследователь, есть лишь побуждение к тому, чтобы я сам извлек из своей души то, что я уже имею в этой душе. Многие, разумеется, восстают против того, чтобы человек сделал себе такого рода признание. Но нужно прямо сказать, что для познания сверхчувственных миров это признание является величайшей необходимостью. И человек убедится, что даже самые трудные вещи становятся понятными, когда он захочет этим глубоким способом вникнуть в свое "Я". К числу этих наиболее трудных вещей следует, без сомнения, отнести **математические истины**. То, что познается в математике, считается абсолютно правильным. Но особенность заключается в том, что даже математика, геометрия перестают быть правильными, когда вступают в духовный мир. Дело в том — я хотел бы пояснить это на совсем простом примере, — дело в том, что мы, конечно, признаем, как это называют, аксиомой, самоочевидностью старую евклидову истину, к которой привыкли с юности.

Считается, например, бесспорным: если я имею точку А и точку В, то кратчайший путь между ними есть прямая. Всякий другой путь, всякая кривая длиннее. На этом признании, которое является само собою понятным для физического мира, основана большая часть нашей геометрии. В духовном мире — наоборот. **Там прямая, проводимая от А к В, есть наиболее долгий путь**. Всякий другой путь короче, так как всякий другой путь в духовном мире может быть пройден свободно. Если, находясь в А, мы имеем представление, что должны попасть в В, то при помощи только этого одного представления мы придем туда легче всего путем любой кривой; если же мы захотим держать путь по прямой, то есть в каждой отдельной точке держаться только одного этого направления по прямой, то это будет самым трудным, самым замедленным. Поэтому нужно идти дольше всего, если в духовном мире хочешь идти по прямой, в двухмерном или одномерном пространстве. Кто задумается над проблемой **внимания** и — как я не раз уже здесь говорил — глубоко рассмотрит в душе, что, собственно, значит внимание, тот придет к убеждению, что сообщаемое духовным исследователем из своего опыта оказывается правильным также и в этом отношении. Ибо он скажет себе: когда я бегаю туда и сюда, как мне угодно, то я легко прохожу свой путь, и это бегание вовсе не должно относиться только к действительному пробеганию расстояний, но ко всему, что мы делаем в течение дня: ведь большинство людей что-то делает с утра до вечера. Но они делают это, в сущности, совсем без внимания, делают, главным образом то, что вошло в привычку, — то что они делали вчера, что указывают им сделать другие люди и т.д. Тогда работа совершается быстро. Но представьте себе, что в каждый отдельный момент в течение всего дня вы должны быть интенсивно внимательны к тому, что вы делаете; попробуйте это когда-нибудь, и вы непременно увидите, насколько медленнее это выходит. Да, **но в духовном мире вообще нет ничего без внимания**.

В духовном мире не существует привычки. В духовном мире нет словечка «*sie*» (люди — безличное местоимение): в такой-то час завтракают, в такой-то час обедают, по такому-то случаю надевают то или другое платье и т.д. — всего того, что под этим словом «*sie*» играет такую огромную роль в физическом мире, особенно в современной цивилизации, всего этого не существует в духовном мире. В духовном мире каждый малейший шаг — даже то, что еще меньше шага — должен сопровождаться своим особым вниманием. И именно это выражено в словах: в духовном мире прямая есть наиболее долгий путь между двумя точками. Здесь мы имеем противоположность: в физическом мире прямая есть кратчайший путь между двумя точками. В духовном мире прямая есть наиболее долгий путь между двумя точками. Если только человек достаточно глубоко войдет в свою душу, то он убедится, что действительное понимание этих особенностей он может извлечь из самой души, и тогда он все больше и больше приходит к признанию себе: все, что говорит духовный исследователь, есть мудрость, которая, собственно, коренится во мне же самом; нужно только, чтобы мне об этом напомнили. И, наряду с этим, каждый, разумеется, может теперь — так как ступени пути к приобретению сверхчувственных познаний даны в таких книгах, как «Как достигнуть...» и др. — каждый может теперь, насколько это позволяет его судьба, его карма (что мы еще увидим), также идти этим путем и достигнуть собственного созерцания духовного мира. Таким образом, он приходит тогда к созерцанию фактов, к пониманию идеи духовного мира. Путем указанного самопознания, без сомнения, можно достигнуть того, что было забыто при вступлении в земную жизнь.

Можно сказать, что познание духовного мира, когда оно сообщается в идеях, доступно для понимания каждого и что, следовательно, для понимания того, что предлагает духовный исследователь, нужен именно здоровый беспристрастный человеческий ум, который должен только достаточно глубоко войти и исследовать душу. Для раскрытия же духовных фактов, для вступления в духовный мир, то есть для того, чтобы впервые говорить о фактах духовного мира, конечно, необходимо самому пройти путь познания. Поэтому, если кто-нибудь имеет теперь познание о духовных мирах, он может говорить об этом совершенно открыто; ибо то, что современный человек усваивает себе в жизни, хотя бы только благодаря школьным знаниям, именно есть та сила понимания, сила суждения, при помощи которой он может прийти также и к пониманию того, что предлагает духовная наука. Но и в этом отношении человечество древних времен было иным, чем современное человечество. Поэтому поведение тех, кто учил в мистериях, кто в мистериях развивал искусство и религию, было иным, чем оно может быть теперь у духовного исследователя. Кто теперь говорит своему окружению о духовных познаниях, тот должен всегда помнить о том, чтобы так располагать свои идеи, чтобы они действительно пробуждали воспоминания о предземной жизни. Теперь необходимо, некоторым образом, так говорить к слушателям или так излагать то, что дается читателю, чтобы это представляло воспоминания о жизни перед рождением. Хотелось бы сказать: всякая речь о духовных научных предметах есть, в сущности,

апелляция к слушателю: вслушайся в то, что говорится, взгляни достаточно глубоко в свою душу и ты увидишь, что, собственно, это коренится в твоей душе, и ты придешь к тому, что всего этого ты не мог же узнать в земной жизни, где ни один цветок, ни одно облако, ни один ручей ничего не говорят об этом, где также тебе никогда не может сказать этого никакая наука, строящаяся только на чувствах и на рассудке; ты убедишься, что все это ты принес с собой в земную жизнь, что до земного бытия ты пережил вещи, которые как бы в космическом воспоминании оставили в твоей душе то, что пробуждается духовным исследователем. Так, несомненно, апелляцией к глубочайшему внутреннему существу души является то, что делает духовный исследователь. Но это не значит, что человек должен принять в себя что-то чужое, — нет, это всего лишь призыв: нужно именно вспомнить то, что составляет глубочайшее достояние самой человеческой души.

Это было не так у людей более древних времен. Тогда мудрецы мистерий — жрецы — должны были действовать иначе, ибо люди более древних времен имели, естественно, приходившее к ним воспоминание об их предземном существовании. Несколько тысячелетий назад даже примитивнейший человек не сомневался в том, что в его душе присутствует нечто, принесенное им сюда, в чувственную жизнь, из сверхчувственной, так как он познавал это каждый день в грезящих имажинациях. В его душе было нечто, о чем он говорил себе: это дал мне не глаз, который видит дерево, это дало мне не какое-либо из других чувств, — нет, это существует в моей душе. Я не мог воспринять этого за то время, пока я нахожусь в земной жизни; это было уже тогда, когда я сходил к земному бытию; и когда во время моего эмбрионального периода от другого человеческого тела мне было дано земное физическое тело, то во мне тогда уже было то, что теперь вспыхивает во мне в грезящих имажинациях. Я облек это в физическое человеческое тело. Следовательно, в те более древние времена человеку не сказали бы ничего такого, что подвинуло бы его вперед, на путь развития, если бы обратили его внимание на то, на что прежде всего должно быть обращено внимание современного человека: что он имеет **воспоминание** — прежде всего, подсознательное воспоминание — о предземном бытии, но через пробуждение это воспоминание может быть вызвано на поверхность сознания. Напротив, в древних мистериях внимание человека должно было обращаться совсем на другое. Тогда, в те времена, человек ощущал — хотелось бы сказать — глубокую боль именно от наиболее прекрасного в чувственном мире. Он видел цветок. Видел его вырастающим в его удивительной красоте из почвы земли, видел его раскрывающиеся лепестки. Видел затем те дары, которые приносил ему цветок. Он воспринимал всю красоту струящегося ручья, в какой тот может открыться, когда встречаешь его под тенью деревьев. Своими чувствами он непосредственно воспринимал освежающее действие этого ручья. Но затем — затем он говорил себе: да, но все это как бы отпало, как бы греховно отпало от мира, который я ношу в себе, который я принес с собой в физическое бытие, когда я спустился из духовных миров.

И учителя мистерий имели тогда задачу объяснить человеку, что и в

цветке, и в струящемся ручье, и в шорохе леса, и в пении соловья, и во всем, повсюду живет и действует также духовная сущность, что во всем можно найти духовное существо. Они должны были сообщить человеку великую истину: то, что живет в тебе, живет также и во внешней природе. Ибо с болью и печалью смотрел человек, когда его чувства были наиболее свежи, восприимчивы для внешнего мира, — в эпоху, когда интеллект менее всего просвещал его относительно законов природы и он с непосредственными чувствами смотрел на внешний мир. Красота этого мира, живая, цветущая красота, изливалась в его глаза, в его уши, в другие органы чувств, но он не мог воспринимать ее иначе, как с болью. Именно от красоты чувствовал он глубочайшую боль, так как не мог связать ее с тем, что как созерцание его собственного предшествовавшего рождению существованию жило в его душе. И, таким образом, мудрецы мистерий имели задачу показать: **божественно-духовное обитает во всем, также и в чувственных вещах.** Именно духовность природы должны были древние мудрецы объяснить человеку. Но они могли сделать это, только избирая другой путь, чем тот, какой избирают теперь. Если теперь люди приводятся к тому, чтобы они вспомнили о своем преземном бытии, то эти древние учителя мистерий должны были пробуждать совсем другие воспоминания у людей, которые их окружали. Во время своего земного бытия человек ритмически проводит свою жизнь в двух, собственно, в трех состояниях: бодрствовании, сонных грез, сна. Сон протекает бессознательно. Это бессознательное состояние сна, хотя оно было несколько иным, чем у современного человека, имели уже также и люди более древних эпох, и они так же спали, так же впадали в то состояние, в котором никакие переживания не поднимались на поверхность души, на поверхность сознания. Но человек продолжал, разумеется, жить также и от засыпания до пробуждения. Ибо мы не умираем же при засыпании и не рождаемся вновь при пробуждении, но продолжаем духом и душой жить также и от засыпания до пробуждения. Для обычного повседневного сознания это переживание, это наше собственное переживание между засыпанием и пробуждением бывает совершенно погашено. Человек помнит то, что он переживает во время бодрствования, или, самое большее — то, о чем грезит во сне, но в обычном сознании он не помнит того, что он переживает между засыпанием и пробуждением во время сна без грез. Этого он не помнит. Древние учителя мистерий воспитывали своих учеников и все приходившее к ним человечество так, что через мысли, которые эти учителя несли в мир в те более древние времена человечества, пробуждалось то, что переживалось во сне. **Новейшая наука инициации должна напоминать о том, что жило в человеческой душе до ее земного бытия. Инициация древних времен должна была в посвятельном познании напоминать о том, что человек переживал ежедневно во сне.**

Так что этими учителями мистерий все познания, которые они облекали в идеи, располагались так, чтобы ученики или люди, которые слушали этих учителей, могли сказать: да, они не говорят нам ничего другого, как то, что мы переживаем каждый раз во сне. То, что говорят нам жрецы

мистерий, совсем не есть нечто неведомое для нас, но только благодаря своему посвящению они достигли созерцания того, что в обычном сознании не созерцается, но подлинно переживается во время сна. В этой древней науке инициации это было точно таким же пробуждением воспоминания о том, что человек пережил (во сне), как теперь это есть пробуждение воспоминания о предземном бытии. В этом и заключается один из отличительных признаков древней инициации и новой инициации — что в древней инициации человеку напоминалось о том, что он просыпал в обычном повседневном сознании, то есть, о чем больше не помнил в дневном сознании. В дневное сознание выносили мудрецы древних мистерий ночные переживания и указывали на это людям: ночью ты живешь своей душой в том духовном мире, который живет в каждом источнике, в каждой цветке, в каждом соловье.

Каждую ночьходишь ты внутренне в то, что днем видишь только извне, воспринимаешь только чувствами. И тогда человек мог получить уверенность, что боги, которых он переживал в своем бодрствующем сновидении, существуют также и в природе.

Так, показывая своему ученику содержание сна, мудрец древних мистерий показывал ему, что вовне — в том, что теперь есть природа — присутствуют божественные духовные существа, показывал это, подобно тому, как новейший духовный исследователь имеет задачу показать человеку, что тот, прежде чем спуститься на Землю, жил в духовном мире как духовное существо среди духовных существ и может здесь, на Земле, вспоминая, воссоздать снова в идеях, в понятиях то, что переживал в предземном бытии. В современной науке инициации учатся познавать, поднимаясь от имагинации к инспирации, действительные факты, которые отличают сон от бодрствования. То, чем является сам человек — как душа, как дух — от засыпания до пробуждения, это становится доступным только в истинном инспирированном познании; когда человек достигает имагинативного познания, он приходит к своей жизненной картине. Только после того, как он усовершенствует эту картину в чистом бодрствовании, в пустом сознании, в космической тишине, как я это описывал, только тогда из Космоса в его душу вступает как инспирация прежде всего его предземное бытие. Но тогда выступает также как инспирация его собственная сущность — его духовная и душевная сущность, какой она является между засыпанием и пробуждением. То, что остается бессознательным во сне, это становится сознательным в инспирации. Человек учится созерцать то, что он делает — как душа и дух — в спящем состоянии, и тогда замечает: при засыпании, собственно, духовно-душевное выходит из физического тела и также из эфирного тела. Мы оставляем в постели физическое тело и эфирное тело, или силообразующее тело, как оно является в имагинации и как я его вам описал. А высшие члены человеческой природы — то, что можно назвать астральным телом (я также уже указывал на это), и собственно организация “Я” выходят из физического тела и эфирного тела и при пробуждении снова возвращается в оба эти тела. Это разъединение нашего существа, через которое мы проходим каждый раз при ритмическом переходе от бодрствования ко сну, может быть в своей

фактической подлинности созерцаемо, познаваемо только благодаря инспирации. И тогда мы познаем, как все, что мы усвоили себе в обычной бодрственной жизни при помощи нашего мышления, нашего мысленного мира, — как все это остается именно в постели. Наши мысли, которые мы себе вырабатываем, наши мысли, ради которых мы столько трудимся в наш школьный период, вся та рассудительность, какую мы приобрели себе для нашего земного ума, — все это должно оставаться в физическом и эфирном телах каждый раз, когда мы засыпаем. В духовный мир, где мы пребываем своим “Я” и астральным телом, когда спим, мы берем из своего физического тела и своего эфирного тела только нечто совсем отличное от того, что переживаем во время бодрствования. Когда мы переходим от бодрствования ко сну, мы переживаем то, чего не доводим до своего сознания в обычном сознании. Поэтому, когда я говорю вам об этих переживаниях, я должен говорить так, чтобы идеи являли понятия, в которые мне надлежит облечь изображения того, что человек хотя и переживает, но не знает в обычном сознании, о чем, однако, он может помыслить также в пределах здорового человеческого ума. Это размышление о вещах мира, протекающее в теневых образах истинно живых мыслей, мы покидаем и вживаемся в мир, где, собственно, в обычном смысле мы не мыслим так, как в земном мире, когда мы внутренне переживаем происходящее. Во время сна человек в действительности переживает бессознательно свет. О действии света, о том, как по отношению к вещам он выявляет тени, краски, об этом мы размышляем, когда пребываем в бодрствующей жизни, и мы имеем мысли о свете и действиях света. Эти мысли, как сказано, мы покидаем. Но мы сами входим в живой, действительный свет. Мы изливаемся в живой, действенный свет. И как днем, когда мы, как земные люди, неся на себе свое физическое тело, движемся также вместе с нашей душой, с нашим духом сквозь воздух, ходим по поверхности земли, так, засыпая, мы вступаем прежде всего в действенный, волнующийся свет и становимся сами субстанцией, существом живого, действенного света. Мы становимся светом в свете. И когда человек имеет инспирацию того, чем он сам становится каждую ночь, когда, следовательно, это поднимается у него в бодрствующее сознание, тогда одновременно он знает: во время сна ты живешь как световое облако в свете. И это значит не жить только как световая субстанция в свете, но это значит — жить в тех силах, которые в бодрствующей жизни становятся мыслями, постигаются в мыслях. Свет, который мы воспринимаем, везде и всюду пронизан творящими силами, пронизан тем, что внутренне действует в растениях, что внутренне действует в животных, но что существует также и самостоятельно как духовные миры. Мы переживаем там свет не так, как переживают его, например, здесь, в физическом мире, — нет, там живой решающе-действенный свет — если я могу употребить это не вполне точное выражение — есть именно тело духовной деятельности, а также и отдельных духовных существ. Здесь, на Земле, человек пребывает, замкнутый в покров своей кожи. Он видит других людей, замкнутых в покров их кожи. Там, в состоянии сна, он есть свет в свете, и другие существа суть свет в свете. И свет воспринимается уже не как тот свет,

какой мы привыкли воспринимать здесь, в физическом мире, но — если я могу употребить теперь образное выражение — сущностное световое облако, которым являемся здесь мы сами, воспринимает находящееся вне нас сущностное световое облако.

И это находящееся вне нас световое облако есть другой человек, или оно есть какое-либо существо, оживляющее мир растений, или оно есть существо, которое вообще никогда не воплощается в физическом теле, но всегда пребывает в духовном мире. Следовательно, свет переживается здесь не как земной свет, а как живая, сущая духовность. Но вы, разумеется, знаете, что как физические люди мы живем здесь, на Земле, еще и в другом. Живем в тепле, которое воспринимаем чувственно. Человек знает, когда ему тепло, когда ему холодно. Он топит свою комнату, когда ему холодно. Следовательно, он знает, что в обычном сознании он чувственным образом живет в тепле или холоде. Но то, что он переживает от тепла или холода, это он именно чувствует. Это есть чувство, ощущение тепла и холода. Когда же при засыпании человек выходит из своего физического и эфирного тел и живет как свет в свете, то сам он тогда живет так же, как тепловая субстанция в тепловой субстанции Космоса. Следовательно, он есть, так сказать, не только световое облако, но он есть пронизанное, проникнутое тепловыми волнами световое облако, и то, что он воспринимает помимо себя, в свою очередь, содержит в себе тепло. Но, подобно тому, как в духовном мире духовно-душевное существо человека воспринимает свет не как свет, а как живую духовность, подобно тому, как когда-нибудь это откроется его сознанию в инспирации, — он воспринимает себя самого как живую духовность и переживает другие существа как живые духовные существа, так то же самое переживает он здесь и в отношении тепла. В духовном мире — также и для инспирации — будет недостаточно, если мы принесем с собой только те представления, какие мы приобрели здесь, в земном мире. Совершенно так же, как нужно усвоить себе другое представление о кратчайшем пути между двумя точками, так же необходимо для всех вещей усвоить себе другое душевное содержание. И как, переживая себя светом в свете, мы переживаем себя, собственно, как духа в духовном мире, так же, переживая себя теплом в космическом тепле, мы переживаем себя не в том тепле, какое привыкли переживать в чувственном мире, а переживаем себя в мире действенной, крепнущей любви как существо любви, которым мы сами являемся в сверхчувственном; переживаем мы себя среди существ, которые не могут иначе, как черпать свою субстанцию в любви, — которые не могут существовать иначе, как в бытии всеобщей космической сущности любви.

Так прежде всего переживаем мы себя между засыпанием и пробуждением в духовно наполненном бытии любви. Поэтому, если вообще мы хотим войти в эти миры, в которых, однако, мы сами находимся каждый день между засыпанием и пробуждением, мы должны повысить способность любви, так как иначе этот мир, через который мы проходим между засыпанием и пробуждением, останется для нас, во всяком случае, чуждым миром. Ибо здесь, в земном мире, господствует не одухотворенная любовь, а, собственно, только проникнутое

чувственностью состояние влечения любви.

Одухотворенная же любовь господствует в духовном мире так, как я это только что теперь описал. И поэтому, если мы хотим прийти к тому, чтобы сознательно пребывать в этом мире, где мы, собственно, живем каждую ночь, то это будет возможно, только если мы сперва разовьем способность любви таким образом, как я это охарактеризовал. **И именно к себе самому человек никогда не сможет подойти без способности любви**, так как для него должно навсегда остаться закрытым то, чем он сам является в действительности также и здесь, на Земле, в одной трети своей жизни, проводимой им между засыпанием и пробуждением; это осталось бы закрытым, если бы он не мог исследовать этого с помощью развития, повышения способности любви. То, что человек переживает от засыпания до пробуждения, должно было бы навеки остаться темной загадкой для земных существ, если бы эти земные существа не захотели развить способность любви для того, чтобы прийти некоторым образом к познанию также своего собственного существа — своего собственного существа, каким они переживают его в другом состоянии между засыпанием и пробуждением.

Но ту форму мыслительной деятельности, какую мы развиваем, когда носим на себе наше физическое тело и наше эфирное тело, то есть когда мы бываем в бодрствующем состоянии, — ее мы оставляем в постели; она входит, пока мы спим, в совместное движение со всем Космосом. Если бы человек мог действительно осветить себе то, что происходит там — в физическом и эфирном телах ночью, когда он как тепловое светосущество находится вне них, то он мог бы убедиться, что **эфирное тело продолжает мыслить всю ночь. Мыслить мы можем, совсем не участвуя в этом нашей душой**, ибо то, что мы оставляем лежать в постели, — оно продолжает далее и далее гнать волны мыслей. Оно продолжает мыслить. И когда мы пробуждаемся утром, то погружаемся в то, что оставалось лежать в постели и продолжало мыслить. Мы встречаемся утром опять с нашими собственными мыслями. Они не умирали на время между засыпанием и пробуждением, мы только не участвовали в них. И я еще должен буду показать, как человек, когда он не участвует в этом, может быть гораздо умнее, гораздо понятливее, чем он бывает, когда в дневном бодрствовании участвует своей душой в мыслях. **То, что мыслится ночью, когда человек не участвует в этом, бывает часто гораздо умнее того, что он мыслит от пробуждения до засыпания**, когда участвует в этом своей душой.

Но прежде всего я хотел показать, что там, в эфирном и физическом телах, все время продолжается мышление и что когда утром при пробуждении мы ощущаем какой-нибудь сон, то этот сон некоторым образом указывает: твоя душа чем-то задерживается, когда при пробуждении погружается в эфирное и физическое тела.

Тогда здесь, с одной стороны, физическое тело и эфирное, или силообразующее, тело, а с другой стороны — астральное тело и организация “Я”, которые утром погружаются в физическое тело и в эфирное тело. Но при погружении происходит нечто подобное тому, когда более плотная волна вливается в более тонкий элемент, — происходит

задерживание. “Я” и астральное тело, которые ночью действовали в свете и в тепле, погружаются в мысли, понимают эти мысли не сразу, приводят их в беспорядок, и этот беспорядок переживается как утренний сон. Как загадочно, в сущности, включены сновидения во всю нашу жизнь и каковы отношения между сном и бодрствованием, это мы будем еще рассматривать в дальнейшем.

Лекция четвертая

22 августа 1923 г., Пенменмаур

ЖИЗНЬ СНОВИДЕНИЙ

Между жизнью бодрствования и жизнью сна, относительно которой я мог дать вам в последней лекции только некоторые краткие указания, включается жизнь сновидений. Эта жизнь сновидений, имеющая так мало значения для непосредственной действительности каждого дня, имеет, однако, для более глубокого познания как мира, так и человека величайшее, какое только можно представить себе, значение; не только потому, что в духовной науке, о которой здесь идет речь, должно быть вполне признано все значение сновидений, дабы от рассмотрения сновидений мы могли перейти ко многому другому, но эта жизнь сновидений имеет столь особенное значение еще и потому, что она представляет собой, так сказать, угол, где в наш обычный мир просвечивают некие иные миры, отличные от того мира, какой человек переживает, когда бодрствует. Таким образом, часто сама загадочность сновидений обращает внимание человека не только на то, что в подосновах или же в надосновах доступного ему мира имеются еще и другие миры, но также и на то, каковы могут быть особенности этих миров.

Но, с другой стороны, в эту загадочную жизнь сновидений чрезвычайно трудно проникнуть, с точки зрения высшего сознания, так как сновидение есть та сила в жизни, которая может ввергнуть человека в величайшие, какие только можно себе представить, **иллюзии**. И именно в отношении к снам люди бывают очень склонны ложным образом относить к реальности жизни то, что входит в нее как иллюзия. Рассмотрим это отношение, придерживаясь, однако, того, что я уже сказал о жизни сна и также о повторных земных жизнях.

Один пример того, что так или иначе постоянно повторяется в жизни сновидений, есть тот, когда во сне человек делает что-либо, о чем в бодрствующей жизни он никак не может подумать, что он когда-нибудь уже делал это, что-либо совершенно выходящее за пределы возможностей его данной земной жизни. Далее человеку снится, что он никак не может найти то, что было им изготовлено, и он как безумный ищет везде эту пропавшую вещь, которую он будто бы сделал.

Рассмотрим конкретнее этот пример. В том виде, как я это обрисовал, с

теми или другими вариациями, этот сон, конечно, встречался в жизни каждого человека. Скажем, портному снится, хотя он только мелкий портной для мелких заказчиков, но ему снится, что он сшил парадный мундир для министра. Он чувствует себя превосходно оттого, что сделал этот парадный мундир, который должен быть уже готовым. Но тут настроение сна сразу меняется, и теперь он везде ищет этот мундир, который должен передать министру и которого он нигде не может найти.

Здесь вы имеете сон, который протекает всецело в тех формах, которые указанный человек хотя и не может осуществить в жизни, но вполне может представить себе как нечто желательное в этой жизни, какую он ведет теперь на Земле. Выполнить этого он не может, так как он именно всего лишь мелкий портной для мелких заказчиков и ему не могут заказать такого мундира. Но иногда в смелых дневных мечтах у него могло промелькнуть желание сшить такой великолепный мундир. Может быть, это ему совсем не по силам, но это становится желанием его дневных грез. Что же лежит в основе этого? Фактическая действительность. Когда во время сна человек пребывает со своим “Я” и астральным телом вне физического тела и эфирного тела, то он находится в том именно существе, которое проходит через повторные земные жизни. То, что развивает внутренние силы, то, что преимущественно является внутренне деятельным в его существе, когда человек спит, это есть его “Я” и его астральное тело. В своих переживаниях это “Я” и астральное тело не должно помнить только об одной данной жизни, но может иметь воспоминания о других земных жизнях. И я рассказываю вам не что-либо гипотетически предполагаемое, а то, что проистекает из области действительности, о которой я говорю: могло быть так, что указанный человек когда-нибудь, скажем, в древнеримскую эпоху, в прошлой земной жизни принимал участие в сооружении особенно нарядной тоги.

Для этого он не должен был быть непременно портным, он мог быть слугой, возможно, даже другом какого-нибудь римского государственного деятеля. И, может быть, именно оттого, что он имел тогда такое живое желание — представить своего господина в возможно более достойном одеянии перед глазами света, его судьба привела его к этой профессии в его данной инкарнации. Ибо для всей совокупности человеческой жизни чрезвычайно большое значение имеют эти мысленные желания. И тогда воспоминание о пережитом таким образом в прошлой земной жизни может пронизать душу и дух человека, “Я” и астральное тело, и утром, когда человек, как я кратко показал это выше, погружается своим “Я” и астральным телом в эфирное тело и в физическое тело, эта душа, которая только что пребывала во воспоминающем переживании красоты великолепной тоги, опускается в представления, какие этот портной может иметь в настоящей земной жизни, — последние содержатся в эфирном теле. Тогда то, что только что переживалось в связи с древнеримской эпохой, сталкивается с ними; **оно должно войти в представления, которые указанный человек может иметь днем.** Но днем он представлял себе только то, что он шьет платье для мелких заказчиков. И когда душа погружается теперь в эти представления, она с большим трудом может перевести в нее то, что она только что ощущала в

связи с прекрасной тогой, ей трудно представить себе это рядом с той ужасной одеждой, какую должен мастерить портной.

И при переходе от одного к другому, при столкновении — представление о современном парадном министерском мундире; и только после того, как указанный человек совсем сойдет в свое эфирное и физическое тела, его теперешние представления окончательно закрывают в нем то, что он пережил незадолго до пробуждения.

Так имеем мы между засыпанием и пробуждением целостно всю нашу человеческую жизнь и должны в своем внутреннем противопоставить себя со всей нашей целостной человеческой жизнью тому, что мы можем мыслить, представлять себе в данной земной жизни, в зависимости от приобретенного нами в ней опыта; благодаря этому получаем мы странные образы наших снов. Поэтому в сновидении так трудно отделить его содержание, которое оно в основном нам предлагает и которое может быть чистой фантазмагорией, от истинной действительности, которая, в сущности, всегда за этим скрывается. Эта истинная действительность может быть чем-то совсем другим. Но тот постепенно приобретает навык, чтобы разбираться в запутанном процессе жизни сновидений, кто будет иметь в виду, что в сновидении главное внимание следует обращать не на те образы, которые волшебным образом возникают перед нашей душой, так как эти образы оформляются именно оставленным в постели эфирным телом, содержащим в себе мысли, представления. Ибо этих представлений мы, разумеется, не имеем в нашем истинном внутреннем существе, когда спим. От этого содержания представлений следует отличать нечто совсем другое, и это другое я хотел бы назвать **драматическим развитием сна**.

Нужно постепенно приучить себя обращать свое внимание на это драматическое развитие сна, спрашивая себя: развивается ли сон так, что если бы те же события были пережиты в дневном бодрствовании, то они доставили бы огромную радость? Была ли эта радость пережита так же во сне? Попадаем ли мы сразу же в катастрофу? Или сначала дается известная экспозиция, где события могут развиваться, потом спутываются, и потом все обрывается катастрофически. Эти вопросы следовало бы ставить в первую очередь, когда рассматриваем жизнь сновидений, то есть **брат не мыслительное содержание, а драматический ход событий**. Кому-нибудь может сниться, что он восходит на гору; подъем становится все труднее и труднее; наконец, наступает момент, когда он не может двигаться дальше, когда перед ним воздвигаются величайшие трудности; он ощущает эти трудности как что-то угрожающее его жизни. Итак, кто-нибудь может иметь такой сон. Его можно было бы развить еще дальше. Он же, или еще кто-нибудь, может иметь другой сон: он двигается в подземном переходе, который ведет, скажем, к горной пещере. Сначала, когда он вошел, было еще немного светло, потом делается все темней и темней. Наконец он доходит до места, где не только совершенно темно, но где на него веет ледяным холодом и т.п., так что с этого места он уже не может дальше проникнуть в пещеру. Здесь вы имеете по содержанию два совсем разных сна, но драматически оба они представляют собой начинание, которое сперва

удаётся; потом появляются трудности, потом препятствия становятся непреодолимыми. **Образы совершенно различны, драматическое развитие одно и то же.** В основу обоих снов можно положить в сверхъестественном мире, так сказать, за кулисами жизни, одно и то же событие. При обоих сновидениях в душе могло разыгаться одно и то же, и одно и то же может отразиться вовне в самых различных образах. Это должно обратить внимание на то, что нельзя внешним образом, как это часто бывает, делать заключение на основании содержания сна, а следует прежде всего из драматического развития проследить, что могла пережить здесь душа и дух человека. Тогда постепенно, особенно если к тому же укрепить свою мыслительную способность упражнениями, о которых я говорил в эти дни, мы придем к тому, чтобы постепенно из иллюзорного мира сонных образов, через драматику уметь схватывать то, что как сверхчувственно пережитая между засыпанием и пробуждением действительность лежит в основе сна.

Прежде чем говорить о частностях сновидения, о его отношении к физическому телу человека и к духовному существу человека — о чем еще будет сказано в ближайшие дни, — я хотел бы сегодня охарактеризовать то, как человек благодаря миру сновидений оказывается включенным в целый Космос, во всю Вселенную. Без сомнения, можно видеть, что в сновидении выступает совсем другая связь отдельных событий жизни, чем та, какую мы имеем в бодрствующей жизни. В бодрствующей жизни — мы это уже видели из вышеприведенных примеров — вещи располагаются в известной связи по тем законам, в которые мы включены именно в чувственном мире. Последующее должно всегда вытекать из предыдущего. Но сновидение показывает то, что может происходить в обыкновенном чувственном мире, — в полной освобожденности от этих связей. Все изменяется. Все связи развязываются. То, что, включая и самого человека как чувственное существо, привязано к почве земли силой тяжести, — все это во сне вдруг может летать. Человек может совершать во сне искусные полеты без всяких летательных приспособлений. То, на чем обычно можно сломать себе зубы, — например, какая-нибудь математическая проблема, — переживается во сне как нечто детски легко разрешимое. Конечно, потом при пробуждении можно не помнить этого разрешения, — ну, это будет уже личное несчастье, но, во всяком случае, сохраняется представление, что трудности, препятствия, имеющиеся в земной жизни, здесь отсутствуют. И, таким образом, все, что в земной жизни имеет прочную связь, оказывается во сне как бы растворенным. Если мы хотим создать себе чувственный образ того, что, собственно, происходит в сновидении, — происходит, конечно, только с нашими представлениями, — то мы можем сказать: возьмем, например, стакан с жидкостью, с водой, опустим в воду какую-нибудь соль, способную растворяться в воде, и проследим за растворением. Соль, скажем, может быть даже кристаллической и иметь определенные формы; когда мы опустим ее в воду, то увидим, как возникнут самые фантастические, меняющиеся образования, пока, наконец, вся соль растворится в воде и получится снова более или менее однородная жидкость. Нечто подобное происходит с представлением, с

душевым переживанием в сновидении. Как сон при засыпании, так и сон перед пробуждением избирает себе обыкновенные дневные переживания, растворяет их, придает им всевозможные фантастические формы, всевозможный фантастический смысл: фантастическим называем мы это с точки зрения обычного сознания. Растворение соли в жидкости дает именно вполне соответствующий образ для того, что духовно-душевно происходит, собственно, в сновидении.

Но, разумеется, для того, кто крепко врос в мир современных представлений, будет совсем нелегко прийти к беспристрастности понимания этого факта, так как современное, в особенности современное, называющее себя научным, человечество очень мало знает фактического об известных вещах. Поистине, то, что я теперь говорю, я говорю совсем не потому, что хотел бы придраться также к науке. У меня совсем нет такого намерения. Я ценю научность и никак не хотел бы, чтобы невежество и дилетантизм были поставлены на место научной работы. Именно с точки зрения духовной науки совершенно необходимо признать великие достижения, а также, в известных границах, истинность и достоверность современной науки. Итак, это есть безусловная предпосылка. И, тем не менее, должно быть сказано следующее.

Когда теперь люди хотят что-нибудь изучить, то они берут земные вещи и земные процессы. Наблюдают их и из наблюдений выводят законы природы. Кроме того, они, конечно, делают еще эксперименты, чтобы подслушать у природы ее тайны, и из того, что показывают им эксперименты, они опять-таки открывают свои законы природы. Так получают они определенного рода законы, которые называют потом своей наукой. Затем они направляют свой взгляд в небесные дали. Видят в небесных далях, скажем, удивительную спиральную туманность, видят выступающие в этой туманности отдельные крупинки и т.п. Пользуются для этого даже фотографическим методом, который еще точнее, чем наблюдения в телескоп. Но что же делают потом для того, чтобы получить знание о происходящем там, в небесных далях?

Берут земные законы природы, то, что было установлено в условиях Земли, то, что было получено экспериментально, — берут это и на основании этого спекулируют, как согласно тем же самым законам природы может образоваться такого рода туманность в далях пространства. Создают гипотезы и теории о происхождении мира и о конце мира, применяя к небесной сфере то, что открыли как законы природы в своих лабораториях, экспериментируя над земным марганцем, земным кислородом, водородом. И если при этом открывают новые вещества, то делают такие бессознательные намеки, что получается довольно-таки сомнительная научная работа. Так, например, в небесном пространстве нашли водород, гелий, но нашли еще некое вещество, которое получило странное название — странное потому, что оно уже несколько намекает на спутанность мышления, которая здесь проступает. Оно называется «туманий (небулий)». Мышление становится здесь туманным и оттого появляется этот «туманий» рядом с гелием и водородом. Если так просто применять везде то, что как законы природы добыл в своей лаборатории, и на манер шведского мыслителя **Аррениуса**

спекулировать затем тем, что может происходить там, в пространственных далях, то неизбежно должен будешь переходить от заблуждения к заблуждению.

Но я хотел бы опять обратиться к сравнению: вам, конечно, известно из области естествознания, что Ньютон, английский физик, философ природы, установил теорию так называемой гравитации, закон всемирного тяготения во всем мировом пространстве. Закон, который наблюдается на простом падающем камне, притягиваемом землей, Ньютон распространил на взаимоотношение всех мировых тел. Но он же указал, что сила этой гравитации убывает с ростом расстояния (в квадрате).

Итак, для этой силы устанавливается этот закон. Это совершенно правильно. Но, оставаясь в пределах чисто физического бытия, мы не можем мыслить этот закон всецело универсальным. Он мыслится так, что когда мы имеем здесь мировое тело, то сила его гравитации убывает на расстоянии, здесь она сильна, затем становится слабее, еще слабее, еще слабее, — она все время ослабевает.

И то же самое с распространением света. Свет, распространяющийся из какого-либо источника, становится все слабее и слабее на расстоянии.

Это усматривает современный человек в своей науке. Но он не усматривает другого — того именно, что когда он здесь, на Земле, устанавливает в своей лаборатории законы природы и переводит эти законы природы в идеи, то **истинность этих законов природы, значение этих законов природы так же убывает по мере того, как мы удаляемся от Земли.** Когда мы устанавливаем здесь, на Земле, закон гравитации, то истинность содержания этого закона убывает так же, по мере того, как мы выходим все дальше и т.д. в мировое пространство. Следовательно, основное заблуждение возникает оттого, что открываемые в земной лаборатории совершенно правильные законы природы **неправомерно** переносят в даль, в небесные пространства.

Но человек не исключен также из иной закономерности, к которой переходят, когда такие земные законы, как сила гравитации или сила света, уже не имеют значения. Чтобы найти в пространстве эту иную закономерность, отличную от наших законов природы, мы должны были бы все больше и больше удаляться от Земли. И если мы хотим найти ее в соответствии с более внутренней человеческой природой, то мы должны перейти от бодрствования ко сну. Во время бодрствования мы находимся в области земных законов природы. Все, что мы делаем, мы делаем согласно этим законам природы. Мы решаем поднять свою руку, кисть руки; физико-химические процессы, которые разыгрываются тогда в мышцах, механические процессы, которые разыгрываются в костной системе, — эти процессы протекают по тем законам, которые мы исследуем в нашей лаборатории или выводим из наблюдения. То, что живет в этом внутренне как душа человека, выходит во время сна из физического и эфирного тел. И, выйдя, вступает в мир, который уже не подлежит законам природы. Поэтому сон становится таким насмешником над законами природы. Мы проникаем совсем в новый мир. Мы проникаем в мир, в котором во время сна мы живем точно так же (своим астральным телом), как во время бодрствования живем своим физическим телом в

чувственном мире. Этот мир имеет не наши законы природы, а совсем другие законы. Каждую ночь, когда мы выходим из нашего физического и эфирного тел, мы вступаем в мир, где наши законы природы уже не имеют значения. И сновидение есть та сила, которая представляет собой интенсивную оппозицию законам природы. Когда я грежу, то сновидение показывает мне, что я живу в мире, который протестует против законов природы, который не хочет быть подчинен законам природы. Когда вечером я засыпаю и двигаюсь из моего физического и эфирного тел, то я живу еще наполовину в законах природы; но я уже вступаю в мир, который больше не подчинен законам природы. От этого происходит смешение законов природы и сверхчеловеческих законов во сне. То же при пробуждении.

Итак, можно сказать, что с каждым засыпанием мы погружаемся в мир, в котором наши законы природы не имеют значения, и с каждым пробуждением, выходя из этого, мы погружаемся в тот, где наши законы природы именно имеют значение. Если мы действительно представим себе этот процесс тождественно так: представьте себе мир сновидений как некое море, в котором вы живете. Представьте себе, что утром вы просыпаетесь, выходя из волнующей текущей жизни сновидений. Это происходит так, точно вы выдвигаетесь из волнующейся жизни сновидений. Вы передвигаетесь из сверхзакономерности в чувственную интеллектуальную закономерность.

И происходит то, как если бы все, что вы видите после пробуждения в четких контурах, рождалось из чего-то расплавленного, летучего. Скажем, например, вы видите здесь окно; когда вы имеете сперва это окно во сне, то оно, может быть, также появится вам возникающим из чего-то неясного, из чего-то неопределенного, может быть даже, это окно всплывает перед вами как бы из пламенеющего огня, и если бы ваше сновидение было достаточно живым, то вы увидели бы, как весь твердо очерченный определенный дневной мир вашего сознания всплывает из этой неопределенности, точно как если бы из моря поднялись волны, и затем эти волны оформились в ваш дневной мир. И здесь мы имеем одно из тех мест, где, исследуя в качестве современного человека вновь эти вещи, мы приходим к благоговейному изучению, которое можно почувствовать перед грезящими имагинациями дневного человечества, о которых я уже говорил. Я сказал: когда мы возвращаемся к тому, что древнее человечество также и в бодрствующей жизни, в грезящих имагинациях, переживало в душе, что оно затем оформляло в мифах и легендах, в сказаниях о богах, что протекает так незакрепощенно по сравнению с тем, что мы воспринимаем теперь в застывшем воззрении на природу, когда мы возвращаемся к этому со знаниями, которые можем получить теперь вполне самостоятельно, независимо от этих древних, грезящих имагинаций, тогда именно мы опять-таки приходим к благоговейному удивлению, к благоговейному изумлению перед тем, что жило в душах людей этих более древних эпох. И из древней Греции к нам звучит еще слово, которое служит доказательством и истиной того, что мы находим, когда вновь исследуем эту область; из древней Греции к нам звучит слово, которое свидетельствует о том, что греки знали еще нечто

об этих вещах, что греки представляли себе: есть что-то, лежащее в основе всего мироздания, то, из чего возникают все твердо очерченные образования, но чего можно достигнуть, только если перейти от чувственного мира к состоянию сна, к сновидческому состоянию. Греки называли это «**ХАОС**». И все спекуляции, все понятийные изыскания того, что есть Хаос, были напрасными, ибо Хаос есть то, к чему современный человек приближается, когда вступает в область сновидения. Только в средневековье заметно еще некоторое знание о том, что лежит в основе всех внешних субстанций как сверхчувственная, едва допускающая название материи, внешняя субстанция; это сохранилось в указаниях средневековья на так называемую **квинтэссенцию**, на пятый элемент ¹, наряду с четырьмя другими элементами: Земля, Вода, Воздух, Огонь — Квинтэссенция. Так же нечто проникает еще в воззрения средневековья, когда поэт так отчетливо говорит: мир соткан из сновидений. Грек сказал бы: мир соткан из того, что ты, когда ты из чувственности проникаешь в мир, который ты воспринимаешь свободно от твоего тела, переживаешь состоящим из Хаоса. Так, чтобы понять, что именно разумели греки под Хаосом, нужно указывать в направлении того, что лежит уже не в чувственности, а в сверхчувственном мире. И если мы проследим все процессы засыпания, сновидения, сна, пробуждения с таких точек зрения, какие открываются, когда указанным в эти дни мною путем высшего познания мы поднимаемся через имагинацию, инспирацию, интуицию в сверхчувственные миры, когда, следовательно, мы проследим жизнь сновидения, сна, бодрствования с точки зрения этого познания, то предстает приблизительно следующее: засыпая, человек переходит из обычного дневного состояния в жизнь сна, из которой могут подняться неопределенные, хаотические, но обладающие удивительной внутренней цельностью сновидения. В постели оставляется физическое тело и эфирное тело, которое пронизывает физическое тело как нечто, именно оживляющее, образующее, производящее рост. Эта двухчленность оставляется в постели. Но двухчленность также выходит и вступает в то сверхчувственное бытие между засыпанием и пробуждением, которое я мог описать вам выше с точки зрения сновидческого переживания.

Эта двухчленность представляется для высшего познания имагинации, инспирации, интуиции следующим образом. Это есть то, что присуще человеку, когда он выходит из физического и эфирного тел, как астральное тело и “Я”. Как я уже сказал, не будем смущаться названиями — названия нужно иметь, и вместо «астральное тело» можно было бы взять также и какое-нибудь другое слово. Но я охарактеризую сейчас нечто, касающееся астрального тела, и мы увидим, что дело совсем не в названиях, а в тех представлениях, которые мы приобретаем в связи с ними. Это астральное тело есть сумма процессов. Нечто совершается в человеке, который вырастает из пределов своего физического и эфирного тел. И именно эти свершения, эти процессы и представляют собой

¹ *) Пятая сущность — у античных и средневековых философов название пятой стихии, эфира, признававшегося основной сущностью всех других. Прим. перев.

астральное тело. В эфирном теле мы оставили представления, мысли. Здесь, в астральном теле, имеется одухотворенный свет — пронизанное силой способности любви космическое тепло. Все это содержится в астральном теле. Все, что содержится таким образом в астральном теле, опускаясь при пробуждении в эфирное тело, сталкивается с ним и может тогда явиться как ткань, как игра простых сновидений, или же при засыпании, двигаясь из физического и эфирного тел, покидая мир представлений, оно может опять-таки появиться как ткань, как игра простых сновидений. Так, именно астральное тело, главным образом, выносит нас из физического и эфирного тел.

И это астральное тело в нас есть, собственно, та сущность, которая стоит в оппозиции к законам природы. С утра до вечера, от пробуждения до засыпания мы включены в ход законов природы, который в его пространственном и временном значении мы можем охватить с помощью математики. **Засыпая, мы выходим как из действия законов природы, так и из действия математических законов.** Мы сбрасываем с себя также и математику, так как наше астральное тело содержит в себе не мертвую, абстрактную математику трехмерного пространства, а завершенную в себе, я хотел бы сказать, живую, но духовно живую математику, **которая протекает только в одном измерении, которая протекает только в прямой линии.** Об этой протяженности я буду еще иметь случай сказать. Но именно астральное тело делает нас свободными от нашего подчинения законам природы, действующим между пробуждением и засыпанием. Благодаря астральному телу мы переносимся совсем в другой мир, в сверхчеловеческий мир.

Если бы мы хотели изобразить этот процесс в приблизительной схеме, то должны были бы сказать: мы действуем в пределах законов природы. Но при этом мы бодрствуем. При засыпании мы выходим из них со своим астральным телом, которое, бодрствуя, мы имеем ведь также в нашем физическом теле.

Здесь, в физическом и эфирном телах, наше астральное тело совершенно подчинено законам природы. Пребывая в физическом и эфирном телах, наше астральное тело живет всецело в законах природы, как я изобразил их схематически в этих фигурах (рис. нет). Затем, выступая из физического и эфирного тел, наше астральное тело переходит в сверхчеловеческий мир и пребывает тогда в другой, в сверхчувственной закономерности. Астральное тело стало чем-то совсем другим. От пробуждения до засыпания оно несет на себе, так сказать, смиренную рубашку законов природы. Оно засыпает, то есть оно выходит из физического и эфирного тел и движется в мире свободной закономерности, которая есть его, присущая ему закономерность. И куда же оно тогда входит? Оно входит в некий мир, то есть оно вводит нас как людей в некий мир, который дает возможность свободной подвижности для собственной организации “Я”, пребывающей именно в астральном теле и выступающей вместе с ним из физического и эфирного тел при засыпании. **“Я” становится свободным в мире, где законы природы не имеют значения,** где “Я” может поступать и действовать

свободно от принуждения законов природы. Когда мы пребываем между засыпанием и пробуждением и наше астральное тело освободило нас от законов природы, когда ни гравитация, ни закон сохранения энергии — ничто вообще из этих законов не имеет больше никакого значения в том мире, в который мы теперь перешли, тогда открывается путь свободы для нравственных импульсов, которые, я хотел бы сказать, только в виде принудительного нравственного миропорядка могут проявлять себя здесь, в мире, где мы пребываем между пробуждением и засыпанием. В том мире, где нравственные законы достигают такой же силы и мощи, какую здесь, на Земле, имеют законы природы, живет “Я” от засыпания до пробуждения. И в этом мире “Я” может нечто подготовить. В этом мире, где в состоянии сна “Я” освобождено от законов природы, оно может подготовить то, что оно выполнит, когда пройдет через врата смерти. Об этом пути — от смерти к новому рождению — мы будем еще говорить в следующих лекциях. Итак, “Я” может подготовить сначала в различных формах, в имагинациях, которые, однако, не суть представления, а силовые импульсы, “Я” может между засыпанием и пробуждением готовить образно то, что оно должно будет впоследствии затем в духовной действительности. Когда оно пройдет через врата смерти, то нравственные законы станут тем, чем являются наши законы природы здесь, в физически-чувственном мире.

Между засыпанием и пробуждением освобожденное астральное тело и “Я” готовили уже в образах то, что должно быть осуществлено в духовной действительности между смертью и новой земной жизнью. Так что мы можем сказать: “Я” уже теперь вырабатывает, хотя и в зачатке, как бы в малом зародыше, то, что после смерти оно должно выполнить в духовной Вселенной. И в тех образах, которые “Я” вырабатывает уже теперь в состоянии сна, лежит намеченным то, что из данной земной жизни мы можем перенести с собой в ближайшую земную жизнь не под действием каких-либо законов природы, а только благодаря силам духовного мира. Причинность того, что мы, люди, восприняли как нравственность, моральные импульсы здесь, на Земле, мы можем установить только как нечто, под власть чего мы ставим себя, так сказать, в силу внутреннего душевного повиновения в том виде, как “Я” вырабатывает их в состоянии сна и затем продолжает над ними работать между смертью и новым рождением. Эти нравственные импульсы приобретают такую же мощь, какую здесь, на Земле, имеют законы природы; далее они облекаются в человеческое тело, которое мы будем носить в следующей земной жизни, и проявляют себя как наш природно-нравственных строй, как наш темперамент, как задатки нашего характера, которые неверно приписываются только наследственности, которые складываются именно благодаря тому, что “Я” может работать над ними уже в состоянии сна, когда, освобожденное астральным телом, оно действует не в природном, а в чисто духовном мире между засыпанием и пробуждением. И, таким образом, мы можем видеть, как в состоянии сна человек готовит уже свое будущее, как он вживается в свое будущее. Что же показывает нам сновидение? В сновидении, я хотел бы сказать, “Я” работает в состоянии сна, но это сновидение показывает нам эту работу в

иллюзорных образах. Мы не можем еще принять в эту земную жизнь то, что ткется уже для следующей земной жизни в состоянии сна.

Сновидение может — я говорил об этом в начале моей лекции — показать нам в своих спутанных образах то, что могло быть испытано нами в прежней земной жизни. Но оно может в хаотичных формах показать также и то, что **зачаточно подготавливается для человека в будущем.**

Так, правильная интерпретация сновидения действительно ведет нас к признанию, что сновидение, поистине, есть как бы окно, через которое мы должны только уметь должным образом видеть, как бы окно в сверхчеловеческий мир. Ибо за этим окном простирается ткань деятельности “Я”, которая продолжается от прежних земных жизней к будущим земным жизням. И если мы можем правильно интерпретировать сновидение, то взираем уже через это окно сновидения — из мира, в котором мы живем как земные люди — в мир длительности, вечности, к которому мы принадлежим нашим истинным внутренним человеческим существом.

Лекция пятая

23 августа 1923 г., Пенменмаур

ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ТРЕМ МИРАМ

Сновидения, о которых мы нечто уже сказали и которые справедливо не должны вноситься как нечто слишком важное в обыкновенную жизнь, имеют, тем не менее, неизмеримое значение, когда мы хотим узнать об отношении человека к сверхчувственному миру. И, прежде всего, они приводят нас к той области переживания, в которой человек соприкасается со сверхчувственным миром таким образом, что внешние законы природы тогда отпадают.

Так что образный мир сновидений действительно распространяется как завеса, которая закрывает собой духовный мир. Можно сказать: здесь — человек, здесь — завеса сновидений. За нею — духовный мир. Но, конечно, большая разница, когда человек — как это происходит во сне — **бессознательно** входит в этот духовный мир или когда он входит в этот духовный мир **сознательно**, через имагинацию и инспирацию. И когда он входит сознательно через имагинацию и инспирацию в этот духовный мир, тогда все выглядит совсем иначе, чем в физически-природном мире.

Тогда, прежде всего, за завесой сновидения, то есть за тем, что греки называли «Хаос», **оказывается морально-нравственный мир как нечто настолько же действительное, как здесь, в чувственном мире, действителен природный мир, который охватывается законами природы.**

Но уже самая хаотичность и спутанность сновидения обращает наше внимание на его совершенно особенное сродство с миром, который лежит там, за завесой Хаоса.

В сущности, говорить об этом мире можно только тогда, когда в своем рассмотрении мы пойдем так далеко, как мы пошли в этих лекциях.

Ибо то, что в обычном сознании человек видит из внешнего мира, есть, собственно, только внешнее откровение. Это есть, в сущности, великая иллюзия. Ибо только за всем этим кроется та духовная действительность, которая является деятельной в этом природном мире. И когда человек грезит во сне, то на самом деле он погружается в эту духовную действительность, но еще не вполне подготовлен к ней и потому то, что выступает перед ним в духовном мире, беспорядочно перемещается и кажется ему спутанным. И наша задача состоит, прежде всего, в том, чтобы узнать, почему в сновидении человек вступает в такой беспорядочный по сравнению с природным, в такой хаотический мир.

Поэтому, чтобы иметь возможность пойти дальше в рассмотрении сновидений, я должен буду сегодня сказать вам нечто о том, что может созерцать, воспринимать в духовном мире имагинация и инспирация. Тогда преимущественно оказывается, что как только благодаря имагинации и инспирации мы с полным сознанием вступаем в этот духовный мир, так тотчас же он являет себя как некая тройственность. И мы вообще только тогда можем говорить о мире и о нашей теме — развитие мира и человека, — когда доведем наши рассуждения до этой точки, на которой мы теперь остановились. Ибо только тогда я могу впервые сказать о том, что человек стоит перед внешним миром, то есть перед чувственно открывающимся, а в действительности, духовным миром, как перед тройственностью — стоит, собственно, перед тремя мирами. В то мгновение, когда мы проникаем сквозь завесу, которая есть Хаос, мы стоим не перед одним миром, мы стоим перед тремя мирами. И эти три мира имеют совершенно определенные связи, свои совершенно определенные отношения к человеку.

Следовательно, когда мы выходим, пройдя сквозь завесу Хаоса — впоследствии я покажу, что этот выход за пределы Хаоса можно представить как прохождение порога к духовному миру, — так, выходя, мы созерцаем три мира.

Первый из этих трех миров есть тот, который мы только что оставили, который является теперь несколько измененным, но который, тем не менее, существует так же и для духовного бытия. Он выступает, когда человек проникает за завесу Хаоса, как бы в воспоминании.

Мы перешли в духовный мир и подобно тому, как здесь, на Земле, мы что-нибудь вспоминаем, так в духовном мире мы вспоминаем то, что является, в общем, **физически-чувственным** миром.

Итак, это есть **первый мир**. **Второй мир**, который выступает тогда перед человеком, есть тот мир, который я назвал в своей книге «Теософия» душевным миром, **миром душ**.

И **третий мир**, высший из тех, которые тогда выступают, есть собственно **духовный мир**.

Все это я изложу в основном схематически, но из тех отношений, в которых эти три мира стоят к человеку, вы осознаете многое, что относится к этим мирам. С этими тремя мирами, которые поднимаются как бы тремя областями как нижний, средний и высший мир, я хочу

поставить в связь: во-первых, голову человека, затем грудь — все то, что схвачено ритмом, организм дыхания, систему кровообращения, и в третьих, систему обмена веществ и конечностей — все, что охватывает обмен веществ: то, чем человек питается, чем он переваривает пищу, чем он распределяет переваренное по всему телу и тем самым порождает движение. Итак, мы имеем здесь дело с организмом обмена веществ и конечностей.

Теперь я рисую намеренно: для головы — открытый круг и для системы конечностей — также незамкнутый круг. Я делаю это намеренно, так как голова человека только для чувственного наблюдения является замкнутой сверху, следовательно, когда я рисую для чувственного наблюдения, то я должен нарисовать голову замкнутой сверху. Но для духовного созерцания голова человека не такова. Для духовного созерцания голова человека сверху открыта. Ибо костная масса есть то в человеке, что никак не принадлежит к стране духа.

Костная масса имеет чисто физическую природу. Она совсем не принадлежит к стране духа. Если вы созерцаете духовно голову человека, то этого плотного черепного покрова совсем не существует для духовного наблюдения. Для духовного наблюдения еще несколько видимо только то, что облекает ее как кожа.

Затем на ней имеются волосы. Но для духовного наблюдения выступает нечто совсем другое.

Смотрите, здесь совсем нет того, что я нарисовал прежде. Вместо этого одни только «духовные волосы», которые проникают здесь в человека и лишь несколько задерживаются физической кожей. Но там, где у человека имеются кости, духовное может легче всего проникать в него извне.

И оно проникает в него лучеобразно. Итак, если сначала вы рассматриваете человека физическими глазами, если вы имеете перед собой физический человеческий облик, то вы видите сверху на голове — когда человек не приобрел еще лысины — его волосы; но затем там, где сверху имеется костная поверхность, вы духовно не видите совсем ничего от физического человека, но зато, рассыпаясь лучами, солнечно блистающими лучами, в него проникают духовные миры. Так что я должен был бы следующим образом нарисовать то, что наблюдается тогда в человеке: здесь человек — как физическое существо и затем — как духовное существо, этот человек — ничто, а вместо этого множество проникающих в него лучей. По этой причине я нарисовал голову не как замкнутый круг, а как незамкнутый круг, ибо действительно в человеческую голову может непрерывно вливаться духовное благодаря тому, что здесь имеется этот внешний костный покров. В человеке ничто не бесцельно.

Человек имеет, я хотел бы сказать, вполне обдуманно от властителей мира эту замкнутую сверху физическую голову. Ибо тогда через то, что легче всего пропускает сквозь себя дух, через эту внешнюю костную массу — духовное проникает во внутреннее существо человека.

Когда мы в состоянии увидеть человека духовно, то можно прийти в величайшее удивление от того, как, собственно, пуста голова человека в

смысле собственных внутренних человеческих сил. Именно голове внутреннее существо самого человека дает меньше всего. В смысле духовности, исходящей от самого человека, здесь, вверху, у него сидит, в сущности, пустой полый шар. Все духовное должно притекать к голове извне (из духовного мира). Это не так в других членах человеческого организма. Они — как мы это сейчас услышим — сами по себе духовны. Так что и в этом отношении мы различаем в человеке также три области: **голову, ритмическую систему, систему обмена веществ и конечностей**. Эти три члена человеческой природы находятся в совершенно определенном отношении к трем мирам. Это отношение человека к трем мирам я и буду рассматривать дальше: отношение к этим мирам человеческой головы, или нервно-чувственной системы, человеческой груди, или системы дыхания и циркуляции крови, и третьей системы — системы обмена веществ и движения. Когда от этой характеристики трехчастности человека и трехчастности мира мы перейдем к отношению между ними, то будет хорошо, если в каждом из этих трех миров мы будем различать субстанциональность и деятельность. Следовательно, я буду как в духовном мире, так и в душевном, и также в вещественном, чувственно-физическом мире различать субстанцию и деятельность (активность). **В действительности, субстанция и активность — суть одно, но в мире они действуют различно**. Вы можете уяснить себе это на субстанции и активности вашего собственного человеческого существа.

В вашей руке имеется ваша субстанция. Если эта субстанция не в порядке, то вы чувствуете ту или иную боль в руке. Так выражает себя, открывается внутренне то, что не в порядке в субстанции.

Когда же вы наносите, например, удар своему ближнему, тогда не в порядке деятельность руки. Это причиняет боль другому. Тогда не в порядке деятельность. И, тем не менее, эта субстанция и деятельность в вашей руке — одно, но внешне они проявляются, обнаруживаются различно. Так в каждом из трех миров мы должны различать субстанциональность и деятельность.

Следовательно:

- 1) в духовном мире мы имеем деятельность, субстанцию;
- 2) в душевном мире — деятельность, субстанцию;
- 3) в физическом мире — деятельность, субстанцию.

И когда мы рассматриваем затем человеческую голову, то по своей субстанции эта человеческая голова построена всецело из физического мира. **Субстанция головы почерпнута, прежде всего, во время эмбрионального периода развития человека, из субстанции, происходящей от родителей**, и дальнейшее построение головы происходит так же, таким образом, что в основу всей человеческой головы и чувственно-нервной системы ложится субстанция этого вещественно-земного мира. Так что я должен сказать: голова построена из субстанции физического чувственного мира. Наоборот, вся та деятельность, которая пластически создает эти формы человеческой головы, — все то активное, что из субстанции придает голове форму, — все это исходит из духовного мира. Так что **со стороны деятельности — голова построена**

всецело из духовного мира. И поэтому, в духовном отношении, — голова должна быть открыта сверху, чтобы в нее могла входить духовная деятельность. Следовательно, в каждое мгновение своей жизни вы можете сказать себе: моя голова есть нечто, что по своей субстанции, по веществу, взято всецело из Земли; но она построена, пластически оформлена таким образом, что земные силы никогда не могут построить этой человеческой головы. Формы этой человеческой головы изваяны всецело из духовного мира; они созданы, так сказать, Небом. И духовный наблюдатель идет именно весьма глубоко, когда рассматривает эту человеческую голову в ее отношении к миру.

В духовном наблюдении человек направляет свой взгляд на растение. Он говорит себе: растение имеет определенную форму. Свою субстанцию оно берет от Земли. Но его форма исходит из эфирного мира, то есть из мира, все еще пространственного.

Когда человек рассматривает животное, то он говорит себе: это животное имеет субстанцию своей головы всецело из пространственного мира. Но в ее деятельность вошло уже нечто духовное. Однако наивысшее духовное — то, что, собственно, можно назвать небесным, действует только в строении человеческой головы.

Эта человеческая голова никогда не могла бы образоваться действием каких-либо земных сил, хотя субстанция ее взята из земных веществ. Так из земных веществ созидает духовный мир, некое образование в виде человеческой головы, которая сама есть род малого Космоса.

Совершенно противоположное наблюдается в человеке обмена веществ и конечностей, то есть в том, что содержит в себе органы внешнего движения, ноги, руки, и то, что от ног, рук продолжается вовнутрь — органы пищеварения.

Я опускаю сперва среднюю, ритмическую организацию (организацию дыхания и циркуляцию крови) и беру теперь то, что слагается в результате всего переваривания и питания, то есть внутреннего сгорания человека, — то, что порождается как движения человека.

По своей субстанции это образовано совсем не из Земли. Как бы невероятно это для вас сперва ни прозвучало, но в своей человеческой системе обмена веществ и конечностей вы носите в себе нечто такое, что по своей субстанции образовано совсем не из Земли, а состоит всецело из субстанции третьего мира — из субстанции, которая существует в духовном мире. Вы скажете: но я вижу ведь свои ноги, они же видимы чувственно, физически.

Если бы они состояли из духовной субстанции, то их нельзя было бы видеть чувственно-физически.

Это возражение вполне правомерно. Но здесь нужно принять в соображение следующее. Именно ваши истинные руки всецело духовны, и вещество посылается в них только от головы. **Голова есть тот орган, который заполняет веществом духовные руки и духовные кисти рук, духовные ноги и духовные ступни.** Материя, вещество только проникает в духовность конечностей и органов пищеварения.

Таким образом, то, что в своей субстанции исходит именно всецело из духовного мира, это пронизывается, заполняется физическим

веществом — но именно исходя от головы. Поэтому для физической науки прежде всего так трудно понять трехчленность человека: организацию головы, груди и конечностей с органами пищеварения. Ибо люди представляют себе: голова находится вверху, и человек имеет голову, собственно, только там, где ее не имеет уже обезглавленный. Но это не так, ибо вещественно голова человека имеется у него повсеместно. У человека и в большом пальце ноги также есть голова, так как голова посылает туда свою субстанцию.

Но первично, по своему происхождению, голова есть земная субстанция. И она сообщает затем земную вещественность всему остальному, между тем как собственная субстанция органов обмена веществ и конечностей взята из духовного мира. Если достигнуть возможности устранить в себе восприятие головы человека так, чтобы быть в состоянии не только в мыслях, но, путем сильного негативного приказания себе, вызвать образ человека без головы, то и весь остальной организм исчезает, и одновременно с головой упраздняется также все то, чем человек является как чувственно-видимое существо.

Тогда все остальное нужно видеть уже душевно-духовно, чтобы оно вообще могло быть видимо для нас, так как поистине, по определению духовных миров, мы движемся с духовными ногами и духовными руками, и только голова, так сказать, насыщает, заполняет их физическими веществами. И наоборот, сила, актив⁰⁰₁₁ность всего того, что есть человек обмена веществ и конечностей, взяты из физического мира. Так что, когда вы переставляете ногу или двигаете рукой в порядке механических сил подъема рычага, то этот механический порядок, а также и химические процессы, которые рассматриваются при движении рук и ног, или же те химические процессы, которые разыгрываются в органах пищеварения, — все это есть действие земных сил. Следовательно, **в своих конечностях вы имеете субстанцию невидимую, духовную, а силы — такие, которые взяты из земного бытия.** Таким образом, мы, люди, в отношении субстанции нашей головы построены, исходя из Земли, в отношении сил нашей головы мы пронизаны тем, что исходит от Неба. В области наших конечностей мы построены всецело из субстанции, которая нисходит от Неба. Но силы, которые действуют в этой небесной субстанции во время нашей земной жизни от рождения до смерти, суть именно силы Земли, действия физических и химических сил Земли.

Вы видите, таким образом, что голова и конечности противоположны друг другу. Голова состоит из веществ Земли, но в своих пластических формах она образована силами Неба. Конечности человека и с ними вместе организм пищеварения образованы всецело из небесных субстанций. Мы не видели бы их, если бы они не были пронизаны земной субстанцией, исходящей со стороны головы. Но когда человек ходит, когда он что-нибудь берет руками, когда он переваривает пищу, то небесная субстанция пользуется силами Земли для того, чтобы вести эту жизнь на Земле от рождения до смерти. Так сложно построена связь, отношение человека к трем мирам. Следовательно, духовный мир участвует в построении головы человека со стороны своих сил, а своей субстанцией он связан с системой обмена веществ и конечностей. Низший, наиболее

чувственный, мир в своих силах связан с обменом веществ и с движениями конечностей, своей субстанцией связан с головой человека; наоборот, субстанция третьей системы человека исключительно духовна.

В средней системе, которая охватывает дыхание и циркуляцию крови, сложно переплетаются духовная активность и вещественная субстанция.

К духовной активности, которая струится в движениях нашего дыхания, в движениях нашего сердца, присоединяется также до известной степени духовная субстанция. И в свою очередь, субстанция земного вещества, поскольку она через кислород входит в дыхание, сопровождается до известной степени земной активностью.

Таким образом, вы видите, что в среднем человеке, во второй системе все объединяется. В нее вливается небесная субстанция как активность; в нее же вливается земная активность и субстанция. Благодаря ей человек получает возможность воспринять также активность среднего мира и субстанцию среднего мира. Следовательно, в среднем человеке переплетается многое. И мы должны именно в среднем человеке иметь эту удивительную, совершенную ритмическую систему — ритм сердца, ритм дыхания в легких, — ибо все встречающиеся здесь друг с другом субстанции и силы хотят найти свое равновесие, хотят гармонизироваться, мелодизироваться; хотят и могут это благодаря тому, что человек к этому предрасположен.

И если в систему головы, в систему конечностей активность и субстанция приходят из разных источников, то в среднюю систему вливаются из всех трех миров и притом еще в многообразном сочетании (дается рисунок, которого нет): здесь активность, сопровождаемая субстанцией; здесь субстанция, сопровождаемая активностью, здесь чистая активность, здесь чистая субстанция; все это изливается в среднего человека. И когда вы, как врач, исследуете биение пульса у человека, то в этом биении пульса вы чувствуете, собственно, установление равновесия между небесной душой и земной активностью и субстанцией.

И когда вы следите за дыханием, то вы опять-таки чувствуете это стремление внутреннего существа человека к уравниванию всех этих различных элементов среднего мира, которые стоят с ним в связи. Таково, как вы видите, отношение человека к трем мирам. Вы скажете: все это чрезвычайно сложно. И действительно, когда читаешь цикл лекций, то до этого момента он кажется вполне понятным; но когда приходишь к этой точке, где нужно направить внимание на отношение человека к миру, то слушатели часто говорят себе: все это делается малопонятным. За этим не так уж легко следовать.

Но свободное от предрассудков, действительно острое мышление может все-таки за этим следовать. И для этого мышления здорового человеческого ума имеется своего рода успокоение. Оно заключается в том, что при истинном проницании завесы Хаоса — о чем я уже говорил — и вступлении в мир, который оказывается тройственным, который невероятно сложным образом посылает свою деятельность и свою субстанцию в физический мир, — в этом тройственном мире, когда человек вступает в него, все оказывается поистине настолько смущающе

необъятным, что когда сквозь завесу Хаоса человек входит из физического, чувственного мира в этот мир, то ему дается в полном смысле слова предостережение, состоящее в том — я говорю как бы образно, но этот образ соответствует истинному, действительному опыту, — что при вступлении в духовный мир ему говорится приблизительно следующее: если ты не хочешь оставить позади за собой все то, что в физическом мире ты считал привычной, естественной логикой, что ты рассматривал как связь вещей, если ты не хочешь оставить позади за собой всего этого физического одеяния, тогда лучше не вступай в духовный мир, ибо в нем ты должен будешь пользоваться совсем другой логикой, совсем другими связями идей, совсем другим порядком последовательности. И если ты все еще хочешь вносить что-либо от твоей физической логики в этот духовный мир, то ты непременно запутываешься, придешь в нем в замешательство. И в числе вещей, которые относятся к подготовке для медитации и концентрации — о чем я уже упоминал, — мы должны иметь также и то, чтобы в полной мере соблюдать это предостережение и действительно не хотеть вносить чувственную логику в логику духовного мира. Я хотел бы сказать: это важное предостережение человеку, когда он хочет пройти сквозь завесу, делает именно та сила — мы еще узнаем о ней подробнее в следующих лекциях, — которую можно назвать Стражем Порога.

Но и тогда, когда человек хочет снова вернуться в физический, чувственный мир, он опять получает отчетливое, сильное предостережение от этого Стража. Ибо пока он является земным человеком, он, разумеется, должен возвратиться назад в физический мир, так как иначе он никогда не вышел бы из событий духовного мира. И тогда постепенно он привел бы свое оставленное физическое тело к умиранию. В физическом мире мы должны есть и пить согласно природной логике.

Мы должны подчиниться также другим навыкам дня, согласно той природной логике. Следовательно, мы должны снова вступать в мир, где вещи действительно протекают так, что в них имеется чисто природно-моральная логика, например, та, что к завтраку, к обеду «звонят».

И чтобы не оказаться тогда в невозможном для человека положении, необходимо соблюдать второе предостережение Стража Порога, который стоит на том месте, где завеса Хаоса разделяет физический, чувственный мир и мир духовно-небесный.

И это предостережение заключается в том, что Страж говорит человеку: не забывай ни на одно мгновение в твоей земной жизни, что ты был в духовном мире. Только тогда сможешь ты снова уверенно двигаться также и в физическом мире Земли в те промежутки времени, когда ты должен будешь в нем оставаться.

Так по отношению к этому миру, с которым человек связан тремя членами своего существа таким образом, как я кратко мог обрисовать это выше, он получает предостережения: сложить с себя все, что представляет собой натуральную логику, оставить это чувственное одеяние на пороге и переступить этот порог в предположении приобрести себе истинно-духовную логику, духовное мышление, духовные связи идей.

И когда человек возвращается снова в физический мир, он получает также строгое, и даже еще гораздо более строгое предупреждение — не забывать отныне ни на одно мгновение того, что пережил там, в духовном мире, то есть не предаваться опять в обыкновенном сознании только чувственным влечениям и т.д., но всегда сознавать, что он должен вносить духовное в этот физический мир. Вы видите — эти два предостережения весьма различны между собой.

При вступлении в духовный мир говорит Страж Порога: забудь в моменты твоего духовного познания физически-чувственный мир. При возвращении из духовного мира, — говорит Страж Порога, — никогда не забывай, помни всегда также и в физически-чувственном мире свои опытные узнания в духовно-небесном мире. В отношении того, что я сейчас сказал, существует опять-таки значительное различие между людьми более древней эпохи развития человечества и современным человеком; те люди, о которых я сказал, что они известным образом приходили к учителям древних мистерий или в качестве инспирированных учеников, или просто как люди, эти люди были именно таковы, что они уже в силу своих психически-спиритуальных инстинктов не совершали перехода от сна в бодрствование или от бодрствования ко сну без того, чтобы не принять во внимание Стража Порога.

Точно сквозь сон поднимался в душе людей третьего, четвертого тысячелетия в прошлом образ Стража Порога, когда они вступали в сон. Они проходили перед ним. И этот же образ появлялся опять, когда из сна они возвращались в обыкновенную жизнь.

Они не имели такого ясного предостережения при вступлении в духовный мир и при возвращении из духовного мира, как я указал это относительно того, кто вступал в этот духовный мир через инспирацию и имажинацию, но в том же разрезе, каковы были их остальные инстинктивные восприятия духовного мира, они имели, как бы сквозь сон, переживания прохождения перед Стражем Порога при засыпании и пробуждении.

Как мы увидим это в лекциях, которые мне предстоит еще здесь прочесть, в том именно состоит шаг вперед в развитии человечества, что единственно могло привести человека к свободе, но одновременно должно было отнять у него психически-спиритуальное созерцание, — что человек утерял то спящее, грезящее бодрствование, то промежуточное состояние между сном и бодрствованием, благодаря которому он мог как при засыпании, так и при пробуждении, хотя бы точно сквозь сон, созерцать величественного Стража Порога.

Теперь при засыпании и пробуждении человек минует этого Стража Порога. Он его игнорирует, он оставляет его без внимания. И оттого он, этот человек, входит в такой беспорядочный мир сновидений. Всмотритесь только когда-нибудь с полным беспристрастием в то, насколько иначе люди более древних эпох умели говорить о своих сновидениях, чем это делается в современную эпоху. Благодаря тому, что человек каждый вечер и каждое утро игнорирует Стража Порога, он переживает беспорядочность, хаотичность мира своих сновидений. Продумайте только тот факт, что когда мы переступаем через порог, — а мы делаем это при

каждом засыпании, — то на этом пороге стоит величественный Страж Порога.

Его нельзя игнорировать без того, чтобы то, что выступает перед человеком в духовном мире, не пришло в беспорядок. И каким образом это приходит в беспорядок, мы видим лучше всего на той метаморфозе, какую претерпевает это переживание духовного мира, именно тогда, когда упорядоченное мышление физического природного мира проникает в образы сна. Это можно уяснить себе на отдельных сновидениях. В физическом природном мире мы, естественно, ведем себя так, как нас этому учат те связи, какие мы находим в физически-чувственном мире.

Возьмем отдельный случай: люди ходят гулять; зачем они ходят гулять? Неправда ли, в городах люди ходят теперь на известного рода прогулки именно потому, что они на них переживают то или другое. Они встречаются на прогулке своих знакомых. Они могут, если это им нравится, показать свое платье другим знакомым или незнакомым людям. Все это суть переживания, которые могут разыграться во время прогулки. Эти переживания возникают главным образом благодаря тому, что мы своим человеческим существом можем мыслить, иметь представление, благодаря тому, что мы в состоянии головой, именно нашей головной организацией, сказать: **я мыслю**. В этой силе «я мыслю» и лежит возможность пережить во внешнем мире нечто в таком роде, как я это сейчас обрисовал.

Но на прогулке можно пережить и другое. Человек показывает свое платье или, если хотите, свое красивое лицо. Дело в том, что именно он при этом переживает. При встрече с другими людьми, при показывании себя другим людям имеются также и чувства. Человеку нравится одно или человеку не нравится другое. Он развивает свои симпатии или антипатии. Человеку нравится, когда на прогулке другие говорят ему что-нибудь приятное. Человеку не нравится, он относится с антипатией, когда ему говорят что-нибудь неприятное. Итак, то, что переживается на прогулке, связано преимущественно с мыслями, с представлениями, с тем, что порождает голова силой «я мыслю», силой мышления. Это связано также с чувством, с симпатией и антипатией, благодаря тому, что развивает ритмический человек: «**я чувствую**». Этим «я чувствую», которое мы можем одновременно с «я мыслю» сказать во втором члене нашего существа, мы сопровождаем то, что мы видим во время прогулки.

Но также и третье — воля человека — участвует в этой прогулке, если мы делаем ее в бодрствующем состоянии (лунатики гуляют во сне). Не правда ли, здесь придется коснуться уже некоторых интимных сторон человеческого переживания. Человек чувствует, что в условиях современной цивилизации невозможно показаться неодетым перед другими людьми, нельзя выйти на прогулку неодетым. У человека есть это чувство. Быть неодетым ему антипатично, быть одетым ему симпатично. Но это переходит в импульсы воли. Человек одевается. Он одевается даже определенным образом. Это затрагивает волю, третий член человеческой организации. Тот факт, что мы одеваемся, и то, как мы одеваемся, зависит от третьей способности человека — оттого, что мы можем сказать: **я хочу**... Одевание связано с импульсом воли.

**Я мыслю; Я чувствую;
Я хочу.**

Итак, когда мы можем сказать: я хочу, то мы выходим на прогулку одетыми в результате действия этого «я хочу». Все это устанавливается в физическом мире, в котором мы бодрствуем, именно логикой физического мира. Это привито нам воспитанием или мы подчиняемся жизненным обстоятельствам, которые даны внешне, в логике физического мира. И если мы этого не делаем, тогда что-то у нас не в порядке. Если мы выходим не одетыми на прогулку, то что-то у нас не в порядке. Порядок физического мира, логика физического мира создает эти формы. Нам в голову не придет пожелать увидеть других людей в не одетом состоянии на прогулке. Так устанавливается связь наших душевных переживаний, но не благодаря нам, а благодаря связи мира. Она проявляется в том, что все три способности — «я мыслю», «я чувствую», «я хочу» — стоят в нас в связи между собой. Это делает мир. Внешний мир побуждает нас устанавливать эту связь между мышлением, чувством и волей. Когда мы игнорируем Стража Порога, переступаем через порог, то мы стоим перед тремя мирами и не можем сначала в них разобраться, так как отчасти мы переносим в этот иной, духовный мир, то, к чему мы привыкли здесь, на Земле, отчасти же духовный мир уже проявляет свой порядок. И тогда происходит следующее: представьте себе, что вы, спящий, лежите в постели. Своим чувством, средней частью человека, вы участвуете в этом состоянии сна. Одеяло сползает с вас, часть вашего тела чувствует холод. Это передается вашему сонному сознанию как то, что это место у вас не одето. Это ощущение распространяется, так как вы не разбираетесь в духовном мире, не относите этого ощущения к одной только части, но ко всему миру, — это распространяется у вас в общее чувство: я не одет. Может быть, одеяло упало только с одной части вашего тела, и вам стало немного холодно, но вы чувствуете: я не одет. Но до сих пор вы были заняты в своем сне тем, что отдавались своим волевым импульсам, как бодрствующий человек: если я не одет, то я одеваюсь. Теперь же вы чувствуете во сне: я не могу одеться, мне что-то мешает, — да потому, что вы не можете теперь двигать своими членами.

Это проникает в сонное сознание. Вы видите, что это два переживания: я чувствую себя не одетым, я не могу одеться — вызывают в вас, благодаря тому, что теперь недостает физического мира, который мог бы связать эти вещи, так как одна принадлежит к миру II, другая — к миру I, — вызывают в вас то, что вы связываете их неправильно. И к ним присоединяется еще то, что вы пережили в ту же ночь, что вы вышли на прогулку; это так же входит в ткань вашего сна. Все это выступает отдельно, само по себе. Три положения выступают раздельно: я нахожусь на прогулке, я не одет, что для меня ужасно, и я не могу одеться.

Итак, представьте себе: эти три положения, которые в обыкновенной физической жизни связываются логикой этой жизни, теперь распадаются в вас, когда, игнорируя Стража Порога, вы проходите мимо него; вы переживаете в I мире — прогулку (мысли), во II мире — (чувство) не одетость, в III мире (воля) — невозможность одеться, полную невозможность одеться. И вы чувствуете себя в этом положении тройко

разделенным среди посторонних людей: в неадекватном состоянии, открытом для всех взглядов, не имея сил одеться. Через это проходите вы во сне. Сон разъединяет то, что в обыкновенной жизни связано в вас природной логикой; и вы связываете это хаотично, следуя привычке, которую вы перенесли с собой за порог; вы связываете это так, как если бы и в духовном мире было то же самое, то есть, что вы неадекватны. Благодаря тому, что вы игнорируете Стража Порога, вы вносите в духовный мир привычки, которые соответствуют физическому миру; вы хаотично связываете три мира по законам физического мира, — и вы чувствуете себя в этой ситуации.

В сущности, огромное большинство снов заключается именно в том, что когда человек переступает порог и не принимает во внимание предостережений Стража, тогда в нем распадается то, что здесь, в мире физически-природного, он ощущает как единство в гармонии, как гармоническое единство, и он стоит перед тремя мирами. Но их необходимо уметь соединять при помощи тщательного соблюдения предостережений Стража Порога; нужно уметь связать вместе эти три мира. И сновидение современного человека — это не было в такой сильной степени у человека более древних эпох, что вы можете видеть особенно на сновидениях Ветхого завета, — но сновидение современного человека ставит его перед тремя мирами, которые он, как современный человек, хочет связать по законам физического природного бытия. От этого возникают беспорядочные связи этих трех миров, в которых человек находится теперь (во сне).

Таким образом, вы видите, что уже сновидение показывает нам этот серьезный факт, что в то же мгновение, как мы переступаем через порог к духовному миру, мы оказываемся прежде всего перед тремя мирами и должны уметь правильным образом войти в эти миры и выйти из них.

Сновидение есть то, на чем человек может бесконечно многому научиться в смысле познания характерных особенностей как здешнего, физически-чувственного мира, так и иного, душевно-духовного мира.

Лекция шестая

24 августа, 1923 г., Пенменмаур

ДЕЙСТВИЕ ДУХА В ПРИРОДЕ

Вчера я попытался вам показать, что беспорядочность сновидения возникает оттого, что человек, бессознательно или подсознательно из физического чувственного мира переступая во сне так называемый порог, входит в сверхчувственность, в духовный мир, и что когда он входит в этот духовный мир, то он стоит перед тремя мирами: миром воспоминания об обычном физическом мире, душевным миром и собственно духовным миром.

События — внешние и внутренние, — которые мы переживаем в обыкновенном земном существовании, составлены из откровений всех

трех миров. Но они разъединяются, когда, засыпая, мы входим в сверхчувственный мир. И человек не относит тогда своих переживаний к надлежащему миру. И оттого в воспоминаниях обычного сознания возникает обман, иллюзия в сновидении.

Как в физическом пространстве всматриваются в какую-нибудь далекую точку, так во времени — с помощью имагинации — всматриваются в нечто другое. Следовательно, не просто припоминают виденный сон, а всматриваются в то, что видели во сне. Только таким образом получают правильное представление о сновидении. И благодаря этому познают, что сон только тогда будет интерпретирован верно, когда мы не относим его к природно-физическому миру, но когда мы относим его связи к духовному миру и, в большинстве случаев, — прежде всего к моральному миру. Сновидение хочет сказать не то, что оно выражает, когда физически интерпретируют его содержание. **Оно хочет сказать то, к чему приходят, когда его содержание интерпретируют морально-духовно.**

Возьмем сон, на примере которого я показал вам происходящее здесь смешение, — сон, в котором человек, охваченный ужасным чувством стыда, оказывается неодетым перед многими людьми на прогулке. Я обратил ваше внимание на то, как складывается в сонном сознании весь строй души благодаря тому факту, что человек стоит здесь перед тремя мирами. И если правильно всмотримся в этот сон, то мы должны сказать, что он показывает нам содержание, которое выглядит чувственно, но что в этом чувственном хочет явить себя духовно-моральное. И тот, кто имеет такого рода сон, не должен был бы смотреть на непосредственно протекающий в чувственных образах ход событий, но он должен был бы спросить себя: «Может быть, в моем дневном сознании мне свойственно иногда не являть себя с полной внутренней правдивостью другим людям? Нет ли у меня привычки слишком подчиняться условным оболочкам и, в сущности, скрывать себя под всеми условностями, принятыми во внешнем мире? Нет ли у меня оттого именно привычки иной раз не проявлять себя честно в своем глубочайшем внутреннем существе, а являть себя не совсем правдиво?»

Если человек направит свои мысли в эту сторону, то постепенно он придет к морально-духовной интерпретации сна. Он будет относить то, что ему явилось во сне, не к природному, а к духовному миру, и он скажет себе: «Когда во время сна я перешел в сверхчувственный мир, то ко мне приступили существа из сверхчувственного мира и сказали мне, что я не должен проявлять себя в ложном, неправдивом одеянии, но должен являться таким, каков я есмь как человек внутренне душевно-духовно».

При такой интерпретации сновидения приходят к его морально-духовной правде. И таким образом следует интерпретировать большинство сновидений.

Люди более древней эпохи развития человечества, которые в своей грезящей образности познавали при засыпании также и Стража Порога, воспринимали от него указания не вносить в духовный мир того, что живет в физически-чувственном мире. Следовательно, если бы этим людям приснилось, что они неодетыми гуляют по улице, то им не пришлось

бы в голову истолковать это так, что им этого нужно стыдиться, ибо это последнее имеет значение для физического мира и для физического человеческого тела, но они приняли бы во внимание полученное указание: то, что имеет значение в физическом мире, не имеет значения в духовном мире; то, что является в духовном мире, — это боги говорят человеку. Поэтому следует интерпретировать это как откровение богов. Так что натуралистическое понимание сновидений пришло только с ходом развития человечества. Но возьмем другой сон, который встречается очень часто. Человеку снится, что он идет по дороге. Он входит в лес. Через некоторое время он замечает, что заблудился, что дальше не может идти. Он пробует продвигаться вперед, но приходит к месту, где дорога теряется, где его окружают только деревья. Он находится в известной внутренней тревоге. В настоящее время — в обыкновенном сознании — человек очень легко принимает этот сон таким, как он является в своем непосредственном содержании. Но если взять его так, чтобы совершенно забыть о его природных связях, тогда именно такой сон показывает человеку из духовного мира, что путаница, в которую ты здесь попадаешь, лежит в твоих мыслях. В бодрствующем состоянии человек неохотно сознается в том, как спутаны его мысли, как часто они оказываются в таком положении, где нет пути дальше, где человек все время кружится вокруг себя самого. Такова особенность многих людей, особенно в нашей современной цивилизации. Они полагают, что мыслят просвещенно, но, в действительности, своими мыслями они пляшут или вокруг каких-нибудь внешних условностей, или вокруг атомов, которые при случае они себе конструируют, или вокруг чего-либо еще. И, конечно, в обыкновенном сознании человек не склонен признаться себе в этом. Но сон есть выступающее в чувственных образах откровение того, чем человек является в действительности. Духовные существа говорят ему это в его сновидении. И если пережитое таким образом во сне он примет как правильное самопознание, то его самопознание особенно успешно развивается под действием сновидений.

У многих людей есть также особое свойство: они отдаются тому, что им приятно в силу их инстинктов, их влечений. Им доставляет, например, удовольствие делать то или другое, но они не признаются себе, что это приятно их желаниям, их чувству, их чувственному благополучию. Они придумывают себе что-нибудь и в своем обычном сознании истолковывают то, что, в сущности, соответствует только их влечению, их удовольствию, как нечто такое, что они будто бы должны совершить, ну, скажем, из антропософии, из оккультных или эзотерических оснований, что будто бы в этом лежит высокая миссия или что-нибудь в этом роде. Так покрывают они в жизни — это встречается постоянно — подобным самооправданием бесконечно многое, что движется и господствует в подпочве животной жизни. Сновидение, которое берет свои чувственные образы отсюда, но в этих чувственных образах хочет быть откровением того, что в действительности духовно-душевно действует в человеке, — сновидение показывает тогда образно, что человека преследуют дикие звери, что он бежит от них и не может избавиться. Мы истолкуем этот сон душевно-морально правильно, если возьмем не его чувственно-физическое

содержание, но если примем его как самопознание, если увидим в нем приглашение рассмотреть внутренние истины нашего существа — не отвечают ли они, хотя бы в слабой степени, скорее животным влечениям, чем тому, что мы чудесно воздвигаем перед собой в своих идеалах.

Так сон самым различным образом может быть руководящим наставником человека. И если правильно относить его не к нижнему, а к высшему миру, то он может, несомненно, направляющим образом входить в человеческую жизнь, и тогда можно видеть, как в сознательной имажинации человек действительно достигает того, что сон, который и для имажинативного познания также предстает сперва в своих чувственных образах, затем метаморфозируется и превращается всецело в морально-духовное событие.

Итак, мы видим, что сновидение — я хотел бы сказать — есть то, что вводит в духовный мир уже наше обычное сознание. Его нужно только правильно понимать. Но я сказал уже, что когда мы имажинативно поднимаемся в духовный мир, то оказываемся там не в том устройстве души, как здесь, в физической земной жизни. В физической земной жизни я стою здесь, а стол стоит там, вне меня. Существует физическая разобщенность между мной и столом. Но как только я вхожу в духовные миры, в то же мгновение этой разобщенности уже нет. Там я нахожусь внутри воспринимаемого духовного существа. Происходит не так, как если бы я стоял здесь, а стол стоял там, но так, как если бы я распространил все мое существо над столом и стол принял бы меня в себя. Следовательно, в духовном мире происходит так, что мы совсем погружаемся в то, что мы воспринимаем. Поэтому также мы не должны относить того, что переживаем во сне или же сознательно переживаем в имажинации, — относить этого к своему внутреннему существу, но когда мы говорим о том, что действует и живет в сновидении, то мы можем также и духовнонаучно сказать вместе с поэтом: **мир соткан из сновидений** — не из игры атомов, о которой грезит наука, а из того, что я обрисовал как Хаос греков, как живую ткань наших снов, как ткань нашей сознательной имажинации, как нечто субъективно-объективное; ибо, разумеется, мир соткан не только субъективно. Так что известные состояния мира мы должны объяснять именно из ткани живых сновидений. Поэтому, когда мы имеем, например, перед собой семя, то мы не должны хотеть объяснить его из физических и химических законов. Никакой ученый, который видит в семени или в эмбрионе только физические и химические законы, не сможет объяснить семени или эмбриона, так как в семени и в эмбрионе грезит природа. Здесь в основе лежит то, что движется и живет в сновидении. Поэтому если вы положите сюда семя растения, то это семя живет и тклет в сонных грезах. Вы не проникнете в него интеллектом, который постигает только законы природы; вы должны войти в него той человеческой силой, которая обычно живет в сновидении или в сознательной имажинации. Но нечто, подобное тому, что живет в семени, живет во время всего нашего земного существования во всем нашем организме. И поэтому в нашем человеческом организме мы должны искать не одно только действие химических и физических сил, но когда мы берем человека как

физическое существо, то мы должны рассматривать этого человека с его внешними физическими контурами как то, что живет, хотя и действительно в физическом земном чувственном мире, но за этим внешним явлением живет нечто другое, чего не может видеть глаз, не может слышать ухо, поскольку они суть физические органы, но что может созерцать имагинация и что как бессознательная имагинация переживается в сновидении. Во всем человеческом теле грезит природа. Она не мыслит только так, как мыслит человек, — нет, природа грезит. И действием этих сонных грез направляются силы нашего пищеварения, силы нашего роста. Все образуется из сновидения. Когда мы обзираем бытие Земли в прошлом, то мы исходим преимущественно из нашего времени. Как должны мы назвать наше время? Мы можем назвать его по одному из отдельных симптомов, скажем, — **эпохой пишущей машины**. Следовательно, мы исходим из эпохи пишущей машины; затем идем дальше назад и приходим к эпохе начала книгопечатания; идем еще дальше назад в эволюции приходим, например, к римской эпохе, к греческой эпохе, приходим к восточной эпохе, из которой вышли Веды. Но затем внешние источники нас покидают. Сколько бы сокровищ не открывали в гробницах египетских царей, но наступает момент, когда внешние источники нас покидают, когда мы должны идти дальше в прошлое только с помощью имагинативного и инспиративного духопознания. И тогда мы наталкиваемся на границу, за которой далее в прошлом лежит нечто неопределенное для обычного сознания, подобно тому, как за сновидением лежит сон без грез.

Да, действительно, возвращаясь в прошлое развитие эпох и мира, мы находим там эту завесу сновидения, которую мы можем воспринимать каждую ночь. И если затем мы приходим сюда с сознательной имагинацией, то там, за завесой, духовным образом озаряется более далекое прошлое. Но оно выглядит уже совершенно иначе, чем тот мир, который мы можем познавать своим интеллектом и с помощью исторических документов. Это более отдаленное прошлое, которое лежит за завесой сновидения в эволюции мира, показывает нам человека в непосредственном единстве с божественными духами. Тогда сам человек является еще божественно-духовным существом, и божественно-духовные существа, которые предназначены для иного, чем воплощаться на Земле, находятся в общении с ним, ожидающим своего воплощения на Земле. Следовательно, когда мы достигаем в далеком прошлом до этой завесы Хаоса, о которой я говорил в последнее время, то мы видим там непосредственное духовное общение в то время еще духовной души человека с человеком, которому надлежало затем всецело обитать на Земле. И мы увидим далее, как это положение вещей, связанное с развитием человечества, с другой стороны, стоит также в связи с космическим развитием. Там, где для инспирированной имагинации является в далеком прошлом эта завеса, мы видим также, как в космическом развитии — мы еще будем говорить об этом более подробно — от Земли отделяется соединенная с нею прежде Луна и выходит в мировое пространство, чтобы совершать затем свой путь вокруг Земли. Итак, мы смотрим в прошлое, достигая до завесы сновидения, до

имагинативной завесы, проникаем ее и находим за нею Землю, еще соединенную с Луной, людей в непосредственном общении с божественно-духовными сущностями. Мы находим, что когда для ретроспективного наблюдения в имагинации появляется эта завеса сновидения, — мы видим тогда, что в этой точке лежит важное космическое событие как особое образование: Луна выделяется из Земли и входит в мировое пространство как отдельное мировое тело. Так что мы созерцаем в прошлом мировом развитии момент, когда Земля была еще соединена с Луной, но человек тогда уже существовал — однако только в духовно-душевном состоянии. Мы вообще не находим, когда смотрим все дальше и дальше назад, в прошлое, такой эпохи мирового развития, в которой мы не встретили бы также зачатков человека. Так что, с точки зрения духовной науки, мы не можем сказать, что Земля развивалась миллионы лет чисто неорганически или населенная только низшими существами и что человек появился только впоследствии, но мы находим, уходя в прошлое, человека в других формах, всегда соединенным с эволюцией мира, которую мы можем обзирать в прошлом, когда мы восходим таким образом к тому, что может явиться нам за завесой Хаоса сонных грез и также за завесой созидательной имагинации как божественно-духовная сущность мира.

Когда мы смотрим на семя, на нечто эмбриональное, то мы видим в имагинативном познании некоторым образом то, как сновидение тклет свою подвижную ткань в этом эмбриональном, в этом семени. И мы видим, как нечто вполне реальное, но в то же время наполняющее собой образы сонных грез овладевает материей в семени, в эмбрионе.

Так что тот, кто в состоянии созерцать духовное в мире, откроет везде это духовное, но в самых различных обликах. Ибо духовное проходит через различнейшие метаморфозы. И когда мы вполне поймем, как в семени растения, в эмбрионах животных действует и живет сновидение, тогда мы, естественно, можем спросить: как же в таком случае обстоит дело с кажущимся нам совершенно мертвым минеральным миром? Когда мы смотрим отсюда в эти окна или идем по улице, то видим обнаженные скалы, этот, по-видимому, совершенно безжизненный мир, и мы должны спросить себя: если в семени растения, которое мы кладем перед собой, действительно господствует мир образных сонных грез, то что происходит в этих распростертых массивах гор и камней? Как обстоит дело со всем тем безжизненным, что образует почву, по которой ступают наши ноги в физическом мире? Если в растениях мы находим духовную силу, которая сравнительно легко схватывает своей грезящей тканью материю, то и в каменных массивах мы находим имагинативным познанием также духовное — духовное, которое состоит из отдельных конкретных существ. Но это духовное мы находим здесь не в грезящем состоянии, мы находим его в состоянии полного сна (без грез). Когда вы смотрите на эти горы, то вы не должны представлять себе какой-то сплошной спящий туман, пронизывающий все эти каменные громады и горы, а должны представить себе отдельные конкретные существа — духовные существа, которые спят в этих каменных массах.

Мы увидим впоследствии, как эти духовные существа возникли путем

отщепления от высших духовных сущностей — от сущностей с высшим сознанием, которые отщепили от себя этих иных существ, имеющих в своем теперешнем состоянии жизни только спящее сознание; и эти спящие элементарные существа спят именно там повсюду — в безжизненном мире. Следовательно, когда мы идем по каменному массиву гор, то мы должны были бы сознавать, что везде там, в Земле, спит духовная деятельность и жизнь в отдельных конкретных духовных существах. И когда мы наблюдаем этот безгрезный сон духовно-действенных существ в безжизненном мире, то мы находим, что в этом сне элементарных существ живет известное настроение.

Имагинация показывает нам этих существ. Инспирация учит нас, что в этих существах живет известное настроение. В этих существах гор, скал, земной почвы, по которой мы ходим, живет то настроение, какое мы находим в себе, когда именно чего-нибудь ожидаем. **Настроение, полное ожидания.** Так что душевно-духовная деятельность и существа, скрытые в этих, по-видимому, безжизненных каменных массах, пронизаны настроением ожидания.

Эти существа ожидают — этому учат нас инспирация и, особенно, интуиция, когда мы переносимся во внутреннее этих существ, — именно своего пробуждения к сонным грезам. Все то, что «смотрит» на нас в образе гор, — все это ожидает момента, когда впоследствии оно будет иметь сновидения, когда земное вещество, которое раздроблено в безжизненную материю, сможет в грезящем сознании охватить эмбрионально, создать, чудесно вызвать из скал и гор, которые мы теперь видим, снова нечто растительное. Именно эти существа являют перед нашей душевной жизнью чудесную магию природы — творчество из духовности.

И тогда прогулки среди этих скал или по этим скалам, и даже то, что эти скалы отражают от себя в своем физическом свете, могут стать для нас — не в каком-либо образном смысле, а в действительном, истинном познании — откровением спящих, затем пробуждающихся к сонным грезам и, наконец, приходящих к полной бодрствующей жизни элементарных существ, которые когда-то в будущем станут именно духовными существами. Физическая материя в растениях еще такова, что духовная ткань сновидений может пронизать эту материю. Эта материя становится затем раздробленной. **Все неживое** — мы наблюдаем это, когда в имагинации и инспирации обзираем прошлое — **возникло из живого.** Но в то время как живое становится безжизненным, оно пронизывает его спящей духовностью.

И эта спящая духовность ожидает в безжизненном того момента, когда она проснется к видению снов — к сновидению — и сможет претворить это безжизненное в космическую эмбриональную жизнь. И различные местности, различные страны Земли являют по-разному спящее состояние этих духовных существ в горах, в твердой земной коре. И тогда мы можем сказать: иным образом, чем в других странах, спят эти ожидающие своего будущего существа в такой местности, как та, какую мы имеем здесь.

Именно здесь, в Пенменмауре, имеем мы область, где благодаря особой конфигурации земли, благодаря особенностям строения и образования

каменных материалов эти спящие существа могут доходить до того, чтобы проникать в воздушные образования, и даже могут вплестаться в свет, между тем как в других странах они еще далеки от этого. Так что, если мы возьмем здесь действие не одной только внешней материальной атмосферы, материального воздуха, а силы действия душевной атмосферы, которая пронизывает воздух, как человеческая душа пронизывает человеческое тело, то именно в Пенменмауре мы найдем это душевное существо атмосферы иным, чем где-либо в другом месте.

Я хочу показать это вам на особом примере. Предположите, что в какой-либо местности имагинативное познание хочет установить перед собой должным образом имагинацию. Последняя более или менее легко или трудно удерживается в сознании. В разных местностях мы имеем разные возможности того, чтобы они оставались дольше перед сознанием или чтобы они быстро растворялись. Здесь мы имеем такую местность, где имагинации останавливаются удивительно долго и благодаря этому достигают до яркой образности. Мудрецы друидов или люди, подобные им, избирали для своих храмов, для своих святилищ именно такие местности, где имелаась эта особенность, что имагинации не исчезают мгновенно, не были подобны облакам, которые быстро рассеиваются, но могут задерживаться. И поэтому вполне понятно, что еще в сравнительно поздние времена для святилищ друидов отыскивали именно такие места. Эти люди чувствовали, что здесь не встретится больших трудностей для удерживания имагинаций. Но, конечно, все имеет свои светлые и темные стороны. И благодаря остановившимся имагинациям именно труднее достигается инспирация, хотя затем она становится более сильной. То, что должно быть сказано (инспиративно) из духовного мира, выливается здесь в слова с большей интенсивностью, значительностью, но с большим трудом.

Так что, без сомнения, также и в духовном отношении можно заметить дифференцированность земной поверхности. Можно было бы нарисовать географическую карту и отметить особой краской те местности, где имагинации особенно легко задерживаются перед имагинативным сознанием. Те местности, где они быстро улечиваются, можно было бы зарисовать другой краской. Так можно было бы получить очень интересную географическую карту. Здесь, в Пенменмауре, нужно было бы отметить особенно интенсивной краской то, что действует в душевной атмосфере, — сияющей, сверкающей живой краской. И я полагаю, что участвующие в этом курсе лекций могут действительно почувствовать данное здесь в элементарных силах эзотерическое настроение. Оно смотрит к нам в окна, оно встречает нас на прогулках, оно присутствует здесь совсем иным образом, чем где-либо в другом месте. Поэтому я особенно благодарен, что мы можем в такой местности, где эзотерическое встречает нас, так сказать, на улице, — в других местах, оно, конечно, также встречает, но не в таком непосредственном явлении, — поэтому я особенно благодарен, что среди ряда мест, где уже могли быть прочитаны подобные курсы, мы имеем также и этот, так как с указанной теперь точки зрения именно этот курс наилучшим образом входит в общую эволюцию антропософического движения.

Те сообщения, которые я давал выше, показывают, что между физическим чувственным и духовным сверхчувственным миром лежит «граница» — граница, которую с известным правом называют порогом духовного мира.

Я уже с самых различных сторон указывал на то, что должно произойти, чтобы этот порог мог быть перейден. И мы еще будем говорить об этом более подробно. Но из моих лекций вы могли уже видеть, что прохождение этого порога в более древние времена развития человечества было другим, чем в настоящий исторический момент. Люди более древних эпох развития человечества потому могли иначе проходить через этот порог, что они также и в течение дня имели сновидческое сознание, но, благодаря этому, также и более интенсивное сознание сверхчувственного, и — как я это уже показал — при засыпании и пробуждении они полусознательно, как бы во сне, проходили перед Стражем Порога. Переход — об этом я еще буду говорить в дальнейшем, — переход от древнего, менее свободного человечества к человечеству, которое становится все более и более свободным, заключается в том, что несвобода воли, связанная для людей с тем, что они при каждом засыпании или пробуждении воспринимали нечто от Стража Порога, — эта несвобода, в которой люди тогда пребывали, перешла в современном сознании в утрату видения в духовном мире, но зато во все большую и большую свободу. В этом состоит принцип человеческого развития. Следовательно, можно сказать, что люди утратили многое из духовного мира именно потому, что в своей эволюции они должны были быть приведены к свободе. Но утраченное должно быть снова достигнуто в том роде, как это хочет показать также и Антропософия. Мы имеем теперь как раз такой исторический момент, когда может выступить стремление к тому, чтобы утраченное было снова достигнуто. Но и в наше время у самых разных людей повсюду заметны еще остатки наследия, идущего от древних времен, когда человек имел совсем другое отношение к сверхчувственному миру. У современного человека, всецело охваченного силами интеллектуализма, как правило, имеется резкая граница между тем, что он переживает в чувственном мире, и тем, что лежит за нею в духовном мире. Эта граница проходит так резко, что именно просвещенные умы современности вообще не хотят ощущать, что человек может переступить через нее. Но я уже указал — когда кратко охарактеризовал пути в духовный мир, — что эта граница может быть перейдена, что человек может вполне сознательно войти в этот мир. Но в современное развитие человечества еще вдвигаются последние остатки из того времени, когда человек инстинктивно, бессознательно вступал в духовный мир, когда он также и в дневном сознании в большой степени нес еще в себе нечто от духовного мира. И мы должны прежде всего понять эти наследия при помощи сознательного духовного познания. Ибо, если не понять их правильным образом, то они явятся людям в самом ложном виде. И тогда заблуждение в отношении этих вещей может стать крайне опасным. Оттого в этих лекциях, которые хотят показать развитие человечества и мира, я должен обсудить также и этот **вопрос о бессознательном нарушении границы, когда нечто, бывшее**

вполне естественным и закономерным для более древнего человечества, проникает в современность и, не будучи освещено соответствующим ясным познанием, может привести теперь к опасным иллюзиям.

К числу явлений, которые для обычного сознания стоят, несомненно, уже на границе чувственного и сверхчувственного миров, относятся, например, **видения**, — видения, когда в своего рода галлюцинации, которой, однако, человек еще более или менее владеет, выступают образы, которые складываются в совершенно определенные формы, которые могут быть даже окрашенными, звучащими, могут содержать в себе и что-либо другое, но которые, прежде всего, — в том виде, в котором они предстают перед сознанием, — не соответствуют внешним предметам так, чтобы какая-либо внешняя вещь была бы точно такой, как это видение, которое возникает внутренне в человеке.

Обычным восприятиям всегда соответствует внешний предмет, а внутри — совсем как тень — образ. И человек вполне сознает, что теневой образ представления, встающего в его внутреннем существе, находится в связи с внешним миром. Видение выступает именно само собой, претендует на свою внутреннюю реальность. И человек оказывается в таком душевном состоянии, когда он уже более не способен судить о реальной ценности образа, который в нем выступает — выступает помимо его участия. Первый вопрос, который встает в этом пункте лекций, таков: как возникает видение? Так вот, видения возникают благодаря тому, что человек сохраняет еще в себе способность вносить в бодрствующий мир то, что он переживает во сне, — способность поднимать это в бодрствующем мире до степени представления, подобно тому, как обычно он поднимает до представления то, что он воспринимает извне через чувства. Создаю ли я себе образ часов, которые вижу в физической чувственной жизни, или, пережив во сне конфигурацию, внутреннюю реальность внешней вещи, потом — при пробуждении — создаю себе образ того, что я пережил во сне, — это суть два процесса, которые в известном отношении, имеют только различие, что одним процессом я владею, поэтому создаю только слегка намеченный, ослабленный образ (то есть представление); в другом случае я не владею процессом — вношу в жизнь моих представлений не то, что существует в настоящей действительности, а то, что я пережил в последнем, или предпоследнем, или в еще более далеком сне, когда душа пребывала во сне, и тогда я создаю видение. Такие видения в более древние времена развития человечества, когда оно инстинктивно владело отношением к физическому и духовному миру, были чем-то вполне естественным, но именно благодаря дальнейшему развитию человечества они стали тем, что они есть теперь, — чем-то **иллюзорным**, не подчиняющимся власти человека, вследствие чего всему этому необходимо противостоять с полным пониманием; ибо современный человек не имеет одного: когда в спящем состоянии он переживает что-либо в духовном мире и, пробуждаясь, возвращается в физический мир, то он не слышит напоминание, не слышит Стража Порога, который говорит: все, что ты пережил в духовном мире, ты должен это запомнить и принести с собой в

физический мир. Если человек принесет с собой это напоминание, тогда он будет знать, что содержит в себе видение. Если же видение выступает только в физическом мире без того, чтобы человек знал, как он перенес его сюда из духовного мира, тогда он именно не владеет видением, и оттого он впадает в иллюзии. Следовательно, можно сказать: видения возникают благодаря тому, что человек бессознательно переносит в дневную жизнь переживания сна, и дневная жизнь слагает ему эти переживания сна в представления, которые оказываются гораздо насыщеннее, гораздо богаче содержанием, чем обычные представления, которые имеют теневой характер. Другого рода явление выступает, когда человек переносит в жизнь сна то, что он чувствует и ощущает в физической жизни, и то, как он это здесь чувствует и ощущает. Но когда он вносит эти переживания, чувства, так сказать, в открытое море жизни сна, то ему именно там, вверху, дается указание, чтобы он не произвел в ней никакого беспорядка. Но если сон будет совсем легким, каким он бывает гораздо чаще, чем думают, — когда ходят в обычной жизни (иной раз человек спит совсем чуть-чуть, совсем немного, но все-таки спит — спит именно тогда, когда прекрасно идет себе вперед; и на это следовало бы обратить больше внимания: на это чуть-чуть засыпание), — итак, когда человек **слегка спит** в жизни, то незаметно для себя он переносит с собой вверх, за порог, повседневные ощущения. И тогда возникает то смутное чувство, когда человеку кажется, будто он внутренне знал то, что произойдет в будущем с ним или с другим человеком.

Таким образом возникает **предчувствие**. Итак, если видение возникает, когда в бодрствующую дневную жизнь вносят переживания сна, когда бессознательно переступают порог с переживаниями сна, то предчувствие возникает, когда находятся в очень легком, незаметном сне, полагая при этом, что бодрствуют, и тогда, опять-таки игнорируя Стража Порога, вносят в духовный мир то, что имеют, собственно, уже в обыкновенном дневном переживании. Но здесь оно лежит так глубоко в подсознании, что его не замечают. Дело в том, что человек находится в постоянной связи со всем миром. И если бы он осознал, какова эта связь со всем миром, то мог бы многое вынести из этого.

Итак, можно сказать: если здесь (было показано начерченной на доске линией) — порог, на котором стоит Страж, то видение возникает, когда переносят из сверхчувственного в чувственное то, что пережили там, за порогом.

А если в духовный мир вносят то, что пережили здесь, в указанном легком сне, тогда возникает то, что по-немецки называют - предчувствие (*Ahnung*).

И вы теперь видите, как благодаря этим наследиям, перешедшим к человеку из древней эволюции, он стоит здесь по эту сторону порога с видением, а там, за порогом, — с предчувствием. Но он может стоять как раз на границе, на самом пороге, и опять-таки не замечать Стража Порога. Эти моменты могут выступить, когда человек внутренне-душевно является, я хотел бы сказать, как бы замороженным. Но «замороженный» здесь не слишком удачное выражение, потому что здесь он не заморожен так, как обычно представляют себе замороженность, но он только

находится душой в определенном душевном состоянии. Когда стоят на этом пороге так, что с одной стороны еще чувствуют то, что имеется в физическом мире, но с другой стороны чувствуют уже и то, что имеется в духовном мире, тогда переживается то, что является весьма распространенным в некоторых местностях и что можно назвать **дейтероскопией**, или **вторым зрением**. Оно переживается в полусознательном состоянии именно на самом пороге. Так что можно сказать: эти древние наследия суть такие явления в человеческой жизни, которые переживаются в пониженном сознании и выступают или по эту сторону порога как видения, или по ту сторону — как предчувствия, или на самом пороге — как второе зрение.

Более подробную характеристику этих трех областей я дам еще завтра, чтобы от нее перейти к характеристике тех миров, на которые именно смутно указывается в видении, предчувствии и втором зрении, но которые благодаря новейшему познанию могут быть приведены к полной ясности повышенного сознания.

Лекция седьмая

25 августа 1923 г., Пенменмаур

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗЛИЧНЫХ МИРОВ

В жизни людей сверхчувственный и чувственный миры постоянно переплетаются один с другим. Сегодня мы будем обсуждать типы этого взаимодействия различных миров, и именно я предполагаю обсудить сперва тип обыкновенного лунатика, или сомнамбулиста, затем тип **Якоба Беме** и, наконец, тип **Сведенборга**. Эти три типа так относятся друг к другу, что каждый из них, хотел бы я сказать, как бы каком-то мировом эксперименте, обращает наше внимание на то, как связано человеческое развитие с развитием всего мира. И именно в связи с этими тремя типами я хотел бы указать также на следующее. Когда мы рассматриваем эти три типа людей, которые, известным образом игнорируя Стража Порога, направляются в духовный мир и возвращаются из него, то мы находим, что они, то есть тип обыкновенного лунатика, тип Якоба Беме и тип Сведенборга, иначе воспринимают духовный мир или, как это бывает особенно у лунатиков, действуют в нем, чем это происходит при имагинативном, инспирированном или интуитивном познании. Это зависит от того, что в духовном мире, куда направляется человек — но бессознательно это делает каждый при засыпании, — все оказывается другим, чем здесь, в физическом мире.

Сверхчувственный мир в основном имеет три особенности, которые совершенно противоположны свойствам физического мира. И человек ощущает эту противоположность настолько противоречащей всему, что он признает истинным, правильным, здоровым и т.д. в физическом мире, что при современной земной конституции души и тела вообще невозможно, чтобы человек сразу же был перемещен в этот сверхчувственный мир.

Поэтому в моей книге «Как достигнуть...» (которая на английский переведена под заглавием «Инициация») я так сильно обращаю внимание на то, как совершенно необходимо пройти через правильные приготовления для того, чтобы вступить в сверхчувственный мир.

И там все это обрисовано таким образом, что если человек будет следовать указаниям этой книги, то он пройдет во всех отношениях правильные приготовления и, следовательно, правильным образом вступит в духовный мир. Но все три типа людей, о которых я предполагаю сегодня сказать, вступают не путем такого приготовления, а более в силу своей судьбы, и предохраняются затем своей кармой от каких-либо возможных опасностей и даже достигают благодаря своей судьбе, своей карме, возможности сообщить остальному человечеству вещи, которые иначе могут стать известными только через имагинативное, инспирированное и интуитивное познание.

Во-первых, в духовном сверхчувственном мире перестает действовать тяготение, всякая гравитация. В этом мире — если мы действительно в нем находимся — мы никогда не бываем в состоянии весомости, но только в невесомости. Первое переживание в нем таково, что как только мы сознательно вступаем в духовный мир, так в то же мгновение испытываем такое чувство, как если бы у человека в физическом мире выдернули из-под ног почву и он должен был бы своей внутренней силой удержаться на месте. Следовательно, вы должны представить себе, что при действительном пребывании в духовном мире неизбежно должно появиться это чувство, какое появилось бы здесь, в физическом мире, если бы какой-нибудь демон выдернул у вас из-под ног почву и вы не смели бы отдаться тяготению, но должны были бы свободно удерживаться в мировом пространстве своей собственной силой.

Второе, что наступает в сверхчувственном мире, есть полное прекращение всего того, что в физическом мире существует как чувственное восприятие. Сокращенно можно сказать, что в сверхчувственном мире прекращается свет, и мы оказываемся предоставленными тьме. Но это только частичное обозначение, так как в действительности прекращается не только свет, — свет исчезает также и для слепых в физическом мире, но слепые имеют еще другие чувственные восприятия, а в науке о духе под светом часто объединяется все: самый свет, краски, все слышимое, осязаемое, все, что воспринимается как ощущение тепла и т.д., — все это прекращается в сверхчувственном мире; и тогда говорят условно, беря лишь самое главное для большинства людей — чувственное ощущение: все становится темным вместо освещенного.

И третье, что наступает в духовном мире, — то, по отношению к чему нужно развить в себе особую энергию, есть то, что вместо наполненности выступает пустота. Здесь, в физическом мире, вы повсюду имеете что-нибудь, что вы можете осязать. И если даже вы ничего не осязаете, то имеете все-таки воздух, в котором вы находитесь. Везде имеется наполненность, полнота. В духовном мире, в противоположность полноте, имеется **пустота**. Поэтому можно сказать: здесь, **в чувственном физическом мире, господствует вес, свет в**

физическом смысле, — под которым понимаются все чувственные восприятия, и полнота; в духовном мире господствует невесомость, тьма, которую мы сами должны сперва озарить тем светом, какой мы развиваем во внутреннем, и пустота, которую мы сами должны сперва наполнить тем сущностным, что мы воспринимаем, когда через интуицию перемещаемся в другие существа и, таким образом, для высшего сознания снова наполняем пустоту. Но если человек, в силу инстинктивной судьбы, вместо весомости, тяжести вводится в область, где господствует невесомость, тогда он охватывается внешними силами, которые лежат вне Земли. Когда человек в физическом мире ходит по Земле, — впрочем, также и тогда, когда он лежит, — он всегда подлежит тяготению. Когда же в известные мгновения он бывает избавлен от этого, тогда вместо тяготения происходит толчок, отрыв в обратную сторону, обратное тяготение. Человек переживает в себе силу, которая влечет его именно прочь от Земли, вместо того, чтобы приковывать его к Земле. Это есть та сила, которая, помимо отраженного света, исходит от Луны. Итак, когда человек ходит по Земле, то в нормальной жизни он подлежит земному тяготению по направлению вниз. Он удерживается на Земле. Когда же благодаря своей карме, которая при этом связывается с природными силами, человек в известные мгновения своей жизни бывает освобожден от земного тяготения, тогда вступают в действие **лунные силы как антигравитация**; они именно действуют в том человеке, который начинает бродить, несмотря на то, что спит. Тогда он подлежит тем силам, которые действуют в его человеческом существе, в его физическом и эфирном телах и которые связаны со многими другими силами (потому что от Луны не только отражается свет), которые также действуют с Луны на Землю. Эти силы притягивают к себе человека. Эти силы, собственно, всегда хотят оторвать человека от Земли. В те мгновения своей жизни, когда вместо сил земной гравитации человек охвачен силами лунной антигравитации, действующими противоположно земным силам, он может блуждать, как это происходит с **лунатиками**.

Силы, которые действуют тогда в человеке, совсем другого рода, чем нормальные силы Земли. Но это относится только к современному состоянию человечества. Эти силы, которые вы видите только у лунатиков, являются теперь аномальными; если вы окликнете его, когда он бродит по крыше под влиянием лунных сил, если вы позовете его земным именем, то он упадет, он тогда сразу же входит в область земных сил, но то, что действует здесь в человеке, было вполне нормальным в другие эпохи Земли. Кто понимает все это положение вещей, тот видит, что состояние земного человека, которое теперь признается нормальным, связано именно с современными силами Земли. От земного развития он перейдет к развитию мира — к той эпохе мирового развития, когда это мировое развитие было развитием Луны. И как только земной человек входит в область воздействия Луны, так тотчас же он ведет себя таким образом, как если бы он жил совсем не на Земле, в физической области, а как если бы он жил в астральном мире; только астральное сообщается тогда его физическому существу. То, что теперь только напоминает (у

лунатиков) эту астральную деятельность в физическом, это было когда-то мировым развитием, развитием Луны, и когда-нибудь снова будет, и тогда человек сможет в сознательном состоянии ходить по наклонным поверхностям, как теперь это могут делать мухи. Это указывает на развитие будущего как развитие Юпитера. Так что если мы правильно понимаем лунатика, то мы можем видеть в физическом образе, который он нам собой предлагает, как бы эксперимент, проводимый перед нами самой природой: то, что — конечно, не в телесной физической материи, а в бесконечно более тонкой субстанции — человек проходил во время лунного бытия и что будет проходить снова, когда в совершенно ясном сознании научится в будущем владеть физической субстанцией в предстоящем развитии, в развитии Юпитера. Так указывает это состояние на то, что является прошлым и будущим мирового развития. В этом смысле мы, несомненно, имеем здесь дело с человеком, которого можем назвать **лунным человеком**.

И эти лунные люди в известные моменты своей жизни становятся лунатиками. Но если то, что спящий человек выполняет внешним образом в состоянии лунатизма, если это движение в невесомости, в отсутствии тяготения будет выполнено с полным сознанием, духовно, но так, что при этом человек будет иметь в себе силу, чтобы оставаться неподвижным (лунатик следует побуждениям лунных сил, отдается или бессознательно выполняет все движения, которые они ему навязывают), тогда тот, кто задерживает в себе все эти лунатические движения, не делает ни одного такого движения, вступает в сознательное, точное ясновидение. Благодаря тому, что он не проявляет этих движений, а все их задерживает, эти движения метаморфозируются в нем и становятся интуициями. Так что **сознательная интуиция заключается, собственно, в удерживании того, что человек, как лунатик, принужден выполнить под действием своих инстинктивных сил, которым он должен вполне отдаваться, в которых он должен вполне раствориться**. Кто метаморфозирует в себе эти инстинктивные силы движения, тот именно не растворяется в физических силах Луны, а удерживает в себе эти физические лунные силы и достигает тем самым возможности воспринять в интуиции соответствующую им духовность, он достигает тогда интуиции. Так что на этих лунных людях можно действительно очень хорошо штудировать, с одной стороны, отношение человека к мировому развитию, а с другой стороны, то, чем являются, в противоположность лунатикам, люди, обладающие точным (экзактным) ясновидением.

И если люди инстинктивные, больные лунатизмом суть ночные бродяги, то люди, обладающие точным интуитивным ясновидением, суть именно те, которые способны сохранять покой среди дня, способны противостоять беспокойным силам Луны.

Второй тип этих людей есть тип **Якоба Беме**. Якоб Беме во всем своем человеческом существе был устроен так, что в силу своей природной судьбы, своей кармы, он мог в известные моменты своей жизни в полном бодрствующем состоянии иметь перед собой вместо озаренного солнцем мира темное пространство мира. После того, что я уже указывал,

вам, разумеется, будет ясно, что речь идет здесь не только о тьме в смысле отсутствия света, но о прекращении всех чувственных восприятий. Якоб Беме мог в известном состоянии жизни иметь перед собой темное — вместо светлого, вместо звуков, порождаемых миром, — молчание, покой, вместо теплого — нечто безразличное в смысле тепла или даже холодное, то, что можно было бы назвать антитеплом, и т.д. Так что, если бы мы, так сказать, «со стороны» (сам он не воспринимал себя таким образом) наблюдали его состояние при помощи инспирации, то мы должны были бы сказать: этот Якоб Беме имеет перед собой вместо освещенного солнцем пространства в известные мгновения своей жизни абсолютную тьму. Люди, которые могут иметь переживания, не доходящие до их сознания, и даже в освещенном солнечном мире остаются действительно еще как бы в легком сне — эти люди имеют то, что называется дейтероскопией, или вторым зрением. Якоб Беме в высшей степени обладал этим. Но только в нем это развивалось таким образом, что он направлял это второе зрение не столько на подробности земной жизни, сколько на строение всей Земли в целом. Каково же было в силу этого его созерцание?

Представьте только себе (я нарисую это схематически): остальные люди имеют здесь, перед собой, солнечный свет. Якоб Беме имел — и именно исходя от той точки, где обычно пересекаются зрительные оси глаз — направленные на близкий или отдаленный предмет, дальше за этой точкой пересечение зрительных осей (или же за той точкой, где вы, положив вытянутую правую руку на левую (в их скрещении), переходите от внешнего чувствования к внутреннему чувству самого себя, где проходит как бы некая стена), — там Якоб Беме имел перед собой тьму, молчание чувств. Вы должны достаточно живо представить перед собой эту тьму. Это вполне соответствует следующему чувственному образу. Когда вы имеете перед собой зеркало, то вы не видите того, что находится за зеркалом; вы видите только то, что находится перед зеркалом. То же самое происходит духовно с тем, кто видит, как видел Якоб Беме. Тогда впереди — именно благодаря тому, что позади лежит тьма — возникает нечто, как отражающая поверхность, и мы видим отраженно то, что лежит духовно в глубине, — видим отражения земного мира в его духовности. Следовательно, если бы вы принадлежали к типу Якоба Беме, то в известные мгновения своей жизни вы созерцали бы во тьме, и благодаря тому, что тьма отражала бы вам то, что живет духовно в существе Земли, вы созерцали бы духовное строение Земли, созерцали бы то, что происходит в бытии Земли. Таково мощное второе зрение у Якоба Беме. У другого это может быть так, что в известные мгновения жизни он имеет перед собой тьму, которая закрывает для него физический свет, и это дает ему возможность созерцать тогда духовное.

И если при этом он, скажем мы, сумеет правильно обращаться с этим духовным зеркалом, сущность которого состоит именно в наличии этой тьмы, то благодаря внутренним коммуникациям, имеющимся между всеми земными делами, или даже мыслями, — он может, находясь в Европе, воспринимать своих друзей, которые живут хотя бы даже в Америке.

Ибо сущность того, что воспринимает физический глаз, физические чувства, суть прежде всего солнечные воздействия. Но существуют, кроме

внешних, скрытые солнечные воздействия. Эти скрытые солнечные воздействия живут во всех вещах, живут в минералах, растениях, животных. Живут также и в морях. И в то время как вы находитесь в Европе, вы оказываетесь, благодаря имеющимся в вас скрытым солнечным воздействиям, в коммуникации с тем, что переживает — также благодаря этим скрытым солнечным воздействиям — ваш друг, который находится, скажем, в Америке. Эти коммуникации действуют в карме. И уже скольких людей сама судьба соединила браком, дружбой, любовью именно с теми, кого они никогда прежде не знали, кто определенное время жил в другой стране; в этих кармических воздействиях проявляются на Земле скрытые силы Солнца. В них, как в зеркале, отражаются сокровенные солнечные воздействия.

Тот факт, что это встречается особенно часто, когда мы имеем дело с людьми, живущими уединенно на островах, в горных долинах или в других благоприятных в этом отношении местностях, где у местных жителей второе зрение выступает чуть ли не в каждом человеке, объясняется тем, что люди, живущие в известном уединении, могут в силу этого легче воспринимать внутреннюю коммуникацию и устанавливать в своей жизни вокруг себя частичную коммуникацию, и устанавливать в своей жизни вокруг себя частично указанную тьму; отсюда второе зрение шотландцев, вестфальцев и т.д., отсюда все эти явления, выступающие в определенных местностях на Земле. И о действии того, что разыгрывается на Земле, если это есть столь же подлинная, истинная действительность, как те скрытые солнечные воздействия, о которых я сейчас говорил, обо всех этих явлениях действительно следует, разумеется, судить совсем иначе, чем это принято теперь, в настоящую материалистическую эпоху.

Ибо в настоящее время некоторые люди, почитающие себя при этом весьма умными, спорят о том, существовал ли король Артур или нет. Но кто понимает сущность вопроса, тот скажет совсем другое. Для него люди, сомневающиеся в действительном существовании короля Артура, гораздо легендарнее, чем король Артур!

Для того, кто постигает истинную действительность, эти ученые, подвергающие сомнению жизнь короля Артура, несмотря на все их физическое бытие, суть гораздо большая легенда и миф, чем сам король Артур.

Итак, люди, которые обладают вторым зрением, которое в наивысшей степени было выражено у Якоба Беме, — это суть особого рода **солнечные люди**. Как обычно человек воспринимает солнечные воздействия извне, из окружающего его внешнего мира, через посредство своих глаз, так эти солнечные люди бывают внутренне пронизаны солнечной силой — сокровенными силами Солнца. И если люди первого типа были лунными людьми, то человек типа второго зренья, типа Якоба Беме, есть солнечный человек, тот солнечный человек, который опять-таки, в силу своей природной кармы, несет в себе то, что хотя и является аномальным в настоящее время, но вполне отвечает самой несомненной реальности. Ибо было время, когда то, что теперь аномально, было именно вполне нормальным.

Следовательно, если мы представим себе то, что могут воспринимать

люди со вторым зрением, те сокрытые силы Солнца, которыми пронизаны эти солнечные люди, то мы приходим к возможности сказать: то, что теперь аномально — жизнь в скрытых воздействиях Солнца, — это было нормальным когда-то, в более раннюю эпоху развития Земли, и это когда-нибудь будет снова нормальным. Это было нормальным в ту эпоху развития Земли, которая, как развитие Солнца, предшествовала развитию Земли; тогда именно было нормальным, что люди повсеместно смотрели, как в зеркало, во тьму, которая отражала им все духовное. Земля в целом прошла через это развитие, которое из своих сил создало человека именно солнечным человеком, в его легкой летучей вещественности. Это происходило при совершенно пониженном состоянии сознания. Когда-нибудь это снова вернется. Но тогда человек достигнет того, что будет способен в бодрственном состоянии, вполне сознательно излучать, так сказать, в свое окружение тьму и таким образом начертывать перед собой как бы зеркальное отражение всего мира (в целом). И тогда мы вступаем в развитие, которое я могу обозначить как развитие Венеры — будущую стадию развития Земли. Человек должен снять с себя свою грубую чувственность, свои грубые ощущения, грубое восприятие физического в своем окружении и извлечь из себя свою свободную восприимчивость, если он хочет прийти ко второму зрению. Этого можно достигнуть так же и чисто внутренним способом, **хотя это не совсем безопасно**. Этого можно достигнуть тем путем, что человек — я именно никому не советую этого и хочу указать только факт, — человек внешне фиксирует какой-нибудь блестящий предмет, отчего возникает ослепленность. Таким образом, внешнее впечатление несколько ослабляется, и внутренне впечатление проявляется с тем большею силою.

В более древние времена второе зрение вызывали некоторым образом совершенно систематически, и в рассказах, свидетельствующих о пробуждении этого второго зрения, упоминается всегда так называемое **волшебное зеркало**. Волшебные зеркала — это были особые инструменты, предназначенные для того, чтобы вызвать фасцинацию, ослабление внешних зрительных впечатлений и, напротив, усиливать внутренние впечатления. Так при помощи инструмента внешнего зеркала вызывали духовное отражение. Существенно было не то, что человек видел в физическом зеркале; напротив, физическое зеркало было лишь средством для того, чтобы ослабить внешнее впечатление; с помощью этого волшебного зеркала пробуждали именно внутренние впечатления. Отсюда (наши рождественские гадания с зеркалами) и возникло мнение, будто в самом волшебном зеркале можно увидеть чувства и мысли далеких друзей и т.д.

В действительности, человек видел в себе душевное состояние, вызванное при помощи чувственного внешнего физического зеркала.

Кто имеет такого рода созерцание, тот, несомненно, видит реальности. Он видит то духовное, что происходит в царствах природы, и, благодаря этому, он является известным образом связанным со всем тем солнечным, что имеется в самой Земле.

Если мы хотим действительно понять произведения Якоба Беме, то мы должны понимать их с той точки зрения, что все их содержание есть,

собственно, удивительное многосложное второе зрение. Подобной организацией обладала и другая личность — **Парацельс**. Но, наряду с видением, он имел более сильный интеллект. Поэтому он всегда интерпретировал для себя образы своего второго зрения.

Когда мы интеллектуально размышляем о чувственных физических вещах, то мы их не изменяем. Интеллектуальность бессильна повлиять на строение чувственных физических предметов. Но интеллектуальность может подействовать на то, что человек видит в таком отраженном образе, как я это сейчас описал. Воспринимать строение мира в совершенно чистых образах второго зрения мог только такой человек, как Якоб Беме, который был в состоянии вполне отрешенно отдаваться внешним вещам. Ибо едва ль не из каждой строки у Якоба Беме говорит та безграничная любовь, которая жила в нем, та любовь, с какой он смотрел на все вещи и которая проникала в его восприятие отраженных образов духовного в мире.

И поэтому отражения оставались в нем наиболее чистыми имагинациями духовного в мире. У Парацельса, который обладал более сильным интеллектом, **отражения изменялись под действием интеллекта**. И становились поэтому измененными отражениями. В том, что даже физические отражения могут изменять то, что они отражают, вы, без сомнения, можете убедиться, если увидите свое отражение в зеркальном садовом шаре. Так карикатурно изменяет человеческий интеллект отражения второго зрения. Но, с другой стороны, **благодаря интеллекту человек глубже проникает в существо внутренних сил**. Поэтому Якоб Беме, с его до последних пределов доведенным любовным видением вещей, стал именно созерцательным наблюдателем, а Парацельс, который касался более внутренних сил, который изменял отражения и оперировал с ними, — Парацельс подошел ближе к тем исцеляющим силам, которые как духовные солнечные силы сокрыты в вещах. Если опять-таки мы научимся сознательно владеть тем, что может жить в человеке как эти скрытые солнечные силы, и если простирающуюся перед вторым зрением тьму мы употребим не на то, чтобы созерцать отражения, а внесем в эту тьму тот внутренний свет, который загорается в нас духовно от медитации, концентрации и т.д., так что пространство, освещаемое обычно внешним физическим Солнцем, наполняется теперь внутренними скрытыми силами Солнца, и мы сами, став духовно-душевно сияющими, можем себе озарить то, что имеется перед нами, — тогда именно мы приходим к сознательной имагинации. И эта сознательная имагинация, в полном бодрствовании, как мы к этому привыкли в обычном познании, выносит тогда на поверхность сознания то же самое, что Якоб Беме, с известной бессознательностью, то есть меньшим овладением миром идей, мог обрисовать в своих творениях именно потому, что он был солнечным человеком.

Итак, если при задерживании скрытых лунных сил, вызывающих в человеке лунатические блуждания, развиваются силы интуиции, то отраженные образы, чудесно вызываемые из духовной тьмы сокровенными силами Солнца, превращаются в сознательную имагинацию. Если эти отраженные образы не

созерцаются, а проницаются человеком, если вместо того, чтобы их рассматривать и предоставлять им воздействовать на себя, человек смотрит сквозь них, то есть если он сознательно пользуется вторым зрением, так сказать, в противоположном смысле, то возникает сознательная имагинация.

Как **сомнамбулический тип живет в лунных силах, тип Якоба Беме — в солнечных силах, так третий тип живет в состоянии тепла и холода**, которые, собственно, всегда имеются в пространстве, вблизи от Земли и в более далеком земном окружении. В нормальной жизни эти внешние явления тепла и холода привычны для человека. Однако существует известная, очень тонкая внутренняя сенситивность, которая крайне восприимчива не столько к внешним воздействиям тепла и холода, сколько к сокрытым действиям тепла и холода, пронизывающим все мировое пространство. Этой способности воспринимать сокрытые действия тепла и холода, имеющиеся в мировом пространстве помимо обычных физических действий тепла и холода, заставляющих нас терпеть жар и мерзнуть, — этой способности достиг **Сведенборг** в определенный момент своей жизни. Кто захочет глубже войти в таинственную жизнь Сведенборга, для того мало-помалу станет ясно, что сенситивность к сокрытым состояниям тепла и холода в окружающем и пронизывающем Землю мировом пространстве выступила у Сведенборга (1688-1772) в известном возрасте, после того, как он уже стал выдающимся ученым своего времени. Ибо труды Сведенборга в области чисто официальной науки весьма многочисленны. В свое время они далеко не все были опубликованы, и ныне существует даже общество шведских ученых, которое предлагает издать в ряде томов эти работы, имеющие чисто научный характер. Но этот Сведенборг заставляет-таки ученых поломать себе головы. Они должны признать, судя по этим работам, что он был явно одной из наиболее замечательных личностей своего времени. Но в известный момент своей жизни он стал ясновидящим, так называемым безумным — по мнению тех, кто издает теперь его официально признанные труды. И сегодня нам предстоит заняться главным образом тем именно, что развилось как высшее созерцание у Сведенборга уже после того, как он объединил в себе все знание своей эпохи; мы должны ближе рассмотреть то, благодаря чему он стал «безумным» в глазах официальной внешней науки.

Если всмотреться в личность Сведенборга, то мы найдем, что он стал «безумным» именно тогда, когда на 40-ом году своей жизни развил необычайно сильную любовь, всепревышающую любовь к тому, что он до сих пор изучал. Как едва ли какой-либо другой человек, **Сведенборг сумел полюбить познание как таковое**. И эта любовь к самому познанию как таковому привела его, в свою очередь, в известный момент его жизни к тому, что он мог иметь своего рода прозрение в духовный мир, мог сделать себя восприимчивым к сокрытым состояниям тепла и холода в мировом пространстве.

Эти сокрытые состояния тепла и холода исходят не от Луны, не от Солнца, они исходят преимущественно от той звезды, которая, так сказать, крайне скромно сияет в мировом пространстве, — от **Сатурна**.

Это своеобразное скромное излучение Сатурна в наше планетарно-земное мировое пространство и дает те сокрытые силы, которыми в определенный момент своей жизни был особенно пронизан Сведенборг. Благодаря этому он пришел в такое состояние, что мог особенно ощущать пустоту в противоположность той наполненности, которая окружает нас везде, отовсюду в чувственном мире. В один прекрасный день в нем открылась сенситивность по отношению к *пустоте*. Но это открылось в нем как инстинкт. Он не стремился к этому. Он не проходил такого развития, которое я обрисовал в «Как достигнуть...». Это открылось ему как бы в тонком высшем инстинкте. И он стал видеть в том мире — это не есть физически-чувственный мир, — в том мире, где можно видеть, только когда воспринимаешь то, что пронизывает мировое пространство как скрытые состояния тепла и холода, то есть как излучения Сатурна. Поэтому его созерцание стало весьма своеобразным.

Когда вы читаете у Сведенборга описание результатов его созерцания, то это имеет вид почти земных переживаний, только эфиризированных, утонченных. Духи, которых он созерцает, — Ангелы, Архангелы и т.д., — движутся, правда, свободно от веса и т.д., но зато почти совсем в том же роде, как земные существа. Можно поставить вопрос: есть ли то, что он созерцает, действительный мир? Или это есть нечто, что он из своей внутренней полноты проецирует в мировую пустоту? Ни то, ни другое. А нечто совсем особое. Кроме двух мировых сфер, мировых территорий — физически-чувственного и эфирного мира, — нас окружает также и чисто духовный мир, где живут и движутся, живут и действуют духовные существа, которые никогда не спускаются на Землю. Но эти существа должны участвовать в земной жизни.

Поэтому они должны передавать земному эфиру то, что сами они совершают в чисто духовном мире. Следовательно, схематически мы должны изобразить это так: здесь — Земля, окруженная, пронизанная также и своим земным эфиром; вовне — я могу показать это только пространственно, хотя, собственно, это внепространственно — вовне находится мир деятельных духовных существ. Этот мир духовно деятельных существ вступает в область Земли. Земля есть то, что она есть, только благодаря деятельности духовно действующих существ. Эта деятельность излучается в земную область, но отбрасывается от нее и отражается в земном эфире.

Эти силы земного эфира суть подлинной реализации того духовного, что находится выше, «над» ними. Когда мы рассматриваем вокруг себя земной эфир, то находим в нем, без сомнения, также и деятельность эфирных существ, но не непосредственно, а в эфирных отражениях. Подлинная же деятельность духовного лежит выше, или глубже.

То, что окружает нас непосредственно на Земле, это есть проецированная вниз деятельность духовных существ, то есть, собственно, спроецированная сперва на Землю, а от Земли уже спроецированная обратно в земной эфир. Причем, это происходит так, что ***отражения не остаются, так сказать, только образами, но начинают как бы развивать свою собственную деятельность.*** Так что мы имеем здесь именно такую духовную деятельность, которая отражается от Земли

в эфир. Эта духовная деятельность есть реальная земная проекция сверхземной духовной деятельности. Подобно тому, как Якоб Беме в зеркале (тьмы) — я вам уже описывал это — видел то, что происходит в человеческом теле или в природе, так для Сведенборга (сама) Земля стала зеркалом, которое отбрасывало ему во вне в эфир образы духовной деятельности, образы духовного мира. Поэтому с одинаковым правом можно сказать: все, что видел Сведенборг, не есть духовный мир; и с таким же правом можно сказать: это — духовный мир. Это есть именно реализованное отражение — реализованное отражение зеркала самой Земли. Оно истинно, но оно есть именно истинное отражение, действие которого находится вне него. Это и созерцал Сведенборг. **Он видел то, каким образом сверхземные существа развивают в земном эфире силы, которые действуют затем в человеческой жизни, а также и в жизни Земли вообще.** Ибо эти эфирные силы, которые суть ни сами Ангелы, ни Архангелы, а их вибрирующие в эфире силы, играют несомненную роль в жизни Земли и в человеческой жизни. В настоящее время считается аномальным, если кто-нибудь проникает в эти скрытые эфирные силы, которые начертывают в окружающем нас эфире подлинные эфирные отражения высших прообразов духа.

Но это было совершенно нормальным в ту эпоху развития Земли, которая предшествовала периоду Солнца и которая может быть обозначена как развитие старого Сатурна: тогда сознавали, что когда-нибудь человек сможет пережить развитие Венеры; и что когда развитие Венеры будет окончено, то наступит развитие Вулкана. Это именно выступило как своеобразное созерцание у Сведенборга: то, в каком виде Земля существовала в прошлом, какой она открывалась людям того времени, какой она откроется опять в будущем.

Когда человек достигает возможности видеть сознательно те образы, которые Сведенборг созерцал в эфире, то есть когда он противопоставляет свою полноту пустоте мирового пространства, тогда для точного ясновидения, прежде всего, исчезают те существа, эфирные отражения которых созерцал Сведенборг, они, прежде всего, исчезают тогда для созерцания; но они начинают звучать для духовного слышания, для духовного слуха. По мере того, как учащаются их видимые зрительные образы, они становятся инспирациями, которые из духовного мира звучат в сознании человека. Следовательно, можно сказать: **«То, что возникало в эфирном отражении как бессознательная имажинация у Сведенборга, это изменяется при тщательном соблюдении (чего не могло быть у Сведенборга) предупреждений Стража Порога — это метаморфизмуется из эфирной имажинации в астральную инспирацию, которая может вполне сознательно выступить в человеке».** Тем самым я охарактеризовал вам также и то, каким образом более подсознательные состояния, тип лунатика, тип Якоба Беме, тип Сведенборга, относятся к тому, что может быть достигнуто сознательно в интуиции, имажинации, инспирации.

Порядок должен был измениться так, как я описывал, исходя из действительного Космоса.

Когда мы держимся не за названия, а за вещи, то при описании,

производимом с разных точек зрения, мы должны иногда изменять порядок последовательности, совершенно так же, как и при перспективном рассмотрении порядок последовательности может иногда изменяться: если здесь стоят два человека и я стою между ними, то один из них будет передо мной, другой — позади меня; если же я стану за первым, то оба окажутся впереди меня. Так же изменяются вещи в мировом пространстве, в зависимости от той точки зрения, которую мы должны принять.

Поэтому вы найдете, что и в моих циклах лекций вещи выступают также в различной последовательности оттого, что они должны изображаться с разных точек зрения. Кто этого не видел и подходит абстрактно, тот скажет: но ведь одно не согласуется с другим. Однако лишь тот, кто в лекциях исходит из предпосылок, будет всегда с легкостью говорить только то, что найдет согласованным даже самый чистый интеллектуалист. Кто излагает, исходя из действительности, тот должен разделить с действительностью также и то, что рассматриваемая с разных точек зрения, она может показаться именно противоречивой.

Лекция восьмая

26 августа 1923 г., Пенменмаур

ПЕРЕЖИВАНИЯ СНА У ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДВЕСТИЯ ЖИЗНИ ПОСЛЕ СМЕРТИ

В разъяснениях относительно сна и бодрствования в человеке, с одной стороны, и о строении человека — с другой стороны, можно было видеть, как вместе со сном человек переживает действительно глубокое разъединение своего земного существа.

Из различных сообщений последних дней мы видели, что должны различать в человеке то, что является в нем чувственно-воспринимаемым, — его физическое тело, и то, что уже не воспринимаемо чувственно-физически, что может быть воспринято только в имажинации, — его эфирное, или, как я должен также сказать, его силообразующее тело. Это силообразующее тело содержит в себе живые силы, которые заставляют человека расти, которые лежат в основе процессов питания, всего построения человека и т.д. Но это же силообразующее тело содержит в себе, как мы видим, также всю систему человеческих мыслей. В это силообразующее, или эфирное, тело, а также в физическое тело включены затем два высших члена человеческой сущности, то, что можно обозначить (я сказал уже, что не следует смущаться терминологией) как астральное тело и как собственно организацию “Я”. Когда человек проводит свою дневную жизнь, то эти четыре члена человеческой природы пронизывают друг друга, находясь во взаимодействии в тесной связи. Когда же человек переходит к состоянию сна, то физическое и эфирное тела отделяются. Они остаются — если я могу употребить это выражение — в постели. И в чисто духовный мир

вступает астральная организация и организация “Я”.

Так что от засыпания до пробуждения человек разъединен в своем существе: с одной стороны сказывается физическая организация и эфирная организация, которые удерживают при себе также и весь мысленный мир человека, и, с другой стороны оказываются “Я”-организация и астральная организация. Кажется, на этих днях кто-то выразил опасение: если во время сна весь мир человеческих мыслей остается в эфирной организации, то этим исключается возможность переносить в состоянии сна действие мыслей, которые развиваются лишь в бодрствующем состоянии. В этих словах проявилась как бы своего рода боязнь, что если, например, облечь в мысли те или иные пожелания, касающиеся других людей, или отнести эти мысли к тому, что находится в состоянии сна, то сила этих мыслей может быть потеряна, так как человек не берет их с собою в сон.

На это я хотел бы ответить сравнением. Вы, конечно, никогда не слышали, чтобы тот, кто хочет попасть в цель из ружья, должен был бы для этого тут же бросить в нее самое ружье. Он делает выстрел, а ружье удерживает при себе. Поэтому никак нельзя сказать, что в цель ничего не попало оттого, что ружье осталось на месте. Так же мало можно подумать, что воздействия бодрствующей жизни, мыслящей дневной жизни, останутся безрезультатны для жизни сна оттого, что сами мысли удерживаются в физическом и эфирном телах и не посылаются в жизнь сна. В этих крайне тонких вещах необходимо мыслить всегда вполне точно, так отчетливо и точно, как этого, собственно, даже не требуется для физического мира, где вещи внешнего мира тотчас же вносят свой корректив. Из того, что было сказано здесь в эти дни, можно видеть, что между физическим и эфирным телами существует гораздо более тесная связь, чем между эфирным телом и астральной организацией. Ибо физическое и эфирное тела остаются связанными друг с другом в течение всей земной жизни. Они никогда не разъединяются, не разъединяются даже в состоянии сна. Эфирное же тело и астральное тело должны разъединиться во время сна. С другой стороны, тесная связь существует между “Я” и астральной организацией, так как и они, в свою очередь, никогда не разлучаются во время земной жизни. Связь же между астральным телом и эфирным телом слабее. Здесь именно может произойти разъединение. Это имеет совершенно определенное последствие для земной человеческой жизни, а также и для внеземной человеческой жизни. Когда мы находимся в бодрственном состоянии, то своим “Я” мы оживляем в себе органы чувств, своим “Я” — нервную систему и то, что тогда возникает, мы посылаем в эфирное тело и в физическое тело, так как для возможности жизни в физическом мире мы должны все, что переживается в “Я” и астральном теле, посылать вниз, в эфирное тело и в физическое тело; поэтому материализм и может думать, что физическое тело есть все для человеческого существа, так как, действительно, все должно отпечатлеваться в физическом теле во время жизни между рождением или, скажем, зачатием и смертью. Но эта работа над включением переживаний земного бытия в эфирное тело и в физическое тело не проходит без трудностей и препятствий. Мы, в

сущности, никогда не можем сразу же послать вниз, в органы, принадлежащие эфирному телу и физическому телу, то, что мы переживаем благодаря чувствам, то, что мы вносим в нашу нервную систему благодаря мышлению.

То, что мы воспринимаем во внешнем физическом мире в момент восприятия, оформлено так, что оно подобно внешнему бытию. Если мы воспринимаем, например, что-нибудь угловатое, то в нашем "Я" и астральном теле образуется внутреннее переживание угловатости. Но оно не может быть воспринято непосредственно в эфирное тело.

Эфирное тело противится сначала принятию того, что мы переживаем в чувственно-внешнем мире. Эти отношения может осветить только имагинативное познание. Обыкновенное чувственное наблюдение, или чувственный эксперимент над человеком, или же интеллектуалистическое размышление недостаточны для того, чтобы исследовать этот процесс, который состоит именно в необходимом преобразовании и видоизменении чувственного восприятия так, чтобы оно могло затем жить в нашем эфирном теле и физическом теле и чтобы мы могли отделиться от него во время сна. И только если мы обладаем способностью наблюдать истинное отношение между сном и бодрствованием у земного человека, только тогда мы можем заметить ту постоянную борьбу, которая имеет место в жизни. Итак, мы воспринимаем внешне впечатления, внешне переживания. Но они не могут сразу же проникнуть в физическое и эфирное тела, ибо если я могу взять это грубое сравнение, то переживание, какое мы имеем, например, от угловатого предмета, может войти в эфирное тело, в физическое тело не прежде, чем оно будет закруглено, примет сперва соответствующую им форму. Необходимо основательное преобразование внешнего впечатления.

Это преобразование переживаний, которые вначале так же летучи, как само "Я" и астральное тело, в пластическое образование, которое может жить затем в эфирном теле, и в пластицирующее движение, которое может существовать затем в физическом теле, — это преобразование вызывает внутреннюю борьбу, которая для обычного современного сознания остается, разумеется, бессознательной, но кто имеет имагинативное познание, тот может видеть эту борьбу, которая, как правило, продолжается 2-3 дня. Нужно два, иногда три раза проспать с каким-нибудь переживанием, прежде чем оно свяжется с другими переживаниями, которые стали уже отпечатками в физическом и эфирном телах.

И мир сновидений выражает, собственно, внешне, но именно только внешне эту борьбу. Когда человек видит сон, то, как я это уже показал, его "Я" и астральное тело вдвигаются в эфирное и физическое тела и задерживаются. Эти задерживания есть выражение борьбы, которую я вам теперь описываю и которая длится приблизительно 2-3 дня. Когда мы только один раз проспим после переживания, то оно еще недостаточно погружается в эфирное тело. Только после того, как мы сделаем это 2 или 3 раза, оно входит вполне в эфирное тело. Таким образом, там, где человек менее прочно связан со стороны своего астрального тела и эфирного тела, мы видим постоянное взаимодействие, переход из одного в другое.

Нарисуем совсем грубую схему: если это — эфирное тело, а это — астральное тело во время сна, то при пробуждении или засыпании здесь, на границе, имеет место непрерывная борьба, оживленное движение, которое внешне выражается в сновидении, но которое внутренне означает включение переживаний в эфирное и физическое тела. И только после того, как человек 2-3 раза, а иногда и больше, проспит после какого-нибудь переживания, это переживание свяжется в нем с тем, что было уже связано с его эфирным и физическим телами как воспоминание.

Ибо дело именно в том, чтобы переживание превратилось в воспоминание, которое тогда остается также лежать в постели, в то время как мы спим, ибо оно есть, собственно, выражение физического и эфирного тела в мыслях. Итак, только через 2-3 дня переживание вплетается в ткань воспоминания.

Восприятие этого процесса является в высшей степени значительным переживанием для имагинативного познания.

Глубоко значительна уже самая форма, в какой это выражается. Мы воспринимаем внешние земные переживания, придавая им определенные контуры согласно природным законам. То, что предстает перед нами в земном бытии, мы переживаем именно в определенных контурах, хотелось бы сказать, форме **природных законов**.

Эти законы природы растворяются, когда переживание включается в эфирное.

Все, что в чувственном мире имеет твердое очертание, становится тогда, я хотел бы сказать, мягкообразным. Что неподвижно — становится подвижным, что имеет углы — становится закругленным.

То, что человек переживает **интеллектуально**, становится тем, что он переживает **художественно**. В этом лежит внутренняя причина того, почему в более древние времена, когда люди инстинктивно видели еще то, что я вам сейчас обрисовал, искусство совсем иначе входило в жизнь, чем теперь. Даже в эпоху Ренессанса, при обращении к старому искусству, как у Рафаэля и других художников Ренессанса, сохранились еще хотя бы традиции этого претворения **интеллектуального в художественное**. Ибо как только мы переходим в сверхчувственное, так в то же мгновение интеллектуальное теряется в своей форме и претворяется в художественное. Когда в современном искусстве люди придают так много значения натурализму и хотят сделать все по модели, они показывают тем самым, что отошли от истинного искусства. Человечество должно снова вернуться к этому истинному искусству. Итак, человеческая жизнь слагается, как я это сейчас показал, таким образом, что человек всегда может сказать: **я имею переживание; через 3 дня оно вливается в эфирное тело**.

Когда человек проходит через врата смерти, тогда — чего никогда не случается в земной жизни — эфирное тело отделяется от физического тела, и то, что прежде на продолжении 2-3-4 дней вплеталось в эфирное тело, теперь опять растворяется в эфирном теле, освобожденном от физического тела. Причем, растворение продолжается приблизительно столько же времени, сколько продолжалось включение. Имагинация, которая может судить об этом правильно, показывает, как физическое

тело своей опорой сдерживает вместе то, что постепенно входит в эфирное тело; когда же со смертью физическое тело отпадает, то в первые дни после смерти можно видеть, как все, что было вплетено в эфирное тело, переходит опять во всеобщий космический эфир, опять растворяется. И это переживание растворения всего содержания воспоминания человек имеет опять-таки в течение 2-3-4 дней после своей смерти. Это можно назвать сложением с себя эфирного тела. Но это сложение есть все большее и большее разрастание воспоминаний; они теряют третье измерение, становятся двухмерными, становятся чисто образными. И цельная картина его жизни встает перед человеком, проходя в живых образах, — после того, как он прошел через врата смерти, — приблизительно в течение 2-3-4 дней, индивидуально различно у каждого человека.

Но как тот, кто изучает ботанику, может по семени растения видеть, какое растение из него выйдет, так тот, кто достиг имагинативного познания, видит не только после смерти (человека) этот переход эфирного, то есть всей системы воспоминаний, в Космос, но он видит это, когда оно имеется еще в прообразе. А в прообразе оно всегда имеется у человека. Если мы в состоянии правильно понять то, как приблизительно через 3 дня одно вполне переходит в другое, то в этом включении переживаний в состав эфирного тела мы видим в прообразе подготавливаемым именно то, что через 2-3-4 дня после того, как человек пройдет через врата смерти, будет пережито им внутренне; если в земном бытии человек, когда он не пришел к имагинативному познанию, более или менее бессознательно переживает это включение переживаний в сдерживаемое физическим телом единство воспоминаний, то непосредственно после смерти он переживает развитие, развертывание, переход своих воспоминаний в Космос. Следовательно, то, что мы каждый раз между засыпанием и пробуждением покидаем как богатство наших мыслей, это переходит непосредственно после смерти, соединяясь с Космосом, во всю Вселенную. Это есть то, что со смертью мы можем передать космическому бытию. Эти вещи нужно воспринимать не только умом, но также и сердцем. Ибо этот факт вызывает в нас чувство, что человек стоит в мире так, что он не смеет воспринимать свое бытие эгоистически, но что он стоит в мире как мыслящее существо, причем, эти мысли не суть то, что он может удерживать в себе, а то, что после его смерти должно перейти в общий Космос, стать силами, которые продолжают действовать в Космосе. **Если мы мыслим хорошо, то после смерти передаем в Космос наши добрые мысли. Если мы мыслим дурно, то после смерти мы передаем Космосу наши дурные мысли,** ибо человек живет не только для того, чтобы развиться в свободное существо. Последнее, конечно, необходимо. Но достигнуть этого он может именно на основе того, к чему он еще предназначен. Он предназначен также и для того, чтобы быть существом, над которым работают сами боги, дабы вести Космос вперед от эпохи к эпохе. И я хотел бы сказать: **то, что боги хотят внести в Космос как мысли, они должны подготовить при посредстве того, что может быть помыслено и продумано в отдельной человеческой жизни.** Это

есть место, где боги должны развивать и воспитывать мысли, постоянно необходимые им для развития мира, чтобы вносить их как истинные импульсы сил в свой Космос.

Мы, разумеется, знаем, что когда человек находится в состоянии между засыпанием и пробуждением, то он живет своим “Я” и своей астральной организацией вне физического и эфирного тел. В этом состоянии он, как душевно-духовное существо, как “Я” и астральное тело, вплетен в ткань духовных сил, которые пронизывают весь Космос. Он пребывает в том мире, который — если я хочу употребить это образное выражение — находится за пределами его кожи, в том мире, который от пробуждения до засыпания он воспринимает только в своих чувственных впечатлениях. Следовательно, он вступает во внутреннее существо вещей, которые в бодрствующей жизни открывают ему лишь свою внешнюю сторону. Но только в то, что переживает астральная организация вне физического и эфирного тел, может быть внесено то, что переживает там вовне “Я”. Поэтому в течение всей земной жизни эти переживания, которые “Я” имеет во сне, остаются именно подсознательными для обыкновенного сознания и даже еще для имажинативного сознания они открываются только инспирированному сознанию, как я описал это на днях. Следовательно, мы можем сказать: в отношении того, что человек переживает таким образом, что оно может стать мыслью, он имеет во сне достаточно собранной силы, чтобы отпечатлеть это вниз, в эфирное тело. Но во время своей земной жизни он не имеет достаточно силы в отношении того, что от засыпания до пробуждения его “Я” переживает как желанья, как влечения, которые опираются на земные переживания и которые также протекают именно от засыпания до пробуждения, так что в нашу эпоху, действительно, только претворимая в мысли или отпечатлеваемая в мыслях часть жизни сна переходит в сознательную бодрствующую жизнь земного человека. Напротив, я хотел бы сказать, за завесой бытия остается то, что переживает, собственно “Я” в то время, когда спит.

Здесь перед имажинативным и инспирированным сознанием выступают вещи, которые, хотя, разумеется, и понятны для здорового человеческого ума, если человек будет достаточно беспристрастен, но которые именно в современной цивилизации встречаются с величайшим предубеждением. Уже для того, чтобы понять тот факт, что все, являющееся в физическом мире трехмерным, — а в физическом мире, в сущности, все воспринимается именно трехмерно, — понять, что при запечатлении в эфирное тело это должно **перейти из пластической формы в образную, из трехмерного — в двухмерное** (из скульптурной — в живописную), уже для понимания этого факта требуется беспристрастие. Ибо как только мы переходим к имажинации, так тотчас же перестаем иметь дело с тремя или даже — как предлагает научное заключение — с четырьмя измерениями, а наоборот, имеем дело с двумя измерениями.

Трудность представить себе то, что тогда переживается, проистекает исключительно от привычки в земных восприятиях считаться с тремя измерениями, и поэтому, когда нужно перейти к двум измерениям, то говорят: да, но ведь два измерения находятся внутри трех измерений, два

измерения плоскости могут лежать так или так, и поэтому мы имеем все-таки третье измерение. Однако мы его не имеем, и как только мы входим в имагинативный мир, так третье измерение теряет значение; стоит ли плоскость так или иначе, это безразлично; третье измерение отпадает, как только мы вступаем в эфирный имагинативный мир. Поэтому **для эфира все уравнения должны быть трансформированы таким образом, что они развиваются не в трехмерном, а в двухмерном мире.** Это замечание я вставляю только для математиков.

Но когда затем мы хотим перейти в мир, который доступен для инспирации и в котором наше “Я” пребывает между засыпанием и пробуждением, то этот мир является **одномерным миром.** Тогда мы вообще имеем дело лишь с миром одного измерения. И этот переход к миру одного измерения, восприятие которого предполагает способность инспирации, способность действительно созерцать то духовное, в чем мы живем между засыпанием и пробуждением, понимание этого одномерного мира развивалось во все времена в науке инициации. Я говорил уже вам, что в типе Якоба Беме проявляется не внешняя физическая сила Солнца, а скрытые солнечные силы. И эти скрытые солнечные силы именно таковы, что они не распространяются трехмерно, а воспринимаются лишь в одном измерении. Древняя, более инстинктивная наука инициации могла проникать к этой инспирации без ясного, самостоятельного знания об этом, но она проникала. И многое из того, что сообщается еще в памятниках более древних эпох человечества, может быть понято, только если знать, что это относится к двух- и одномерному миру, который достигим только для инспирации, то есть относится к скрытым для нашей земной жизни солнечным и звездным силам. Но между засыпанием и пробуждением мы живем не во внешних проявлениях сил Солнца, а в сокровенных солнечных силах. Эти скрытые солнечные силы пронизывают, например, некоторые камни также и тогда, когда открытые солнечные силы не проходят сквозь эти камни. Но, пронизывая эти камни, они становятся одномерными. И кто достигает до созерцания в инспирации, тот может видеть тогда сквозь эти всегда **непрозрачные** камни именно не физический свет, а сокровенные силы Солнца; таким образом, камни становятся проницаемыми для сокровенных солнечных сил и проницаемыми также для сил инспирации. В самые древние времена развития человечества не нуждались в таких вспомогательных средствах. Но когда старое инстинктивное ясновидение, которое давало основу для древней науки инициации, стало уже убывать, тогда обратились — я хотел бы сказать — к известного рода аббревиатурам для того, чтобы все-таки видеть то, чего не могли уже видеть с помощью инстинктивного, инспирированного познания. Для этого прибегали к такого рода аббревиатурам. Представьте себе некоторое количество составленных вместе камней — я рисую их сперва взятыми как бы сверху. Теперь я рисую их сбоку. Теперь я кладу сверху камень — профиль этот выглядит так². Когда все это сложено таким образом, что в известных случаях мы

² Рисунок не сохранился. Скорее всего имеются в виду «Долмены» и «Менгиры». Это памятники первобытного культа, которых было особенно много в Англии. Прим. редактора.

имеем солнечные лучи, которые падают на верхний, покрывающий камень, то физические лучи Солнца задерживаются этим камнем, а скрытые солнечные лучи проникают его. Если затем кто-нибудь, кто подготовил себя для этого, станет и посмотрит сбоку, то он увидит духовные, одномерные солнечные лучи, падающие сверху и уходящие в Землю. Таким образом, если в те времена, когда видение этого с помощью инстинктивного ясновидения было уже потеряно, устанавливали такую аббревиатуру, то в небольшом затененном пространстве, которое получалось, если смотреть сбоку, могли воспринимать тот мир духовных солнечных лучей, в котором человек живет каждый раз между засыпанием и пробуждением. Так, в подобных сооружениях, встречающихся именно здесь, в этой местности, можно видеть приспособления, с помощью которых в это переходное время, длившееся, однако, долго, известного рода мудрые руководители человечества пытались проникнуть в сокровенные солнечные силы, то есть именно в то, во что такой человек, как Якоб Беме, проникал инстинктивно, через простое созерцание земных вещей.

Когда в соответствующих местах мы видим теперь эти сложенные из камней сооружения, то понять их истинный смысл можно лишь при помощи того, что может дать духовная наука. Иначе, с внешним объяснением, не схватывающим суть дела, мы пройдем мимо этих вещей.

Без сомнения, эти камни могут быть установлены таким образом, что размещенные по кругу (кромлех — *прим. ред.*), они покажут особую дифференциацию духовных солнечных лучей по отдельным созвездиям.

Я попытался разъяснить, в каком мире живет наше “Я” между засыпанием и пробуждением. Этот мир держится не тем, что заключено в силах физического и эфирного тел. Но от этих физического и эфирного тел, которые порождают ясное сознание в земном человеке, исходят суждения, которые мы образуем в нашем чувстве, а также в воле, в своих поступках, переживаниях и мыслях. Поэтому, когда мы бодрствуем, то мы судим о нашей внешней жизни именно так, как это возможно для нас в силу тех мыслей, какие мы смогли запечатлеть в нашем физическом и нашем эфирном телах. Но о том, что мы переживаем, высказываемся не только мы сами: о том, что мы переживаем и что мы делаем, высказывается весь духовный Космос. **Он судит. Он называет какое-либо действие, мысль, ощущение добрым или злым.** Между пробуждением и засыпанием наше суждение о себе как человеке высказываем именно мы.

То, что говорит о нашем человеческом существе, о наших человеческих поступках Космос, духовное содержание Космоса, в котором моральное — как я уже достаточно показал в настоящих лекциях — содержится, так сказать, подобно законам природы, через это суждение Космоса проходит наше “Я” между засыпанием и пробуждением. И это “Я” — так показывает инспирация — переживает даже во время самого короткого сна то, что человек совершил от последнего пробуждения до засыпания, с чем он пришел к этому сну, в котором он теперь находится, каким бы коротким или долгим ни был этот сон. Таким образом, при смене состояний: бодрствование — сон, бодрствование — сон, человек каждый

раз переживает то, через что он прошел во время последнего бодрствования, — в особенности то, **что сделал он сам**. Это переживание, поскольку оно есть переживание “Я”, остается преимущественно бессознательным для обыкновенного земного сознания. Инспирацией можно поднять его до сознания. И тогда открывается особенность этого переживания. Тогда становится видно, каково это переживание. Это переживание таково, что оно протекает как раз в обратном направлении, чем то, что переживается днем. Следовательно, если днем наши переживания — я исключаю теперь более короткие промежутки сна — идут от утра к вечеру, то ночью, во время сна, вы переживаете все в обратном порядке — от вечера до утра, — именно в обратном порядке. Причем, здесь переживается то, что говорит о наших дневных переживаниях Космос, духовный Космос.

Но у современного человека во время земной жизни и это вообще не может быть вызвано в сознании. И, однако, это должно войти в сознание, иначе своим бытием человек выпал бы из космического бытия.

Инспирированное познание показывает, что после того, как в течение 2-3-4 дней человек созерцает то, что распространяется в Космосе как картина воспоминаний, после этого переживания, длящегося 2-3-4 дня, в течение которых происходит расширение воспоминаний, часто называемых также растворением эфирного тела, — после этого для человека наступает время, когда он не может иначе, чем до сих пор, обозревать протекшую земную жизнь.

Когда мы берем эти 2-3-4 дня после смерти, то они показывают величественную картину жизни человека. Но в этой картине жизни является сначала лишь то, что человек переживал в периоды своего бодрствования. Однако в действительности человек переживал не только то, что он выполнял в периоды своего бодрствования, а также и то, через что он проходил в периоды сна. Когда в обыкновенной жизни, а также и в обыкновенном воспоминании вы обозреваете прошлое, то вы всегда пропускаете промежутки вашего сна. Вы смотрите на свое прошлое так, как если бы вы имели в своих внутренних переживаниях день 25 августа 1923 года, но не имели ночи. И тогда сразу же ко дню 25 августа вы присчитываете не свои переживания, которые именно ускользают от вашего сознания, а день 24 августа, 23 августа и т.д., вплоть до того момента после рождения, когда ваше воспоминание уже прекращается.

Это продолжается 2-3 дня после смерти. Затем наступает период, когда душевно-духовное после смерти становится достаточно сильным, чтобы пережить в духовном мире то, что оно могло подготавливать лишь бессознательно в прообразе каждый раз между засыпанием и пробуждением. Теперь это выступает как переживание. И человек переживает здесь приблизительно треть своей жизни, так как в нормальной земной жизни приблизительно столько времени он проводит во сне; человек проходит через такой период своей посмертной жизни, когда переживает в обратном порядке свои ночи, в течение времени, равного приблизительно трети протекшей земной жизни. Тогда его жизнь переживается еще раз в обратном порядке: сначала последняя ночь, потом предпоследняя, потом — пред-предпоследняя и т.д., до тех пор,

пока он не приходит к моменту рождения или, скажем, зачатия.

С других точек зрения я обрисовал это посмертное прохождение человека в обратном порядке через совсем другой мир в моей «Теософии», где я показал это как прохождение духовно-душевного существа человека через мир душевный, когда после смерти человек пройдет таким образом через мир душевный в течение приблизительно семи лет — если он достиг 20-21 года, в течение 20 лет — если он достиг 60-летнего возраста (именно столько, сколько он проспал из своей жизни на Земле). Тогда ему предстоит пережить то, что получилось благодаря всему его существу из того земного бытия, которое боги создали именно для того, чтобы при помощи человеческого рода подвинуть мир вперед. До окончания образных переживаний ночей человек познает после смерти то, чем он сам стал и **что он означает для Космоса**. Теперь человек должен пережить то, что **его жизнь дала самой Земле**. Это требует много времени — мы еще будем говорить об этом более подробно, — это занимает половину времени между земной смертью и новой земной жизнью.

Когда мы переживаем в обратном порядке ночи, то приходим сначала к рождению. Когда мы достигаем этого, когда пройдем через мир душ и вернемся в обратном порядке к рождению (после смерти мы идем назад во времени), тогда мы должны совершить дальнейший путь к нашей предыдущей земной жизни. После этого мы можем уже взять свою предыдущую земную жизнь для образования следующей, третьей земной жизни. Следовательно, проходя после смерти в обратном порядке свои переживания, человек должен вернуться не только к своему рождению, но к своей предыдущей земной жизни.

Здесь мы вступаем в область древней науки инициации (которая теперь должна быть обновлена соответствующими современными способностями человека), где познание переходило в религиозное переживание человека; ибо наука инициации всегда есть истинное познание, но такое, которое из чувственного мира переводит в духовный и способно побуждать волю человека таким образом, что эта воля складывается именно религиозно. И в науке инициации всех времен считался особенно важным для человека тот факт — это открывается охарактеризованному на днях интуитивному познанию, — что, проходя после смерти в обратном порядке свою жизнь и достигая своего предыдущего земного воплощения, он встречает на этом пути существо, которое может стать для него руководящим после смерти. В известной области Земли люди говорили себе: я должен воспринять в земной жизни учение последнего Бодисаттвы, который появлялся на Земле. Возможно, что человек жил, скажем, через 300 лет после явления Бодисаттвы. Но когда на своем обратном странствии после смерти он доходил до своей предыдущей земной жизни, то именно благодаря тому, что это странствие длится более долгое время, он вступал в ту эпоху, когда последний Бодисаттва был еще на Земле. И встрече с последним Бодисаттвой приписывали в древней науке инициации возможность для человека установить связь со своей прошлой земной жизнью, то есть найти ту силу для вечной жизни, которую можно найти, только если установить эту связь с предыдущей

земной жизнью (то есть жизнь индивидуальности, проходящей через отдельные личные воплощения). Итак, в первые тысячелетия земного развития до мистерии Голгофы эту связь могли устанавливать, встречая на обратном странствии последнего Бодисаттву. Теперь эта связь возможна для людей, только если они проходят свое обратное странствие под водительством Того Существа, Которое через Мистерию Голгофы соединилось с Землей. Это значит, другими словами: наступит такое отношение человека к Мистерии Голгофы, что Христос может стать вождем для людей. Ибо Христос объединяет в Себе все силы водительства, которые действовали в жизни между смертью и новым рождением, благодаря появившимся на Земле Бодисаттвам. Таким образом, явление Мистерии Голгофы именно для переживаний между смертью и новым рождением было одним из важнейших событий во всей эволюции Земли. Поэтому, если мы хотим познать духовную эволюцию Земли и место этой духовной эволюции Земли в духовной эволюции Космоса и если, с другой стороны, мы хотим понять то, что в связи с этой духовной эволюцией Земли и Космоса человек проходит между смертью и новым рождением в своей духовной жизни после смерти, то мы должны поставить Мистерию Голгофы в центре мирового развития. И для современного человека должен быть найден переход от рассмотрения эволюции человека к рассмотрению эволюции мира, так, чтобы Мистерия Голгофы была воспринята во всем ее глубочайшем значении для событий эволюции Земли и эволюции человечества внутри земного бытия.

Лекция девятая

27 августа 1923 г., Пенменмаур

Переживания между смертью и новым рождением

Вчера я начал с того, что дал сперва краткий очерк переживаний сна у человека, поскольку они являются, так сказать, предвестием переживаний после смерти. Эти переживания, через которые человек проходит во сне, лежат, без сомнения, по ту сторону так называемого порога, о котором мы уже неоднократно упоминали в эти дни. И то, что я предполагаю сейчас обрисовать, суть подлинные переживания каждого человека с той разницей, что во время земной жизни эти переживания не вступают в обычное сознание и открываются только в имажинации, инспирации и интуиции. Но мы ни в каком случае не смеем думать, что этих переживаний не существует, если они не входят в сознание. Они существуют. Человек проходит через них. И если я могу употребить такое сравнение, то это подобно тому, как если бы человека с завязанными глазами водили по комнате. Он не видит предметов, но он должен идти, должен делать усилие для того, чтобы двигаться; он может пережить в этой комнате многое, чего он только не видит. Так и переживания между

засыпанием и пробуждением, которые мне предстоит теперь обрисовать, погружены, так сказать, во мрак для сознания, потому что сознание слепо для них. Но **последствия** пережитого во сне, во всяком случае, проявляются в бодрствующей жизни. И поэтому мы только тогда правильно поймем то, через что человек проходит от пробуждения до засыпания, когда мы рассматриваем это как взаимодействие того, что возникает в результате последнего сна, и того, что совершается днем при посредстве физического тела и эфирного тела. Когда человек засыпает, то его охватывает прежде всего род неопределенного **страха**. В обыкновенной земной жизни этот страх не поднимается до сознания, не становится представлением, но он имеется как процесс в человеческом астральном теле и в человеческом "Я"; и человек, во всяком случае, приносит с собой в дневное состояние последствия своего страха, пережитого во время сна. Если бы он не приносил с собой этого страха, если бы этот страх не действовал как **сила** во время бодрствующей жизни в физическом и эфирном телах, то человек не мог бы владеть своей физической конституцией, владеть ею так, чтобы она выделяла, например, правильным образом соли и тому подобные вещества.

Выделение, которое **необходимо** для организма, есть именно действие подсознательного страха, пережитого во сне. Итак, когда мы засыпаем, то вступаем прежде всего, я хотел бы сказать, в сферу боязни. Тогда наступает такое состояние души, которое подобно качанию туда и сюда, от внутренне успокоенного к внутренне беспокойному состоянию, такого рода качание, что если бы человек переживал это состояние сознательно, то он ежеминутно мог бы подумать, что впадает в некоторого рода обморок и опять пробуждается от этого обморока. Следовательно, качание между состоянием стойкости и обморочного бессилия есть то, что порождается страхом. И третье есть чувство стояния над бездной, с почвой, которая уходит из-под ног и с возможностью каждый миг оборваться. Вы видите, что уже здесь, в этот момент, когда человек засыпает, переживания начинают высвобождаться из физического и переходят в моральное во Вселенной. Ибо уже второе состояние, в которое мы погружаемся после засыпания, позволяет судить о себе, собственно, только если мы можем признать моральные, космические законы наравне с действующими на Земле природными законами и если с той же уверенностью, с какой мы говорим себе, что камень падает на землю или что паровая машина движется паром, если мы с такой же реальностью чувствуем, что человек в своей теперешней земной жизни — именно потому, что он имеет здесь определенную степень силы — охраняется благим мировым водительством от того, чтобы с полным сознанием пережить то, через что бессознательно он проходит, в сущности, каждую ночь.

И самый Космос устроен именно так, что в основе даже самых прекрасных, сияющих высшим блеском вещей необходимо лежит боль, страдание, лишение; так сказать, **на заднем плане всего, что является на переднем плане прекрасным, стоит всегда боль, лишение**. Это также необходимо во Вселенной, как необходимо сумма углов в треугольнике равняется 180 градусам. И, в сущности, только

наивный человек может при этом спросить: почему боги не создали мир только на радость людям? Бытие создает именно необходимости. Это чувствовали, например, уже в учении египетских мистерий, которое называло миром **трех железных потребностей** сознательное восприятие того, что переживается во сне как **страх, качание туда и сюда между стойкостью и обморочностью, стояние над бездной**. Учение египетских мистерий, которое знало это переживание из древнего инстинктивного ясновидения, говорило поэтому: когда человек сознательно входит в тот мир, в который бессознательно он вступает каждую ночь во сне, то он должен войти в область трех железных потребностей. И то, что человек тогда переживает, порождает в нем, опять-таки бессознательно, глубокую тоску, стремление к божественному, которое он воспринимает заполняющим, проникающим, пронизывающим весь Космос, причем этот Космос человек переживает теперь, можно сказать, растворенным в парящих, реющих, подвижных облачных образованиях, в которых можно каждое мгновение почувствовать себя живым, но в которых каждое мгновение можно также погибнуть. Человек чувствует здесь свою сплетенность с божественным, которое творит, волнуется, движется в мире. И то пантеистическое чувство Бога, которое у каждого здорового человека появляется в бодрствующей земной жизни, есть только последствие, консеквенция того, что бессознательно переживается во сне как это пантеистическое чувство Бога. И тогда человек действительно чувствует, что его душа наполняется рожденной из страха и обморока внутренней, но именно бессознательной уверенностью и одновременно тем, что вместо внешнего центра тяжести физических воздействий дает ему внутренний центр тяжести.

В розенкрейцерском тайноведении нашло себе выражение то, что происходит с человеком, когда он погружается в область трех железных потребностей. Ученикам указывалось на то, что, собственно, они переживают непосредственно после засыпания. До их сознания доводилось: здесь ваши дневные переживания погружаются в подвижные, парящие, но сущностью действенные облачные образования. **Вы сами** вплетены в ткань этих облачных образований в страхе и в возможности обморока, вы стоите в них над бездной. Но вы нашли то, что вы должны теперь довести до своего сознания в трех словах, которые должны пронизать насквозь всю вашу душу: **Ex Deo Nascimur — Из Бога рождаемся**. Это в обыкновенном сознании неопределенное, а у учеников новых мистерий поднятое в сознание «Ex Deo Nascimur» есть то, что человек переживает прежде всего, когда из бодрствующего состояния переходит в состояние сна.

Мы увидим далее в этих лекциях, что это «Ex Deo Nascimur» играет также и историческую роль в развитии человека. Но то, что я описываю здесь, имеет индивидуальное значение — играет роль в жизни каждого отдельного человека в этом земном бытии.

Когда человек продолжает спать далее, то происходит следующее: обычный вид Космоса, который открывается ему отсюда, с Земли, теперь исчезает; если, находясь на Земле, человек имеет вид над собой

блестящие, сияющие ему звезды, имеет Луну, имеет Солнце, воздействия которых падают на его чувства, то в определенный момент сна он видит, что весь этот звездный мир как бы исчез. Звезды не являются уже физическими существами. И где для чувственного созерцания были физические существа звезд, там выступают как бы из звездного сияния — само звездное сияние исчезает, — выступают звездные гении, звездные духи, звездные боги. И Космос становится тем, что воспринимаемо в созидательной инспирации, становится говорящей Вселенной — Вселенной, которая возвещает себя в музыке сфер и в мировом слове. Космос составляют теперь духовно-живые существа вместо того чувственного Космоса, который можно видеть с точки зрения Земли. И если бы человек мог довести до своего сознания, то он почувствовал бы, что со всех сторон Вселенной мир как бы высказывает о нем как о человеческом существе суждение на основании его добрых, его злых поступков. Тогда человек чувствует себя также и в своей человеческой ценности включенным в единство Космоса. Но то, что его теперь охватывает (если он мог пережить это сознательно, как переживает это инспирация, то он понял бы, что происходит), приводит его прежде всего в смятение. Ему нужен руководитель. В настоящую эпоху развития человечества этот руководитель появится, если в своей земной жизни человек создал в своей душе, в своем сердце связь с Мистерией Голгофы, — если в своей земной жизни он приобрел отношение ко Христу, Который как Иисус прошел через Мистерию Голгофы.

И чувство, которое в настоящую эпоху непосредственно охватывает здесь человека (какие чувства охватывали человека в другие эпохи, об этом я буду говорить еще завтра), — чувство, которое охватывает тогда человека современной эпохи, таково, что его приведенная в смятение душа должна была бы распасться (погибнуть) на части в той сфере, в какую он теперь вступает, если бы то Существо, которое он живо воспринял в свои мысли, в свои сердечные импульсы, если бы Существо Христа не стало руководителем его в этой области. И здесь также чувство Христа, Который приближается и становится руководителем человека, Христа, Которого в этой области нужно представлять себе связанным с жизнью Солнца, как сам человек связан с жизнью Земли, — это чувство переживается так, как это ставила в бодрствующем сознании перед душой своих учеников средневековая школа — школа средневековых мистерий в словах: ***In Christo Morimur — Во Христе умираем.*** Ибо это есть чувство, что душа должна была бы погибнуть, если бы она не умерла во Христе и если бы благодаря этому душевная смерть не стала для нее космической жизнью. Так развивается жизнь сна, и человек идет через нее. И когда он воспринимает космические светила как некие сущности, когда он пребывает в этом необычном для него состоянии, в нем возникает тоска — ибо он не может сознательно проснуться в этой области, — в нем ***возникает страстное желание снова вернуться в сферу сознания.*** Это и есть причина пробуждения. Это есть сила, которая заставляет нас проснуться. И человек имеет тогда ощущение, которое опять-таки не доходит в нем до сознания; ощущение это возникает благодаря тому, что он «воспринял» в себя от звездных

существ, от звездных богов: он пробуждается не бездуховным, но приносит с собой в дневную жизнь духа, который обитает в душе.

Это чувство, которое представляет собой третий член ночных узнаваний в личном переживании человека, также доводилось до сознания учеников в средневековой школе мистерий в третьем изречении: ***Per Spiritum Sanctum Reviviscimus — В Духе Святом воскреснем.*** Таким образом, это трехчленное переживание духовного мира по ту сторону Стража Порога, который остается неведомым именно только для современного человека, следует ощущать как три шага, напечатлевающие вместе с тем в человеческой душе то, что можно в истинном смысле назвать ***Святой Троицей***, которая наполняет, питает и оживляет душевную жизнь. То, что я вам сейчас обрисовал, человек переживает в образе каждую ночь. И в этот образ вплетаются в обратном порядке воспоминания, через которые он проходил в течение дня. Как во время бодрствования здесь, на Земле, мы находим наши переживания вплетенными в события процессов природы, так во время этого обратного переживания ночью то, что мы тогда повторяем в обратном порядке, мы находим вплетенным в воспоминания звездного мира. Но все это есть сперва только образ. Это может реализоваться только после того, как человек пройдет через врата смерти.

Переживаемое здесь, на Земле, в обратном порядке — это есть образ. Это станет реальностью, когда через 3-4 дня после смерти мы закончим тот обратный обзор, о котором я вчера говорил, и тогда в действительности, а не только образно, как это происходит каждую ночь, вступим в духовный мир.

Если мы хотим с пониманием приблизить к своей душе события, которые человек переживает сознательно после того, как пройдет через врата смерти, то мы должны принять во внимание следующее: боги, то есть духовные существа, которых мы встречаем вместо изменившихся, метоморфизированных звезд, живут совсем в другом космическом направлении, чем мы, земные люди, во время нашего земного существования. Этим я высказал весьма значительную истину относительно духовного мира — истину, которая не принимается во внимание также и там, где более теоретично и менее наглядно говорится о духовных мирах. Мы, люди, несем на себе в нашем земном бытии физическое и эфирное тела. Эти физическое и эфирное тела построены так, что мы живем, переходя от более раннего к более позднему, то есть мы находимся в определенном ***потоке времени***. И особенность нашего физического и эфирного тел состоит именно в том, что они имеют это направление в Космосе. Все наше переживание в мире, поскольку мы являемся человеческими существами, протекает именно в этом направлении (*показано стрелкой, идущей слева направо, на схеме, которую Р.Ш. нарисовал на доске. Схемы нет.*).

Те существа, которых мы встречаем, когда поднимаемся к бытию между смертью и новым рождением, где мы реализуем то, что во время сна переживаем образно, — эти существа движутся в противоположном направлении. Они всегда идут нам навстречу. Так что, по сравнению с тем, что в земной жизни мы называем временем, мы должны сказать: боги

несут на себе духовные тела, если хотите — световые тела, в которых они **движутся именно из далекого будущего в сторону прошлого**. Следовательно, боги движутся в **этом** направлении (*стрелка справа налево*). И когда мы вступаем в период, проводимый нами между смертью и новым рождением, то мы принимаем на себя — между смертью и новым рождением — божественные тела, подобно тому, как здесь, на Земле, из физической субстанции мы принимаем на себя физическое тело. Мы одеваемся тогда в божественное тело того, что я назвал в своей «Теософии» **Духочеловеком** и **Жизнедухом**. Таким образом, проходя через врата смерти, мы одеваемся в Жизнедуха и Духочеловека, но благодаря этому получаем обратное направление во Вселенной и после смерти переживаем свою жизнь прежде всего в обратном порядке, возвращаясь к рождению или, скажем, к зачатию. Следовательно, в жизни здесь, на Земле, мы идем от рождения или зачатия (то, что протекает прямо, я рисую теперь для наглядности в виде круга), **в течение** всей нашей земной жизни, **в этом** направлении (верхняя половина круга), а **после** земного бытия мы идем **в этом** направлении назад (нижняя половина круга), до места нашего земного рождения или зачатия. Подобно тому, как отправляясь со своей родины в какое-нибудь место и возвращаясь обратно, мы описываем в пространстве как бы некий круг, так описываем мы во времени, ибо в этом мире, куда мы вступили, нет уже больше пространства, а есть только время, — мы описываем путь вперед и назад, то есть между рождением и смертью мы идем вперед, а потом, когда мы прошли это между рождением и смертью, то проходим прежде всего в обратном порядке как духовную реальность ночные переживания на Земле, пока не вернемся опять к исходному месту.

Таким образом, мы завершаем первый из тех кругов, какие мы должны пройти после смерти. Но об этих кругах жизни, **целостной** жизни, мало известно теперь, в материалистическую, мыслящую эпоху, и мы должны действительно отойти несколько в прошлое развитие человечества на Земле, если хотим найти слова, которые соответствуют этим истинным состояниям человеческой жизни.

Если мы вернемся к восточной мудрости прошлого, которая знала эти вещи не из того сознательного созерцания, какое снова возможно для нас теперь, а из более грезящего ясновидения, то мы встретим там одно удивительное выражение. И мы убеждаемся, что это удивительное выражение исходит из того прозрения, которое мы можем снова приобрести теперь, когда мы действительно сознательно переступаем порог — сознательно проходим мимо Стража Порога и входим в духовный мир.

Когда духовный мир описывают, исходя из каких-либо легко конструируемых рассудком теорий, то его описывают подобным тому, как материалистическое представление приблизительно мыслит себе Вселенную; берут жизнь человека: он начинает с рождения, потом становится ребенком, становится юношей или девушкой, стареет, доходит до смерти, потом это идет дальше, дальше, дальше и, таким образом, продолжают линию, до конца которой, конечно, не доходят — разумеется, нет (Вселенная бесконечна). Ибо каждый, кто постиг инициацию, знает,

что не имеет смысла говорить об этом конце, **никакого пути до конца не существует. Существуют возвращающиеся к самим себе пути.** И удивительно, выражение древней восточной инициации называло этот факт: **«колесо рождений»**. Об этом «колесе рождений», правда, многое говорилось, но реального до сих пор было сказано мало. В действительности мы заканчиваем первое колесо рождений, когда достигаем до конца своего странствия, которое длится в течение времени, равного трети всей земной жизни, то есть приблизительно столько, сколько времени мы отдаем в жизни сну, и затем в жизни между смертью и новым рождением мы можем ожидать кругов дальнейших колес рождений. Это открывается, когда через пробуждение, какое приносит человеческому сознанию имагинация, инспирация, интуиция, мы проникаем в те миры, которые лежат за покровом чувственного мира и которыми некогда в древнюю эпоху исторического мирового развития люди обладали как наследием того прошлого, где они имели уже описанное вам мною общение с божественно-духовными существами; только когда из некоторого прозрения в духовные миры мы возвращаемся к тому, что знали о духовных мирах люди в древние времена, только тогда мы получаем возможность понимать то, что дошло до нас из древней мудрости. Тогда охватывает беспредельное удивление перед древнейшей мудростью человечества. И тот, кто в настоящее время воспринимает в себя инициацию, не может иначе, как с благоговением, взирать на древнейшие времена земного бытия человека.

Таким образом, вы видите, что в истинный смысл этих древних прозрений можно проникнуть, только если найти его снова с помощью современной духовной науки. Поэтому те, что хотят устранить современную духовную науку, никогда не смогут понять того языка, на каком говорили те, что владели древней мудростью человечества; поэтому, в сущности, они совсем не могут изображать исторически. И как наивно эти люди, ничего не знающие о духовном мире, часто толкуют, интерпретируют древнейшие свидетельства народов прошлого. В этих произведениях, которые, возможно, содержат уже затемненную мудрость прошлого, звучат такие странные слова, как «колесо рождений». Их необходимо понять, отыскав сперва снова то, на что они указывают как на некую действительность. Поэтому, если мы хотим действительно передать историю человечества на Земле, мы не должны со страхом отказываться от предварительного ознакомления с тем значением, какое эти слова имели в древности. Я, конечно, мог бы прекрасно начать с описания исторического развития человечества и употреблять при этом выражения, которые имеются в древних источниках, но тогда мы имели бы только слова — ничего, кроме слов, которые в таком изобилии раздаются теперь, когда речь идет о свидетельствах древности. Поэтому, чтобы, согласно с действительностью, показать хотя бы тот отрезок мира, который человек пережил в свой исторический период, необходимо сначала обрисовать отношение человека к духовным мирам, так как только тогда мы получаем возможность ознакомиться с этим языком и со всем тем, что делалось в древние времена для того, чтобы поддержать связь с духовными мирами.

Вчера я показал вам, что делали жрецы друидов, когда прибегали к

особой установке и покрытию камней, чтобы из тени, которая получалась внутри такого сооружения, познавать проникающую сквозь камни, проникающую из духовного мира в физический волю духовного мира.

Но с этим было связано еще нечто другое. В духовном мире все движется не только вперед, но все движется также и обратно. И подобно тому, как есть силы времени, которые несут нас вперед через физическое земное бытие, а после смерти несущие нас снова назад, так и в этих сооружениях есть силы, которые идут сверху вниз, и такие, которые идут снизу вверх.

Так что в этих сооружениях жрецы друидов наблюдали нисходящий и восходящий потоки. И если они устанавливали эти сооружения в надлежащих местах, то могли познавать в них не только нисходящую из Космоса волю божественных духов, но и — в силу господствующей здесь одномерности — они могли, поскольку сооружение стояло на правильном месте, познавать в восходящем потоке говорившие вовне, во Вселенную, добрые или злые свойства принадлежащих к их общинам людей. Так эти камни были в то же время обсерваторией для жрецов друидов, где они могли обозревать внутреннее состояние душ, которые стояли в коммуникации с Космосом, душ, которые принадлежали к указанным общинам. Все эти тайны, все эти мистерии были связаны с тем, что в таком упадочном виде осталось от древних времен. Это станет понятным только, когда силой собственной имажинации, инспирации и интуиции духовный мир из его сокровенного бытия будет поднят в сознание человека. Эти круговые движения (в том виде, как я их нарисовал, конечно, должны пониматься фигурально, так как движение происходит ведь в сфере одного измерения) человек совершает на своем жизненном пути между смертью и новым рождением. И подобно этому кругообороту, идущему вперед — от рождения до смерти, и назад — от смерти к рождению, протекают туда и назад кругообороты в течение всей жизни между смертью и новым рождением, но таким образом, что всегда существует различие между **движением вперед и движением назад**. Здесь, в первом колесе рождения, разница состоит именно в том, что идущую вперед часть мы переживаем от рождения до физической смерти, а другую, идущую обратно, часть мы переживаем в тот период, который примыкает непосредственно к физической смерти и продолжается, если измерять его земным временем, треть протекшей земной жизни. После чего первое колесо рождения будет закончено. Затем к нему присоединяются **другие**, и мы проходим эти циклы, эти колеса, до тех пор, пока не доходим до вполне определенного места, откуда можно начать обратный путь, обратное странствие к Земле, в том роде, как я опишу это ниже; мы совершаем эти колеса, пока не достигаем той точки всего нашего переживания, которая отмечает последнюю смерть, пережитую нами в нашей предыдущей земной инкарнации.

Следовательно, мы переживаем в этих кругооборотах в первое время после смерти, обозревая в обратном порядке и живя в обратном порядке, то, что мы испытали между последней смертью и тем рождением, которое мы пережили последним по отношению к тому земному бытию, из которого мы только что вышли со смертью.

И каждый такой кругооборот соответствует в своем движении вперед, я хотел бы сказать, космической жизни сна. Следовательно, если бы я стал рисовать дальше эти круги, как они отсюда протекают дальше, то движение вперед соответствовало бы всегда жизни после смерти, когда человек всем своим существом растворяется более в Космосе, когда он имеет такое сознание, что он живет, собственно, в космическом мире, что он слился в одно с космическим миром. Движение назад соответствует всегда тому обстоятельству, что человек из космического мира возвращается как бы в себя, и то, что сначала пережил в Космосе, он перерабатывает теперь в себе, переживает связанным со своим "Я". Как для того, чтобы иметь здоровую жизнь здесь, в земном бытии, мы должны переживать смену сна и бодрствования, так в период между смертью и новым рождением мы должны все снова переживать это изливание в Космос, где мы чувствуем себя такими же всеобъемлющими, такими же огромными, как Космос, где образования и события Космоса мы ощущаем как свои собственные образования и события, где мы настолько идентифицируем себя со Вселенной, что говорим себе: в том, на что ты смотрел своими физическими глазами, когда ты был еще обитателем Земли, что выступало тебе навстречу в своем физическом отблеске как Космос чувственных звезд, — в этом теперь ты живешь. Но это уже не суть физические звезды, это божественные духовные сущности, которые свое бытие связывают с твоим бытием. В тебе живут божественные духовные существа Космоса. Ты идентифицировал себя с ними. Такова, в известном отношении, одна часть переживаний между смертью и новым рождением — неважно, назовете ли вы это космической ночью или космическим днем, ибо употребляемые нами земные выражения, разумеется, в высшей степени безразличны для богов, которые живут в духовном мире. Нашими земными выражениями мы должны только обрисовать себе то, что мы переживаем там, в духовном мире. Но мы должны избирать соответствующие выражения. Далее за тем периодом, когда мы вырастаем как бы до размеров Вселенной, идентифицируем себя со Вселенной, следуют другие периоды, когда мы отходим в себя, сжимаемся как бы в одну точку — в точку нашего "Я", когда мы как бы в космическом воспоминании ощущаем теперь в себе соединенным с нами как наше "Я" все то, что мы переживаем излитым в целый Космос. Мы чувствуем это колесо рождения как постоянное вращение спирали, переживаемое нами, мы ощущаем как переживаемое нами совместно с Космосом, мы ощущаем как переживаемое там, вовне, а затем мы уходим в себя и переживаем в себе меньшую, третью часть, потом это направляется опять вовне, потом следует новое сжатие спирали. Так что это колесо рождений может быть изображено именно как спиральное движение, которое раскручивается и потом опять скручивается в себя. Таково развитие между смертью и новым рождением, протекающее в переживании себя и в отказе от себя. Как мы обрисовали бы земные переживания в течение каждых 24 часов, если бы сказали: люди спят и бодрствуют, — так обрисовали мы теперь то, что переживается в духовном мире при прохождении человека от смерти к новому рождению.

Этот отказ от себя, это возвращение в себя в духовном мире — это

подобно сну и бодрствованию человека в земном бытии. И как в земное бытие человека входят затем различные переживаемые им события, так в это прохождение колес рождений и смертей вступают те духовные события, которые человек переживает между смертью и новым рождением. Чтобы понять эти события, необходимо составить себе трезвое представление об истинном положении человека в земном бытии.

Дело в том, что человек бодрствует, собственно, только в мире своих представлений и в той части мира своего чувства, которая примыкает к представлению. Что происходит, когда человек намеревается сделать то или другое, даже хотя бы только взять в руку кусок мела, как это намерение появляется в представлении, устремляется затем в глубину воли, как воля охватывает мышцы, пока не увидим — это тоже есть представление, что рука взяла мел, то есть все то, что включается в земную жизнь как проявление воли, проявление желаний, — все это остается для земной жизни, даже когда оно происходит днем, окутанным такой же тьмой, как жизнь сна у человека. Только в области представлений и в некоторой части нашего чувства мы бодрствуем в обычном сознании.

В отношении другой части чувства, примыкающей к воле, где мы одобряем или не одобряем то, что мы хотим сделать, и в отношении воли — мы *спим*. Но мыслей мы не берем с собой в сон. И как мы не берем с собой в сон мыслей, которые мы развиваем здесь, на Земле, так мы не берем этих мыслей в жизнь между смертью и новым рождением. Там мы должны развить себе уже другие мысли, свойственные иному миру.

Но мы берем с собой именно то, что на Земле остается в подсознании, — волю и ту часть чувств, которая примыкает к воле. Именно с тем, чего мы не сознаем здесь, в земной жизни, что живет в наших влечениях, в наших страстях, во всей нашей чувственной волевой природе, — со всем этим мы проходим через период между смертью и новым рождением и образуем себе там сознательно космические мысли о том, что здесь мы переживаем бессознательно. Так, например, чтобы понять тот период, который мы переживаем в непосредственной близости к вратам смерти, мы должны уяснить себе, что уже здесь, на Земле, по отношению к физическому телу мы многое переживаем душевно и что это принимает совсем другой вид, как только мы пройдем через врата смерти и не имеем уже физического тела. Ваше физическое тело, то есть вещества, которые устанавливает химия, не испытывают жажды и голода. Внутреннее ощущение жажды и голода есть **душевное переживание**. Но исполнение хотений жажды и голода здесь, в земной жизни, осуществляется через посредство физического тела. Голод живет в душе; удовлетворение голода здесь, в земном бытии, происходит через посредство тела; жажда живет в душе, удовлетворение жажды здесь, на Земле, происходит через посредство тела. Когда вы проходите через врата смерти, то вы не имеете уже физического тела, но вы имеете еще голод и жажду. Обычный голод и обычную жажду вы приносите через врата смерти. И вы должны это время, которое составляет именно треть земной жизни, — время обратного переживания **ночной** жизни — употребить на то, чтобы некоторым образом отучить себя от того, чтобы иметь голод, жажду и

другие желания, исполнимые только при посредстве тела.

В этом состоит внутреннее переживание этого периода после смерти, составляющее треть земной жизни: душа освобождается от тех желаний, которые должны жить в ней, но удовлетворены могут быть только при посредстве тела. Что происходит дальше — это мы увидим позднее.

Итак, я обрисовал вам часть того, что человек переживает прежде всего после прохождения через врата смерти; завтра мы продолжим рассмотрение этой жизни между смертью и новым рождением и ее связи с общим развитием человечества на Земле.

Но мы должны сознавать, какие события вступают в эту земную жизнь. Некогда человечество в своего рода инстинктивном созерцании владело тем, что теперь может быть снова исследовано при помощи имагинации, инспирации, интуиции. Ночь не была тогда так закрыта для людей. День же протекал как бы во сне и в образах сонных грез давал больше от духовного мира.

Мы живем именно в такую эпоху — на это я хотел бы указать уже сегодня (этот ход мыслей ясно выступит перед нашей душой в ближайшие дни), — когда человечество подвергается наибольшей опасности потерять вообще всякую связь с духовным миром. И именно здесь, вблизи памятников древней европейской культуры друидов, мы имеем то место, где можно отметить известные симптомы, которые дурны не сами по себе, а в силу того, что разыгрывается в человечестве не только физически, но что происходит духовно как бы за кулисами бытия.

Вглядитесь еще в средневекового человека со всеми его теньевыми сторонами — с тем, что называют теперь мрачным средневековьем; сравните его с современным человечеством. Сегодня я хотел бы отметить только два симптома, которые могут обратить наше внимание на то, как надлежит рассматривать мир с духовной точки зрения. Возьмите средневековую книгу. Каждая отдельная буква в ней как бы вырисована. Видно, как глаз покоится на этих буквах. Весь душевный строй человека, покоившийся таким образом на написанной букве, был еще более способен воспринять то, что могло сойти в душу как откровение духовного мира.

И посмотрите на современную скоропись — этого просто нельзя прочесть. Это не буквы, которые ощущаешь как то, что дает художественную радость живописца: как что-то возникшее из механического движения руки — так выглядит то, что видишь теперь набросанным на бумаге (*дается рисунок*). К этому присоединяется еще то, что мы начинаем писать, совсем человечески не участвуя в этом, а приводя в движение пишущие машины, где нет уже никакого живого отношения к происходящему.

Пишущие машины и авто можно теперь видеть; что происходит за кулисами бытия, когда человек все больше и больше изгоняется из духовного мира? Но не подумайте, что я хочу выступить как типичный реакционер и проповедовать изгнание авто, пишущих машин и даже этих ужасных письменных знаков! Кто понимает ход мирового развития, тот знает, что **все это необходимо**, что это имеет свои основания. Следовательно, не в отрицании смысл того, что я говорю, а в

предупреждении. Эти вещи должны наступить, их необходимо принять, как мы должны принимать день и ночь, но **нельзя отдаваться им односторонне.** И тому, что таким образом проявляется в мире, что так ужасно кричит в неразборчивых письменных знаках и в пишущих машинах, что с таким поистине отвратительным шумом проносится в мире в виде авто, — именно всему этому для здорового развития человечества **должно быть противопоставлено сильное проникновение в духовное чувство, в духовную волю.** Дело вовсе не в том, чтобы как-либо оспаривать материальное, а в том, чтобы познать, охватить его именно в его действительности, в его необходимости, но в то же время понять, насколько необходимо тому, что иначе разрушает человечество в физическом бытии, **противопоставить крепкую силу духовности.** Тогда в качании маятника между авто, пишущими машинами и достигнутыми в духовно-научной работе имагинациями, прозрениями в духовный мир может быть благоприятно подвинуто вперед здоровое развитие человечества, между тем как иначе ему может быть нанесен только ущерб. Об этом можно сказать в особенности, здесь, в Пенменмауре, где, с одной стороны, мы ощущаем как наследие древней эпохи друидов тот факт, что имагинации — я отмечал уже это — как бы останавливаются, а с другой стороны, также видим, с какой грубой силой, именно благодаря шумно пересекающим атмосферу авто, эти остановившиеся имагинации разрушаются в самом своем основании.

Лекция десятая

28 августа 1923 г., Пенменмаур

ДУХОВНОЕ И КОСМИЧЕСКОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА ПОСЛЕ СМЕРТИ

Если мы хотим поставить перед своей душой особенность переживания между смертью и новым рождением, то мы должны прежде всего принять во внимание глубокое различие, которое существует между переживанием в этой земной жизни и тем бытием, через которое человек проходит между смертью и новым рождением. Здесь, в земной жизни, мы выполняем то, что мы производим, можно сказать, таким образом, что оно отделяется от нас, перестает нам принадлежать после того, как мы это сделали. Например, мы производим здесь, в земной жизни, всевозможные вещи. Эти вещи отделяются от нас. Большинство людей отделяют от себя эти вещи, даже во внешней, социальной жизни: они продают их. Следовательно, то, что человек производит в земной жизни, что изливается из его воли, это переходит в земную жизнь таким образом, что человек сравнительно — я подчеркиваю это — сравнительно мало чувствует себя связанным с этим. И те мысли, исходя из которых человек осуществляет свою созидательную деятельность в земной жизни, возвращаются назад, во внутреннее существо человека. Они остаются там

или только пассивными мыслями, или становятся воспоминаниями, привычками, мастерством. В бытии между смертью и новым рождением происходит другое. В этом бытии все, что человек там выполняет, возвращается, в известном смысле, обратно к нему. И мы должны обдумать следующее: здесь, на Земле, мы проявляем свои волевые импульсы над тем, что имеется в царствах природы: над минеральным, над растительным, над животным царствами. Мы их обрабатываем. Мы их приводим в движение; или, разумеется, мы приводим в движение также других людей, поскольку они суть земные люди. Но в духовном мире между смертью и новым рождением мы находимся уже среди чисто духовных существ, отчасти среди существ, которые имеют свое бытие всецело в духовном мире, среди существ, которых можно назвать божественными духовными существами, которые никогда не воплощаются в земных веществах. К этим существам принадлежат высшие существа Иерархий, существа Ангелов, Властей, существа Серафимов и Херувимов. Можно было бы взять и другие названия, но и здесь также не нужно держаться за терминологию, это суть издавна почитаемые наименования, и мы можем опять применить их к тому, что мы заново открываем в духовной области.

Итак, между смертью и новым рождением человек живет отчасти среди этих существ, отчасти — среди развоплощенных, обладающих духовными телами человеческих душ, то есть среди тех, с которыми он жил здесь, в земном бытии, или тех, которые ожидают своего земного бытия, следовательно, вскоре опять сойдут на Землю. Но эта совместная жизнь, разумеется, зависит от того, насколько мы кармически связаны с этими душами, насколько мы установили с ними связь здесь, в земном бытии. Ибо те, которые были нам менее близки в земной жизни, имеют к нам меньшее отношение также и в духовном мире и т.д. Об этом будет еще говориться.

Далее, человек находится в связи с такими существами, которые никогда не воплощаются в земном бытии так непосредственно, как сам человек, благодаря тому, что они стоят ниже, чем человек, так как не достигают до человеческого образа. Это суть существа, которые живут в различных царствах природы, — элементарные существа, которые живут в растительном царстве, в царстве камней или минеральном царстве, а также в животном царстве. Так что между смертью и новым рождением человек срастается со всем этим духовно населенным миром. Я должен еще сказать, что эти существа открыты именно посвященному, интуитивному и имагинативному сознанию; благодаря этому сознанию можно взирать в этот мир, через который человек проходит в своей жизни между смертью и новым рождением.

И в то время как человек живет тогда совсем другим образом, вся его человеческая конституция, все его человеческое устройство является также совершенно другим. Когда мы здесь, на Земле, — я еще вернусь к этому важному предмету, — изготавливаем, например, какую-нибудь машину, тогда то, что мы делаем — расположение, соединение частей, — исходит из нашей воли, из наших мыслей. И это отделяется от нас. Но когда мы делаем что-нибудь в духовном мире между смертью и новым

рождением, где мы, как душа, находимся также в непрерывной деятельности, когда мы там что-нибудь делаем, тогда из того, что мы делаем, излучается блеск, который мы познаем как в блеске, в свете живущие мысли. Между тем как здесь, на Земле, мысль остается в нас, там мысль не остается в человеке, но блистает, как сияющее существо, из всего того, что мы делаем. Так что там, в духовном мире, мы никогда не можем сделать что-либо так, чтобы из этого не вырвалась мысль. И эта мысль не похожа на земную человеческую мысль. Земная человеческая мысль, хотя бы это была даже разрушительная мысль, может иногда оставаться скрытой во внутреннем существе человека именно потому, что она есть человечески-личная мысль, а эта мысль, которая вырывается из вещей, есть космическая мысль. Она выражает то, что говорит Космос, то есть собственно сущность всего духовно-космического мира, — о том, что мы делаем. Итак, представьте себе достаточно живо (я хочу пояснить это также схемой): человек является деятельным в жизни между смертью и новым рождением. В то время, когда он там действует, — я должен это отметить, — каждый душевный жест, каждый душевный поступок, каждое душевное движение превращается тотчас же в космическую мысль. Так что, когда мы что-либо делаем, то мы как бы напечатлеваем это духовному миру, и тогда Космос отвечает со всех сторон, и из того, что мы делаем, отраженно сияет то, что говорит Космос. Тогда вещь является такой, как о ней судит Космос. Но это не все; и в этих вспышках космического мира мыслей мерцает еще нечто другое. Это мерцают мысли, о которых мы не можем сказать, что они исходят от Космоса. Так что в Космосе, в неземной жизни, мы находим светло пламенеющие мысли пронизанными разного рода темными мыслями. И эти последние мерцают тогда из вещей.

Если там, в жизни между смертью и новым рождением, эти исходящие из Космоса светлые, блистающие мысли наполняют нас чувством глубокого удовлетворения, то очень часто — не всегда, но очень часто — эти мерцающие мысли имеют в себе нечто чрезвычайно тревожное, ибо эти мерцающие мысли — это суть те мысли, которые продолжают воздействовать из нашей собственной земной жизни. Следовательно, если в земной жизни мы усвоили себе о чем-либо хорошие мысли, то после смерти эти хорошие мысли вспыхивают из космически блистающих образований.

Если же мы усвоили дурные мысли, *питали злые*, недобрые мысли, то эти злые мысли мерцают, можно сказать, нам навстречу из космически блистающего приговора. И, таким образом, одновременно с тем, что Космос говорит человеку, последний видит то, что сам он принес с собой в Космос. И тогда это уже не такой мир, который отделяется от человека, — это есть мир, который остается тесно связанным с человеком.

После смерти человек несет в себе свое космическое бытие. Но он несет в себе так же, как воспоминание, свою прошедшую, свою только что прошедшую жизнь. И его ближайшая задача заключается именно в том, чтобы сбросить с себя земное бытие, отучить себя от него, дабы получить возможность быть действительно космическим существом. Пока мы находимся в той области переживания, которую в своей книге «Теософия»

я обозначил как **душевная жизнь**, мы имеем дело преимущественно с этими продолжающимися мерцаниями земных мыслей, земных привычек, земных способностей. И благодаря им мы создаем всякого рода карикатурные искажения того, что, как мы чувствуем, могли бы быть прекрасными космическими образами; так что во время этого прохождения через душевную жизнь мы движемся в Космос неприятно для нас судящими и судимыми этими карикатурными искажениями космических образований, пока не освободимся от всего, что еще привязывает нас к земному, после чего можем найти переход к тому, что в книге «Теософия» я обозначил как **страну духов**, где мы оставляем уже позади себя тот душевный строй, какой мы приобрели себе на Земле в физическом теле, и можем действовать так, как это единственно возможно, согласно указаниям духовных существ, в область которых нам надлежит здесь вступить.

Вы видите, что человек берет с собой в мир, который он переживает после смерти, прежде всего не то, что живет в его физическом и эфирном телах. Ибо это отпадает, это переходит в Космос.

Человек берет с собой только то, что он пережил как “Я” и как астральное тело. Но из этого можно вывести нечто весьма значительное и важное. Когда человек ходит по Земле, то свое физическое тело и свое эфирное тело — о последнем, правда, он знает немного, но, по крайней мере, чувствует его, поскольку сам живет в силах роста и т.д., итак, физическое и эфирное тела человек называет **своим** телом. Но он не имеет никакого права называть это своим телом. Ибо **его** есть только то, что имеется в “Я” и астральном теле. То, что имеется в физическом теле и в эфирном теле, это есть достояние божественно-духовных существ, даже когда человек живет на Земле. В этом физическом и эфирном телах живут и действуют — даже при жизни человека на Земле — божественно-духовные существа. В них продолжают развивать свою деятельность божественно-духовные существа, даже когда во сне человек совсем не участвует в этом. И человеку предстояла бы даже довольно печальная участь, если бы между рождением и смертью он должен был в непрерывном бодрствовании сам обеспечивать благосостояние своего физического и эфирного тел. Человек принужден все снова и снова во сне — главным образом в детстве, потому что детский сон более всего имеет значение; позднейший сон действует только восстанавливающим образом, и, собственно, плодотворным является именно детский сон, в самые первые годы жизни, — итак, человек принужден постоянно предоставлять богам свое физическое и эфирное тела. Древние времена развития человечества постигали это, когда называли человеческое тело храмом богов, когда в удивительном строении человеческого тела ощущали также храм богов и в своем архитектурном творчестве — это можно более всего заметить в восточной, но также и в египетской и греческой архитектуре — подражали всегда законам физического и эфирного тел. В том, как увенчивают Херувимы храмы Востока, в том, как построены сфинксы, как стоят колонны, — во всем этом выступает живое ощущение божественно-духовной деятельности в человеческом физическом и эфирном телах. Сознание этого было утрачено человеком в

ходе его развития. И теперь он, именно ничего не предчувствуя, но поэтому совершенно неверно называет физическое и эфирное тела **своим** телом, между тем как в действительности это физическое тело в земном созидаании есть достояние богов. Так что, когда человек говорит теперь: «мое тело», и то, что происходит в здоровом состоянии в его теле, присваивает себе, это означает великое высокомерие человека современной цивилизации — пусть бессознательно проявляемое, пусть подсознательное, но, тем не менее, ужасное высокомерие. И это высокомерие говорит о том, что когда люди называют таким образом «ваше тело», «мое тело», они, в сущности, притязают на достояние богов и что, следовательно, они уже в самом своем языке воплотили это высокомерие. Духовная наука должна обратить внимание человека на то, что моральное проникает также и в обыкновенную жизнь, и, как мы видели в данном случае, в нее проникает не добрая, а именно злая моральная жизнь. Эти вещи показывают, как благодаря правильному духовному познанию вся жизнь нашего чувства может настолько измениться, что даже самые **обороты речи**, находящиеся теперь под влиянием чисто материалистически-природного мышления, станут совсем другими у людей, когда они действительно воспримут духовную науку. Чтобы понять дальнейшее переживание между смертью и новым рождением, мы должны поставить перед душой сказанное вчера о том, что по мере того, как человек вживается в духовный мир, физический аспект звезд исчезает; вместо физического аспекта звезд выступает переживание того, что духовно соответствует физическому блеску звезд, который сияет сверху для глаз. Каждая отдельная звезда есть местопребывание известных духовных существ, подобно тому, как Земля есть место пребывания людей; и люди, собственно, как духовные существа с астральным телом и “Я”, являются обитателями Земли. Человек во время своего физического бытия связан с элементарными существами, которые обитают в минеральном царстве, в растительном царстве, в животном царстве, он связан через посредство внешнего тела с другими человеческими душами. Но между смертью и новым рождением он вступает в связь с обитателями других звезд. Жизнь между смертью и новым рождением есть действительное прохождение через звездный мир, но именно через **духовность** звездного мира, через совместную жизнь с другими божественными духовными **существами** звездных миров. Мы уже видели в непосредственной близости к земной жизни, мы проходили то бытие, которое протекает в душевном мире, которое есть претворенное в действительность возвратное переживание того, что бессознательно-образно человек переживает в течение всех ночей, какие включались в его земную жизнь.

Третью свою жизнь человек проводит здесь в том, что отучает себя от того, что он, я хотел бы сказать, в тех мерцающих мыслях вносит в космические мысли. Следовательно, если в земной человеческой жизни человек достиг 60-летнего возраста, то он переживает душевный мир в течение 20 лет. Он переживает этот мир, постепенно перерабатывая и освобождаясь от всего, что связывает его с физическим миром. Во время пребывания в мире душевном — в этой трети своей земной жизни — он

имеет внутреннее переживание своей совершенно особенной связи с лунным бытием. Когда я вчера сказал вам, что человек совершает как бы кругооборот, то есть описывает круг между рождением и смертью, потом идет назад скорее, так как проходит этот обратный путь в одну треть времени земной жизни, то он имеет тогда чувство: эта окружность описывается вокруг лунного бытия, вокруг духов лунного бытия. И я уже указывал: человек не имеет тогда сознания, что он приходит опять к своему рождению. Следовательно, это не вполне круг — это спираль. Человек, в сущности, продвигается вперед. И я должен был нарисовать это в виде спирали.

То, благодаря чему мы не описываем вокруг Луны простого круга, а идем дальше, приближаемся к другому бытию непосредственно после смерти, — это производит отчасти движущая вперед сила существ Меркурия, отчасти задерживающая сила существ Венеры. Существа Меркурия несколько сильнее, чем существа Венеры. Бытие продвигается вперед благодаря существам Меркурия, задерживается в себе благодаря существам Венеры, наделяется, так сказать, полнотой, так что в основном это прохождение через мир душевный протекает таким образом, что человек чувствует себя воспринятым в деятельность Луны, Меркурия и Венеры.

Это бытие мы должны теперь совершенно отчетливо поставить перед своими глазами. Здесь, на Земле, мы говорим: я, человек, имею голову; она побуждается главным образом тем, что можно было бы назвать центром головного мозга в *шишковидной железе* и т.п. Это есть, следовательно, главнейший орган головы. Я, человек, имею в своей средней части сердце. Я, человек, имею то, что принадлежит ко всей системе почек, к организму обмена веществ и движения. Этого нельзя сказать, когда после смерти мы находимся в мире душевном. Там мы не скажем: я, человек, состою из головы, из груди с сердцем, из конечностей с органами обмена веществ.

Там это не имеет никакого смысла. Все это мы сложили с себя. И мы говорим после смерти: я, человек, состою из того, что исходит от духов Луны. И эти слова: я — человек, состою из того, что исходит от духов Луны, — соответствует тому, что мы говорим здесь, на Земле, когда произносим: я имею голову. После смерти, в мире душ, мы должны сказать: я имею то, что исходит от духов Луны. И здесь, на Земле, мы говорим: я имею сердце в груди, оно выражает всю мою систему дыхания. Эти слова опять-таки имеют значение только здесь, на Земле, потому что, разумеется, сердце мы также сложили с себя. После смерти мы должны сказать: я несу в себе силы Венеры. Это соответствует тому, что имеется после смерти. И здесь, на Земле, мы говорим: я имею систему конечностей и обмена веществ со всеми принадлежащими к ней органами, главным образом, с системой почек; после смерти мы должны соответственно этому сказать: во мне живут силы, которые исходят от существ Меркурия. Следовательно, здесь, на Земле, мы говорим: я имею голову, грудь, нижнюю часть тела и конечности. После смерти мы говорим: как человек я есмь Луна, Венера, Меркурий. **И это** вполне соответствует действительному внутреннему существу бытия жизни. Ибо

здесь, на Земле, все наше бытие как физического человека, без сомнения, всецело зависит от взаимодействия головы, сердца и системы пищеварения. От этого все зависит. Нам достаточно только сделать малейшее движение рукой и в этом малейшем движении руки действует то, что производит голова, что производит сердце и что производит система пищеварения, ибо здесь непрерывно преобразуются доставляемые вещества. Все наше земное бытие протекает в голове, сердце и конечностях — говоря, разумеется, сокращенно, сжато. Так, в мире душ все наше бытие протекает в имеющихся в нас тогда силах Луны, Меркурия, Венеры. Если на Земле мы являем собой нечто другое, то в мире душ мы суть Луна, Меркурий и Венера. И благодаря этому мы поистине переносимся некоторым образом снова назад, в прошлое, когда человек переживал свое природное бытие в гораздо более ранних эпохах, чем наши. В настоящих лекциях я уже неоднократно на эти более ранние эпохи развития человечества указывал. Тогда человек имел род инстинктивного созерцания, от которого остались те типы, о которых я говорил в этих лекциях. Он уже здесь, на Земле, смутно чувствовал, что вовне земной жизни он связан, например, с Луной, Меркурием и Венерой. В настоящее время земной жизни это сознание уже утрачено человеком. И благодаря чему оно было утрачено? Когда говоришь об этих значительных вещах, которые лежат глубоко за покровом физического мира и могут быть сказаны, собственно, только если говорить, исходя из той области, которая также лежит по ту сторону порога, то, без сомнения, возбуждаешь сильнейшее отвращение или, скажем несколько более высоким стилем, критику со стороны современности. Ибо именно в наше время особенно трудно прямо говорить о том, что есть истина инициации. Ее нужно высказывать или так абстрактно, облекать ее в такие абстрактные понятия, чтобы люди совсем не заметили того, что имеется в виду, или, напротив, нужно выражать ее так, чтобы это давало действительно характеристику вещей. Но тогда, слыша это, многие современные люди выходят из себя. И можно понять, почему они выходят из себя: ведь им говорят о том мире, от которого они хотят отделаться, которого они, в сущности, боятся, который они ненавидят. Однако это не может помешать тому, чтобы, тем не менее, открыто заговорить опять об этих вещах в цивилизованном мире. Принимая в сильной степени во внимание этих, разумеется, не присутствующих здесь, а находящихся вне этих стен, людей, ненавидящих науку инициации, — итак, принимая их во внимание, что, впрочем, не особенно помогло бы в данном случае, можно было бы сказать: вживаясь в мир душ, человек приходит в такое состояние, которое несколько напоминает то более раннее состояние, когда человек обладал еще инстинктивной духовной истиной. И в этой изначальной инстинктивной духовной истине жили силы Луны. Может быть, это было бы сказано более или менее прилично с точки зрения современных понятий. Но это было бы сказано уж слишком абстрактно. И если не бояться неизбежной критики материалистически мыслящих, то нужно сказать иначе. Нужно сказать: когда человек проходил в развитии Земли через отдаленную прошлую эпоху (подробнее я обрисую это впоследствии), очень древнюю эпоху, которая лежит, разумеется, до

исторической эпохи, тогда он находился также и на Земле в обществе духовных существ, которые не были связаны непосредственно с Землей, но и в своей земной жизни сохраняли связь с Космосом. Можно сказать: неземные, божественные учителя были тогда руководителями мистерий и обучали земных людей. Эти учителя древнейших времен не принимали на себя твердых, плотных, тяжелых физических тел, но действовали на людей в своих эфирных телах. Так что древнейшие учителя в мистериях, наивысшие учителя, то есть те, которые имели только своими служителями физически воплощенных людей, — это были эфирно-божественные учителя. В древнейшую эпоху развития человечества эти существа были спутниками людей на Земле. Так что мы поистине в совершенно реальном смысле можем сказать: существовала древнейшая эпоха земного мирового развития, когда вместе с людьми на Земле обитали божественные духовные существа, которые являлись людям в мистериях, когда эти люди правильным образом приводились к ним при помощи служителей храма. И через посредство мистерий они становились спутниками людей на Земле. Эти существа впоследствии отошли от Земли, переместились на Луну и живут теперь там как бы в космической крепости, невоспринимаемо для земного бытия, во внутреннем существе лунного бытия. Так что, если мы обратим взор на эту внутреннюю часть лунного бытия, то мы должны видеть в ней совокупность тех существ, которые некогда в своем эфирном теле были великими учителями людей на Земле. И, собственно, мы никогда не должны были бы смотреть на Луну иначе, как говоря себе, что **там собрались те, которые были когда-то учителями на Земле**. Ибо к людям на Земле приходит от Луны не то, что живет в ней, а только то, что она отражает из всего остального Космоса. Как Луна отражает от себя свет, так же отражает она и все космические воздействия. Итак, когда мы смотрим на Луну, то мы видим свет, и его мы видим яснее всего; но, разумеется, это не единственное, а наоборот, даже самая незначительная часть того, что исходит от Луны. Мы видим зеркало космических воздействий; мы не видим того, что живет во внутренней части Луны. Во внутренней части Луны живет то, что жило некогда на Земле. И только в своем бытии после смерти, в душевном мире, человек находится снова под воздействием этих существ, которые некогда пребывали на Земле. Это они после смерти человека приговором, исходящим от прошлого мира, исправляют то, что человек совершил на Земле. Так что в нашу современную эпоху человек после смерти действительно вступает в отношение с теми существами, которые некогда, как божественно-духовные существа, воспитывали и обучали его на Земле вместе со всем человечеством. Следовательно, духовно Луну надлежит рассматривать как космическую крепость, куда удалились те существа, которые некогда пребывали вместе с людьми и с которыми мы вступаем опять в отношение непосредственно после того, как начинаем свое странствие в мире душ после смерти.

После того, как человек пройдет некоторым образом через то, что относится к лунному бытию, ему дается в Космосе задача перейти в солнечное бытие. Следовательно, если первый пройденный круг, или первая спираль, имеет, так сказать, своим центром лунное бытие, то

теперь это спиральное движение, это круговое движение человека должно пройти дальше вперед и из области Луны продвинуться в область Солнца.

Пространственные обозначения могут быть здесь только иллюзорными, так как все события разыгрываются именно в одномерном пространстве, в сверхчувственном. Но так как приходится пользоваться, разумеется, земными словами, то все-таки можно сказать: после того, как человек уже завершил первый круг — в область Луны, — он вступает в ту область между смертью и новым рождением, где Солнце — но духовное Солнце — имеет к нему такое же отношение, какое прежде имела к нему Луна. При вступлении в эту область, которую я назвал в моей «Теософии» **страной духов**, человек должен стать существом, которое метаморфозирует также и то бытие — Луна, Венера, Меркурий, — какое он имел до сих пор. Поистине, человек должен стать совсем другим существом. Он говорил в земном бытии: я есмь голова, я есмь существо сердца, существо груди, я есмь существо обмена веществ, существо конечностей. Он говорит непосредственно после смерти: я есмь существо Луны, Меркурия, Венеры. Далее он уже не может этого сказать, ибо тогда его бытие в духовном мире остановилось бы и застыло между миром душ и собственно духовной жизнью. Он должен произвести теперь значительную метаморфозу так же и в своем духовно-душевно-бытии. Он должен сделаться тем, что я могу обрисовать следующим образом: его оболочкой должно стать Солнце. Он должен быть всецело окружен Солнцем. Если здесь, на Земле, в нашем физическом теле, мы облечены своей кожей, то теперь мы должны вступить в духовное бытие, облеченные покровом, состоящим всецело из духовных сил Солнца. Это не совсем легко себе представить, так как вы представляете, исходя от Земли: Солнце там и светит оттуда. Тогда Солнце есть центр, и оно озаряет окружность. Но когда человек вступает в духовную область Солнца, то оно уже не находится в **одном** месте; оно заполняет собой всю окружность. Человек находится внутри Солнца, и оно сияет в него с периферии. Оно есть, поистине, оболочка человеческого существа, каким мы теперь стали. И не вне Солнца, а во внутреннем существе духовной области Солнца имеет человек теперь то, о чем в земном бытии он говорит: голова, сердце, конечности; и непосредственно после смерти говорит: Луна, Меркурий, Венера; так теперь он имеет в себе то, о чем должен сказать: Марс, Юпитер, Сатурн. Следовательно, **теперь человек есть Солнце и имеет в себе органы: Марс, Юпитер, Сатурн**. Это суть внутренние органы, как здесь на Земле — сердце, шишковидная железа или почки. Но все это метаморфозировано в духовное. Эти органы не являются вполне развитыми. Тотчас же при переходе из мира душ в страну духов они должны быть развиты лишь постепенно. Для этого, вступив в солнечное бытие, мы описываем не один только круг, как мы описываем его во время лунного бытия, а три круга; так что это солнечное бытие описывается в три круга. В первом круге, который есть, собственно, круг Марса, развивается духовный орган Марса. Во втором круге, который есть, собственно, круг Юпитера, развивается духовный орган Юпитера; и в последнем круге развивается духовный орган Сатурна; итак, три круга, которые описываются гораздо более медленно по сравнению с кругом

Луны. Лунный круг протекает в сравнительно быстром темпе. Эти круги, как я покажу впоследствии, проходятся приблизительно в 12 раз более медленном темпе. Следовательно, проходятся круг Марса, круг Юпитера, круг Сатурна. И во время всего этого прохождения через эту область, где человек живет в мире духовных сфер, участвуя в духовных силах этого мира, он находится в непрерывной деятельности; как здесь, на Земле, он действует в силах природы, так там — в силах высших Иерархий, которые имеют только свой внешний отблеск, свое физическое откровение в звездном небе, с Солнцем и Луной, которые видим в нашем окружении в своем физическом аспекте. **Но для того, чтобы найти переход от лунной области в область Солнца, человек должен иметь водительство.**

Я уже указывал на это водительство. И мы уже видели, что в наидревнейшую эпоху развития человечества здесь, на Земле, жили те существа, которые затем как бы удалились, как бы укрылись в космической крепости Луны. Это суть именно те существа, к которым человек получает вновь доступ только лишь после смерти. Но оставались преемники этих существ, которые время от времени появлялись затем на Земле в более древнюю эпоху развития человечества.

На Востоке этих существ называли **Бодисаттвами**. И хотя они появились воплощенными в человеческом теле, но были потомками тех существ, которые укрепились в Луне. Так что жизнь Бодисаттв протекает в общении с сущностью, живущей в космической крепости Луны.

Там лежат источники их сил, там лежат источники их мыслей. Это они были некогда наставниками людей, своими учениями создавали для них возможность перехода, так что люди имели силу, когда доходили до конца лунной области, перейти в область Солнца.

Вы увидите в следующих лекциях, что в ходе развития человечества на Земле это стало уже невозможно и что само солнечное Существо Христос должно было сойти на Землю для свершения Мистерии Голгофы, чтобы через учение Христа, через учение о Мистерии Голгофы на Земле человек воспринял крепкую силу и мог найти переход из мира душ в страну духов, из лунной области в область Солнца. И если в древнейшие времена земного развития то, что исходило из области Луны, было тесно связано с Землей и воспитывало, собственно, только духовность Земли, то с окончанием первой трети четвертой послеатлантической эпохи, когда время исполнилось, в самое развитие Земли, вместо прямого и непрямого лунного воздействия, вступило воздействие Мистерии Голгофы, воздействие Христа, которое было окружено двенадцатикратным воздействием Бодисаттв, что указано, но что именно есть реальность — **двенадцатью апостолами**, окружавшими Христа. Так что Христос, воплощенный в теле Иисуса, есть та сила, которая, исходя из духовного существа Солнца, соединилась с Землей. И если, с одной стороны, мы должны смотреть на Луну, если не хотим просто глазеть на нее материалистически настроенной душой, с материалистическим настроением духа, если, следовательно, мы должны смотреть на Луну как на собрание духовных существ, которые означают прошлое в мировом развитии Земли, то мы должны смотреть на Солнце как на собрание тех

существ, которые означают будущее, а теперь уже и настоящее в развитии Земли и великим представителем которых был Христос, прошедший через Мистерию Голгофы.

Благодаря тому, что люди воспринимают на Земле в связи с Мистерией Голгофы, для них становится возможным вступить в страну духов, то есть в страну Солнца, так что они смогут внутренне воспринять в области Марса организацию Марса, в области Юпитера — органы Юпитера, в области Сатурна — органы Сатурна в тройном круговом движении, которое протекает гораздо медленнее, чем лунный круг. Но это также подчинено мировому развитию. И, собственно, совершенное исполнение того, что я теперь обрисовал, — становление человека Марса, человека Юпитера, человека Сатурна, наступит для человека лишь в будущем. В ту эпоху, в какую мы живем в настоящее время, для человека возможно закончить вполне только круг Марса; так что после смерти он заканчивает вполне круг Марса и еще не вступает, а может только коснуться области Юпитера.

Лишь при дальнейшем развитии переживания между смертью и новым рождением (в будущем) он может вполне вступить в область Юпитера и еще позднее — в область Сатурна.

Но для того, чтобы человек, так как он еще не может вступить в область Юпитера, все-таки мог и теперь, уже в период между своей смертью и новым рождением, воспринять нечто от сил Юпитера и Сатурна, между Марсом и Юпитером разбросано **множество мелких планет**, которые со стороны своего внешнего существования все снова и снова открываются астрономами, но которые представляют собой ту область духовного, через которую человек проходит после смерти благодаря тому, что он не может еще перейти к Юпитеру. И особенность этих мелких планет заключается в том, что они представляют собой в своих духовных сущностях как бы колонии Юпитера и Сатурна. Существа Юпитера и Сатурна отошли на эти планеты. И человек, так сказать, предварительно, прежде чем он может вступить в область Юпитера и Сатурна, находится в области этих мелких планет, которые для этого рассеяны в нашей Вселенной; итак, он находит здесь то, что может быть для него некоторого рода заменой. Так что в настоящее время, в период между смертью и новым рождением, когда человек созревает для следующей земной жизни, он проходит вполне через бытие Марса, а от Юпитера и Сатурна воспринимает лишь то, что колонизировалось в область мелких планет; с результатами этих воздействий — о которых мы еще узнаем впоследствии — человек вступает затем через рождение в новую земную жизнь.

Лекция одиннадцатая

29 августа 1923 г., Пенменмаур

ПЕРЕЖИВАНИЕ МИРОВОГО ПРОШЛОГО

Когда мы оглядываемся на вчерашние лекции, то можем припомнить, как человек, последовательно переживая периоды, — причем выражением «период» нужно пользоваться только как отголоском физических отношений, — переживая периоды, которые следуют за земной смертью, входит прежде всего в область лунных существ и потом из области лунных существ должен перейти в область солнечных существ. Лунные существа принадлежат еще, без сомнения, в известном отношении, к земному бытию. И переживания, через которые человек проходит под влиянием лунных существ в душевном мире, являются космическими воспоминаниями именно о земном бытии. Человек проходит в обратном порядке действительные переживания земного бытия, но связанные с тем, что я охарактеризовал вчера как вступающее в них звучание космических суждений. Эти космические суждения человек воспринимает после смерти от указанных лунных существ. Следовательно, мы можем сказать: когда человек начинает свое космическое духовное бытие после своей смерти, то он имеет сначала такие восприятия, которые исходят еще от существ, бывших некогда связанными с Землей. Ибо мы уже имели случай показать, что существа, которые избрали затем местом своего пребывания как некую космическую крепость Луну, были некогда в наидревнейших мистериях Земли учителями людей; затем они — если я могу употребить это выражение — удалились в эту лунную обитель; и то, что в древнейшие времена человек переживал непосредственно на Земле, в наше время он переживает при своем прохождении через душевный мир под влиянием — если мы можем это сказать — поднятого на Луну лунного населения. Это выражение можно употребить в его собственном смысле, если должным образом принять во внимание то, что я предварительно обрисовал в последних лекциях; это лунное население, руководимое существами, которые были некогда учителями человечества, имеет совсем другую способность суждения, чем земное население. Земное население, собственно, только теперь проходит в земном бытии между рождением и смертью то, через что это лунное население прошло в давно прошедшие времена.

Если мы возьмем земное летоисчисление, то это лунное население гораздо больше, чем 15000 лет тому назад прошло в земном бытии через то, что человечеству еще предстоит пройти. И гораздо больше, чем 15000 лет тому назад это лунное население достигло возможности иметь такое суждение, в котором **природное и моральное сливаются в одно**. Мы на Земле отделяем еще природное суждение, которое мы составляем о минералах, о животных, мы воздерживаемся от моральных суждений, когда судим о них. Мы говорим: природа управляется только аморальной необходимостью. Но **мир в целом** управляется не аморальной необходимостью. И если отдельных животных, отдельных растений, взятых в их обособленном существовании, **нельзя** рассматривать, применяя к ним моральные суждения, то их начало, самый факт их бытия в мире исходит, несомненно, из космических моральных суждений. Но указанное лунное население имеет уже эти космические моральные суждения. Поэтому, пройдя через врата смерти, мы должны в связи с этим лунным населением выслушать то, что Космос говорит о том, что мы

мыслили, хотели, чувствовали, волили, совершили здесь, на Земле. Вся наша земная жизнь ставится, так сказать, в свет космического суждения. И мы узнаем, какую ценность для Вселенной имело то, что мы сделали здесь, на Земле. Из этих узнаний мы развиваем тогда в себе импульсы к тому, чтобы сделанное нами в духе мирового развития или в противоречии с мировым развитием дополнить, исправить — так или иначе восстановить в следующей земной жизни. И когда мы находимся под такого рода воздействием лунного населения, мы воспринимаем в себя импульсы нашей судьбы в следующих земных жизнях, импульсы того, что в восточной мудрости всегда называли *кармой*.

Итак, импульсы для кармы воспринимают в тот период, когда человек находится под воздействием лунного населения, которое может сказать ему, в какой мере его земные дела, его земные мысли имеют ценность для всего Космоса.

И те духовные существа, которые живут в окружении человека, когда он находится под влиянием лунного населения, это те существа, которых в своем «Тайноведении» я объединил как существ Иерархии Ангелов, Архангелов, Архаев. Такова первая группа существ, в область которых вступает человек, — существ, которые не должны проходить фазу жизни в земном воплощении.

III Иерархия:

Ангелы

Архангелы

Архаи

Эти существа состоят, со своей стороны, в тесной связи с существами более высоких Иерархий. Но во время своего лунного бытия после смерти человек приходит в связь с Иерархией Ангелов, Архангелов, Архаев и, так сказать, совсем еще не замечает более высоких Иерархий.

Особенно важны для определения ценности поступков отдельного человека суждения Ангелов, так что после смерти человек от Ангелов узнает, какую ценность имеют его индивидуальные поступки во всем Космосе. От Архангелов он узнает более о том, какую ценность имеют его поступки, поскольку он говорит на том или другом языке, принадлежит к тому или другому народу. Все эти узнавания включаются затем в импульсы его последующей кармы. И от Архаев человек узнает, какую ценность имеют его поступки для той эпохи, в которую ему предстоит опять сойти из духовных высот в земное бытие.

Благодаря всему, что может тогда пронизать человека, если он (и я прошу особенно принять во внимание это дополнительное предложение) — если он правильно подготовил себя для внеземного бытия благодаря всем тем импульсам, какие он мог бы воспринять, и именно, как мы увидим это впоследствии, благодаря тому, в какое отношение он поставил себя к великим духовным руководителям человечества, благодаря всему этому он может найти переход из сферы лунного населения в сферу солнечного населения. Так что, когда мы говорим о мирах, в которые человек вступает между смертью и новым рождением, то мы должны говорить о лунном и солнечном населении. Лунное население, как мы это теперь узнали, есть то, которое имело

некогда место своего обитания на Земле, было связано с Землей. Но в гораздо, гораздо более древние времена также и солнечное население было еще связано с Землей, переживало совместно с Землей ее развитие.

Когда человек вступает в область лунного населения, то он дает себе ясный отчет, что вступает в область существ, которые некогда обитали вместе с ним на Земле. Когда затем он вступает в область солнечного населения, то его охватывает как бы мощное воспоминание древнейшей эпохи. В своей книге «Тайноведение» я обрисовал ее с другой точки зрения. Его охватывает нечто, как воспоминание о древнейшей эпохе, когда также и солнечное население было еще связано с Землей. Так что, после смерти мы вступаем в духовный Космос таким образом, что мы растаем как бы в две космические страны, где встречаем существ, с которыми были связаны на Земле, когда мы сами были еще совсем другими существами на Земле. Итак, проходя в современную эпоху человечества через переживания, которые протекают между смертью и новым рождением, мы обзираем в огромных, величественных воспоминаниях прошлое развитие Земли во Вселенной. И если во время своей земной жизни здесь, на Земле, человек проходит только часть развития человечества, то между смертью и новым рождением он проходит часть всего мирового, всего космического развития. И солнечное население есть именно то, которое в гораздо более древние времена поднялось уже над тем, что можно испытать в качестве земного существа, и поднялось уже над тем, что можно испытать в качестве лунной сущности. Вступая в область солнечного населения, человек вступает в сферу высочайшей мудрости, где он может жить, только если он достаточно подготовлен на Земле. И я сказал вчера, что когда человек переходит из мира душ в страну духов, или, как мы должны теперь сказать, из сферы лунного населения в сферу солнечного населения, то он значительно замедляет темп своего передвижения в Космосе. Следовательно, если окружность вокруг Луны описывается в период, равный приблизительно трети земной жизни, то следующие круги — круг Марса, круг Юпитера, круг Сатурна (что они проходят не вполне законченно, об этом я упоминал вчера), эти круги протекают более медленно, и именно в 12 раз медленнее, чем круг Луны.

Если мы вычислим, как это складывается во времени, то получим следующее. Мы должны исходить из того, что было **изначально предназначено** человеку по решению Космоса.

И тогда мы можем принять, что человек проходит лунный период в течение трети своей земной жизни. Если мы сложим более долгие промежутки сна в детстве и все последующие промежутки сна в человеческой жизни, то получим в среднем приблизительно около 30 лет, приблизительно как время, необходимое человеку, чтобы пройти первый цикл — цикл Луны. Каждый из последующих циклов проходит в 12 раз медленнее, и мы получим 360 лет для каждого цикла. Если мы проследим человека в его дальнейшем мировом странствии, то получим три цикла, которые он проходит. Он не доходит до Сатурна. Но он должен был проходить эти циклы, согласно своему первоначальному предназначению. Так что мы можем сказать: человек проходит первый цикл, второй цикл,

третий цикл; затем должен пройти эти три цикла обратно; так что он проходит три круга вперед и на своем возвратном странствии к следующей земной жизни он проходит три круга назад. Это составит шесть кругов. И тогда мы получим то время, которое, собственно, было предназначено человеку; я еще должен буду упомянуть о том, что человек не всегда проходит именно так эти круги, что для современного человека это часто складывается совсем иначе, но то, что было предназначено человеку по первоначальному решению Космоса, это составляет именно **2160** год.

2160 год. Что это значит?

Вам достаточно только вспомнить о том, что точка весеннего солнцестояния каждый год находится в другом месте зодиакального знака.

Точка весеннего солнцестояния передвигается вперед. За последние столетия она передвинулась в том направлении, что прежде она стояла в Овне, потом передвинулась дальше в Овне, перешла в Рыбы. Приблизительно в 25920 лет, то есть почти в 26000 лет Солнце проходит весь круг Зодиака.

2160 лет составляют 1/12 часть этого времени. Следовательно, человеку было первоначально предназначено возвращаться опять на Землю, когда Солнце перейдет из одного зодиакального знака в другой. Если из внутренних оснований мы установим это число 2160 и сравним его с тем, что с совсем другой точки зрения я указал в книге «Тайноведение» (те, которые читали ее, припомнят, что время продвижения Солнца из одного зодиакального знака в другой я определял как время, которое изначально было предназначено человеку, как время его пребывания между смертью и новым рождением), если с этих двух сторон, (так, как я сделал это в «Тайноведении», исходя более из Космоса, извне — во внутрь, и так, как мы сделали это сегодня, исходя из внутренней человеческой жизни), если мы таким образом установим это число, то оно будет именно одно и то же. Это суть факты, которые люди должны были бы заметить; когда в духовной науке устанавливаются сначала правильные суждения о чем-либо с одной точки зрения и затем устанавливаются также правильные суждения о том же с другой точки зрения, то эти суждения внутренне согласуются. Кто рассматривает духовную науку на основании современных суждений, тому очень легко сказать: на что опирается *твоя* духовная наука? **Наша наука опирается на наблюдения, на эксперименты; из этого мы исходим; это есть прочное основание.** Но, право, когда говорят таким образом, то по отношению к фактам, как приведенным нами, это звучит подобно тому, как если бы кто-нибудь сказал: когда я, как человек, стою на Земле, то я стою на твердой почве; когда там лежит обломок скалы, то он лежит на твердой почве. Все на Земле покоится на твердой почве; вы, астрономы, в сущности фантазеры, так как вы рассказываете нам, что Земля свободно парит в небесном пространстве. Если вы хотите говорить разумно, то вы должны были бы сказать, что и она также, подобно каменной глыбе, покоится на прочном основании. Таково приблизительно мнение тех, которые говорят о духовной науке, что она не имеет под собой твердой почвы. Они,

конечно, показались бы себе смешными, если бы стали говорить, что Земля, как глыба, должна возлежать на твердой почве; но они совсем не кажутся себе смешными, когда не знают, что нечто, долженствующее иметь в себе внутреннюю опору так же, как имеют в себе внутреннюю опору небесные тела, может тогда держаться не на почве эксперимента или объяснения. Если бы люди были действительно последовательны в своих суждениях, то они, конечно, увидели бы, что именно предлагаемая здесь духовная наука является точной на каждом шагу и на каждом шагу дает себе полный отчет в тех суждениях, которые она хочет установить о мире и о мировых существах.

Итак, после смерти человек вступает в мир, где он прежде всего переживает общение с теми душами, которые, как и он сам, прошли через земное бытие и затем, после развоплощения, при прохождении через врата смерти, были перенесены в те духовные миры, которые были обрисованы выше. Следовательно, человек вживается в сферу развоплощенных людей и продолжает там — в духовных переживаниях ночей — те отношения, которые он имел с ними на Земле.

Но вы видели также, что человек приходит в общение и с другими духовными существами, в общение с лунным населением, которое было некогда вместе с ним населением Земли, и затем восходит к общению также с солнечным населением, которое точно так же, но только в гораздо более ранние времена, было вместе с ним населением Земли. Здесь он приходит прежде всего в общение с теми существами, которые образуют вторую Иерархию. В своем «Тайноведении» я обрисовал их как Власти, Силы, Господства. Это суть существа, вместе с которыми человек должен работать, чтобы прийти к возможности в следующей земной жизни снова проявить, так сказать, переработанное космически то, что он приготовил себе как свою судьбу, свою карму в прошлых земных жизнях.

III Иерархия: II Иерархия:

Ангелы Власти

Архангелы Силы

Архав Господства

После того, как человек пройдет через область лунного населения, он знает — но, разумеется, не земными мыслями, а космическими мыслями, — знает некоторым образом, что именно он сделал неправильно в космическом смысле; он знает ценность для всей космической эволюции того, что он делал, мыслил и чувствовал на Земле. Следовательно, в лунной сфере человек приходит к знанию того, чем он должен стать в следующей земной жизни. Но здесь человек еще не может готовить эту следующую земную жизнь. Для этого необходимо подняться выше, в солнечную сферу, где живут существа, которые совсем уже не имеют дела с земным бытием, но которые заботятся об устройении всей нашей планетной системы.

Итак, Космос таит в своей глубине, в области того, что надлежит космически пережить человеку, я хотел бы сказать, две страны с их духовным населением. Он таит в себе душевный мир лунного населения и более могущественное население страны духов, страны Солнца. Если лунное население в силу того, что оно сравнительно еще недавно — в

космическом смысле недавно — было связано с Землей и поэтому соединяет свои интересы с земным населением и если Луна есть как бы только космическая колония для того, чтобы устраивать, направлять и совершать земные дела, то солнечная Вселенная, где солнечное население живет под водительством Властей, есть та Вселенная в Космосе, которая должна обеспечивать развитие всей планетной системы Марса, Сатурна, Юпитера, Венеры и т.д. вместе с Землей и Луной. Вступая в солнечную Вселенную, мы входим в область, где наши интересы существенно расширяются и где в совместной работе с Властями мы имеем возможность подготовительно работать над тем, чтобы мог возникнуть духовный зачаток физического тела, которое затем может произвести для нас чета родителей. Эта чета никогда не могла бы породить для нас надлежащего физического тела, если бы это физическое тело не было подготовляемо в течение долгих времен нашей работой с высочайшими, возвышенными духовными существами в духовном Космосе. И наша работа в духовном Космосе — поистине, она более велика и обширна, чем то, что мы делаем в малом земном бытии, — наша работа состоит главным образом в том, чтобы совместно с существами высшего порядка воспитывать все то, что развивается в этих существах, как духовные события, как духовное искусство, подобно тому, как здесь, на Земле, развиваются события природы и искусство природы, и что под конец дает нам возможность объединить все таким образом подготовленное в один мощный духовный прообраз, который есть именно духовный зачаток, как бы брошенная вперед тень того, что впоследствии родится на Земле как наше физическое тело. Когда человек заканчивает три цикла и вступает на обратный путь, то в нем пробуждается вновь интерес к земным обстоятельствам. Он смотрит тогда вниз за много лет до того, как родится, на поколения, которые возникают в земном развитии и в конце которых стоят его отец и его мать. С этого момента, когда человек делает этот великий поворот назад в Космосе, он начинает уже направлять свое внимание вниз, на Землю. Он созерцает тогда далекий ряд предков, от которых происходят сыновья, дочери; от них — опять сыновья, дочери; опять — сыновья, дочери и т.д., пока через столетия не появляется чета родителей, к которой он может в уменьшенном образе послать вниз то, что как всеобъемлющий, мощный духовный зачаток физического тела было образовано в духовном мире, чтобы этот духовный зачаток мог затем соединиться с физическим зародышем в материнском теле. Вначале этот духовный зачаток является столь же величественным и огромным (обширным), как сама Вселенная. Когда человек вступает на возвратный путь к физическому миру, обзревает поколения, от которых произойдут его родители, и из духовного мира действует на этот ряд поколений, — в это время духовный зачаток становится все меньше и меньше, пока не войдет опять в область Марса, собственно, солнечную область, и затем быстро пройдя лунную область, спускается снова к Земле, к следующей жизни.

За некоторое время, прежде чем человек как душевное существо сам сойдет вниз, он посылает уже вперед этот духовный зачаток. Следовательно, прежде чем человек сам спустится в физический мир, он

предпосылает себе то, что в течение некоторого времени он готовил для своего физического тела. Когда он, так сказать, откладывает в сторону свою работу для следующей земной жизни, он приходит к возможности вступить в другое, чем прежде, отношение к Космосу; он приходит к возможности привести себя в связь со всем космическим эфиром. И как последний акт своего нисхождения из духовных миров, он извлекает из всеобщего мирового эфира те силы, из которых образует свое эфирное тело.

Когда после длительного пути духовный зачаток был уже ниспослан к чете родителей для физической основы тела, сам человек еще задерживается в духовном мире, собирает вокруг себя в духовном мире эфир, так что на короткое время становится существом, состоящим из “Я”, астрального тела и эфира; эфир стягивается в эфирное тело. И только в эмбриональном периоде, на 3-й, 4-й неделе после зачатия, человек соединяет то, что образовалось в течение 3-4 первых недель из сочетания духовного зачатка с физическим зародышем, то есть то, что пришло на Землю раньше, чем он, — это (образование) соединяет со своею сущностью, наделяет его эфирным телом, которым он облек себя из мирового эфира: человек становится существом, состоящим из того, что возникло, как уже ниспосланное ранее из физического тела, эфирного тела, которые он собрал вокруг себя, так сказать, в последний момент своего космического бытия, астрального тела и “Я”, которые прошли через жизнь между смертью и новым рождением.

Так сходит человек после того, как он имел чисто духовные переживания, вниз, к новому бытию в физическом мире. Из сказанного вам будет ясно, что когда человек переживает мир между смертью и новым рождением, то он переживает его в воспоминании о древних временах земного развития — о том, что мы можем назвать также мировым развитием. То, что человек переживает тогда как мировые воспоминания, которые, однако, становятся его действиями, потому что он именно действует сообразно этим воспоминаниям вместе с теми высшими существами, о которых я говорил и о которых еще должно быть сказано дальше, — итак, то, что он выполняет тогда, вспоминая — действуя и действуя — вспоминая, — это есть значительная перспектива в прошлое Земли и мира. То, через что человек проходит в связи с лунными существами, вновь пробуждает в его душе ту эпоху, которую он переживал в прежних земных жизнях — в тех земных жизнях, когда он стоял к ним уже в таком же отношении, как теперь. Человек обзревает ряд земных жизней, которые подобны современной. Но затем человек смотрит дальше назад и созерцает ту эпоху Земли, когда он на самой Земле стоял в связи с теперешним лунным населением. Он видит в прошлом ту эпоху, от которой вовне физического бытия его отделяет то, что геологи на Земле называют **ледниковым периодом**. Он видит в прошлом ту эпоху земного развития, которую в моих книгах я обрисовал как Атлантиду. Но он смотрит еще дальше назад, на то, что вы найдете как описание лемурийской эпохи. Тогда Земля была еще совсем в другом состоянии. Тогда человек еще не был так прикреплен к Земле, чтобы ходить по ней ногами. Он жил тогда более в окружении Земли, в атмосфере Земли, как

эфирное существо. Это было возможно благодаря тому, что атмосфера еще содержала в себе растворенной не только всю воду, опустившуюся потом на континенты, но и другие вещества, которые стали теперь твердой землей. Человек жил более в окружении Земли в эпоху, которую — дело опять-таки не в терминологии — можно назвать лемурийской, соответствующей тому, что естествоиспытатели обозначают как древнейшую эпоху Земли. Но затем мы смотрим в еще более далекое прошлое, когда человек был соединен с самими солнечными существами, с солнечным населением, прежде чем в космическом развитии Солнце отделилось от Земли. Мы смотрим назад, в ту эпоху, которую я обрисовал в книге «Тайноведение» как солнечный период самой Земли, как второе состояние развития Земли. Но сначала мы смотрим **только на повторение в земном бытии** этого космического развития. И именно это повторение рассматриваем мы в прошлом. Но когда человеческое познание некоторым образом дополняется тем, что человек может пережить между смертью и новым рождением, тогда это человеческое познание становится космологическим познанием. То, что было развитием Земли, поднимается выше в связи с результатами повторных ступеней земного бытия в человеческих действиях, которые человек совершает совместно с высшими существами. Прошлое Земли в ее связи со всей планетной системой, Солнцем, Луной и зависящими от них планетами, выступает вновь в деяниях людей. Из того, что тогда выступает, человек образует себе отрезок будущего, который он должен прежде всего построить, — свое ближайшее земное бытие. Но одновременно он включен в подготовку всего того будущего, которое готовится для мира, — бытие Юпитера, бытие Венеры, бытие Вулкана, в которые перейдет бытие Земли. Когда мы всматриваемся в эти события, то можем постигнуть, каков был отрезок мирового развития Земли, так сказать, в древние, космические времена. Мы смотрим здесь в ту далекую космическую эпоху, когда теперешнее лунное население давало земным людям их учителей. Затем это лунное население с этими позднейшими великими учителями человечества удалилось в лунную крепость Космоса.

Но на Земле все снова и снова рождались люди, которые во всей своей кармической жизни имели возможность оставаться в тесной связи с переживаниями лунного населения. Так что эти существа, которые опять и опять рождались в ходе развития Земли, являлись как посланники великого собрания лунного населения людям, которые в первую, вторую, третью эпохи культуры населяли Землю и развивали высокую культуру на Востоке. Бодисаттвами называли этих, так сказать, посланников Луны. Они были людьми на Земле, но в них продолжало жить то духовное, что через великих лунных учителей присутствовало непосредственно на Земле. Но во Вселенной вновь и вновь наступают периоды, когда лунное население, так как оно стоит ближе к солнечному населению, чем земному населению, завязывает особенно близкие отношения с солнечным населением, благодаря чему этим обходным путем через посланников Луны, которые на Востоке именовались Бодисаттвами, именно солнечная мудрость могла проникнуть также к людям Земли в более древних восточных культурах.

Но затем, благодаря дальнейшему продвижению развития Земли, стало необходимо, чтобы земная культура была, так сказать, питаема не только существами Луны. Все развитие Земли приняло бы совсем другое, не предназначенное ей космической мудростью направление, если бы эти посланники Луны продолжали и далее появляться в земном развитии. Поэтому произошло то великое, глубоко значительное событие, которое мы отмечаем как Мистерию Голгофы. Если посланники Луны были, в известном отношении, теми, которые в древние времена принесли на Землю солнечную мудрость, то существо, которое было главой солнечных духов, через Мистерию Голгофы сошло на Землю, воплотилось в человеке Иисусе. Благодаря этому создались совсем новые условия для развития Земли. То, что стало мудростью солнечных существ, это было через Христа Иисуса внесено как импульс в развитие самой Земли. Поэтому дальнейшее развитие Земли должно протекать под действием импульса Христа Иисуса.

Когда произошла Мистерия Голгофы, то на Земле было еще так много лунной мудрости, что эта древняя лунная мудрость, явившаяся как гнозис, как *«Pistis Sophia»*³ — ибо это и есть древняя лунная мудрость, — могла понять, что значит Христос.

Древняя лунная мудрость существовала, и она выступила как гнозис. Сущность гнозиса заключалась именно в стремлении постигнуть Христа во всей его духовности. Но гнозис был истреблен. Это первый акт той эволюции, которая пошла в сторону временного непонимания Мистерии Голгофы: гнозис был истреблен, так что мы можем о нем судить только по писаниям противников.

Представьте только себе, что от современной духовной науки осталось бы только то, что писали о ней противники, и вы будете иметь представление о том, что, собственно, знают люди о гнозисе из сохранившихся источников. Они знают лишь то, что говорили противники, и то немного, что осталось в сочинении *«Pistis Sophia»*, которого они не понимают. Вот все, что люди знают о гнозисе. Гнозис был, в сущности, лунный дар из древних времен первым столетиям, главным образом, четырем столетиям христианского развития; с IV века гнозис перестали уже понимать. Следовательно, это то, что — как мы могли бы сказать, из древней лунной мудрости, из лунного Логоса — могло быть сказано о солнечном Логосе, Который пришел на Землю, — о Христе. Кто знает эти соотношения, действительно может понять истинный гнозис, который был понят так ложно, о котором в наше время было сказано, собственно, столько странных вещей. Но на этом нельзя остановиться, то есть развитие Земли должно идти дальше. Мы должны действительно продвинуться вперед от древней лунной мудрости к новой солнечной мудрости. Мы должны научиться непосредственно понимать солнечную мудрость. Завтра я предполагаю еще показать вам, как, в сущности, именно лунная мудрость говорила к человеку, когда он привел к известному завершению в некоторого рода шаге дыхания, в преобразовании процесса дыхания. Путем этого преобразования йог открывает для себя доступ к древней лунной мудрости.

³ *) Ныне главное гностическое сочинение, изданное на коптском языке.

Западным людям этот путь йоги более уже не подходит. Они должны прийти непосредственно к имажинации. Но выступают разного рода препятствия. Поэтому развитие человеческих культур может идти восходящим путем, только если человечество воспримет духовный спиритуальный импульс. Это связано с его интимнейшими судьбами. Во все эпохи, когда появлялись Бодисаттвы, они, говоря в целом, встречали сопротивление в человечестве; и хотя с внешней стороны древние времена часто кажутся нам жестокими, грозными, страшными, но в людях всегда существовала возможность принести добрую волю навстречу импульсам из духовного мира. Так что Бодисаттвы встречали всегда человечество, в котором они находили приятие того, что было древним лунным Логосом, отблеском солнечного Логоса. Но этим древним способом никогда уже нельзя будет впредь говорить к человечеству.

Но то, что некогда было, подвигается дальше, так что и древняя лунная мудрость, древний лунный Логос не может исчезнуть, он должен продолжаться, но он должен быть воспринят в солнечное Слово, которое, со своей стороны, — после утраты последнего наследия в гнозисе — должно быть теперь также отыскано снова. И говорить к человечеству на истинном солнечном языке можно будет не прежде, чем люди принесут добрую волю навстречу солнечному слову. Поэтому также человечество будет напрасно ждать появления одного из преемников древних Бодисаттв. Ибо явится или нет Бодисаттва для человечества, это будет зависеть от того, принесет или нет человечество навстречу ему понимание. Человечество в настоящее время глубоко расколото на восточное и западное. И над отдельными националистическими стремлениями еще недостаточно поднялось по всей Земле то общечеловеческое сознание, которое должно быть, собственно, результатом именно христианского импульса. Но человечество не найдет подъема к этому общечеловеческому, к этому христианскому импульсу и поэтому также не сможет понять того, что мог бы сказать ему могущий появиться Бодисаттва, пока оно не разовьет в себе достаточного духовного стремления и силой этого духовного стремления создаст мост для понимания между Востоком и Западом по всей Земле.

Я касаюсь здесь темы, которая будет продолжена завтра, причем должно быть показано, что не люди должны ждать Бодисаттву, а Бодисаттва должен ждать, чтобы люди принесли навстречу ему понимание, прежде чем он сможет заговорить с ними на своем языке, ибо человечество вступило теперь в эпоху свободы.

Именно об этом вступлении в эпоху свободы в связи с только что затронутой темой мы продолжим свои рассуждения завтра. Но все то, что должно пройти человечество, чтобы действительно найти наиболее внутренний импульс вверх, к духовному миру, все это связано с различными по виду незначительными явлениями и симптомами цивилизации и культуры.

Простите, что то великое, чего я сейчас коснулся, я сближаю с ничтожным, но на мелких симптомах можно видеть великое. Несколько дней тому назад я сказал: именно здесь, где имажинации так прочно удерживаются в духе, они разрушаются вторжением авто. Я уже указывал,

что говорю не против авто: антропософ не может высказывать ничего реакционного. Я, разумеется, с восторгом ездю в авто, когда это необходимо, ибо мы не должны желать повернуть ход мира обратно, и езда на авто вполне правомерна. Но когда выступает одно, то ему должно быть противопоставлено другое; и **наряду с ездою в авто и всем, что с этим связано, должно раскрыться сердце, которое стремится к духовному миру.** Тогда человечество сможет пройти вперед своей собственной силой и своей свободой, которая должна была проявиться, но которая должна вновь привести к Бодисаттве.

С механизмами, которые появляются в мире для услуг человеку, человечество может справиться само. И поэтому можно сказать: **со всем тем, что выступает как авто, — пишущие машины и т.д., — человечество может само совладать своей силой.**

Иначе обстоит дело — простите, что я заканчиваю тем, что кажется таким тривиальным, — иначе обстоит дело с **граммофоном.** Здесь человечество хочет замкнуть в механизмы искусство. Если бы человечество получило пристрастие к этой механизации того, что сходит в мир как тень духовного, — следовательно, если бы человечество было увлечено тем, выражением чего служит граммофон, тогда само оно себе уже не поможет. Тогда ему должны помочь боги. Но боги милостивы; и есть надежда, что в дальнейшем развитии цивилизации милостивые боги помогут человечеству преодолеть даже такие заблуждения вкуса, как то, что проявляется в граммофоне.

Лекция двенадцатая

30 августа 1923 г., Пенменмаур

ЭВОЛЮЦИЯ МИРА В СВЯЗИ С ЭВОЛЮЦИЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Если мы сознательно объединим те сообщения, которые были даны здесь о мире и о человеке, то мы убедимся, что человек несет в себе — хотя бы только в образе — прошлое мира и может постепенно вызвать в сознании эти образы мирового прошлого. Разумеется, в дневном сознании из всего этого нет ничего, кроме того воспоминания, которое указывает человеку на переживания, какие он имел в этой земной жизни. Но если человек проведет это обыкновенное сознание по тем путям, на которые я указал, то по мере растущего просветления его духовного сознания в нем все больше и больше будет всплывать прошлое мирового развития, и мы уже видели, как именно человек должен вновь пережить это мировое прошлое между смертью и новым рождением.

Мы можем сказать: когда в имажинации постепенно становится видимым также и то, что в земном бытии остается скрытым для чувственного восприятия, тогда человек созерцает уже не только то, что оставило после себя образы воспоминания в ходе его земной жизни, тогда

он видит то, **что создало его самого**, что образовывало его изнутри вовне, как силы роста, как силы питания, которые, однако, все исходят из духа.

Далее: в инспирации человек взирает в доземное бытие, но в доземное бытие не только своего собственного существа. Ибо мы уже видели, как он отделяется, так сказать, от космического острова Земли и выходит в свободное космическое мировое море, в которое включены звезды, но теперь эти звезды становятся для него местом обитания духовных существ.

И далее, когда выступает интуиция, человек взирает в свои прошлые земные жизни. Но, одновременно с этими прошлыми земными жизнями, перед взором всплывает прошлая жизнь всего мира в целом. Человек поистине рожден из всей Вселенной, и вся эта Вселенная живет в его физическом, в его эфирном, в его астральном телах и — во время земной жизни — менее всего живет в его “Я”. Все это содержится в человеке. Все это действует и движется в его внутреннем существе. Как люди, мы несем в себе все прошлое мирового развития, над которым работали неисчислимые генерации божественных духов. Всю эту работу божественной духовной генерации мы несем в строении своих органов; мы несем ее в тех силах, которые оживляют и пронизывают наши органы; мы несем ее в себе, когда наши органы процветают ощущениями и мыслями. Мы несем в себе деятельность всей эволюции мира, поскольку она принадлежит прошлому.

Если после того, как мы — хотя бы в мыслях — сделали свой взгляд, так сказать, более зорким для прошлого, — если после этого мы посмотрим на мир, который составляет наше окружение здесь, на Земле, то мы, конечно, заметим, что в обыкновенном сознании мы видим от этого мира лишь то, что предлагают нам чувства и что на основе чувственных восприятий может усвоить рассудок. Но, в сущности, это лишь самая малая часть. Ибо за чувственным бытием лежит весьма обширное духовное бытие, то духовное бытие, которое действует во всех красках, выступающих в природе, во всех звуках, какие можно услышать в природе, во всех восприятиях тепла и холода, вообще во всем, что действует на человека из явлений природы.

Но, кроме явленного физического чувственного бытия природы, есть скрытое духовное бытие природы, скрытый духовный окружающий нас мир. И этот окружающий нас мир, от которого в чувственном восприятии мы видим, так сказать, только самую внешнюю сторону, — этот мир уже несет в своей глубине будущее развитие человека. Как мы несем в своем внутреннем существе в мощных образах все прошедшее и сами являемся порождением этих образов, так в скрытой природе действует и творит то, что — когда оно раскроется как мировое развитие — принесет нам наше будущее. Следовательно, мы можем поставить перед собой глубоко значительные слова: **в своем внутреннем существе человек несет прошлое мира; внешний мир несет в себе будущее человека**. Таковы две аксиомы, два основных положения эволюции мира и эволюции человека. Это выражено уже в отдельном человеческом существе. В человеке есть огромная разница между всем тем, что стремится в сторону

организации головы и в сторону остального тела. Выражая это несколько более грубо, можно сказать: конечно, в действительности все это гораздо тоньше: от сердца в сторону головы действуют силы, благодаря которым голова получает свою особенную конфигурацию, покрывается сверху твердым черепным покровом, заполняется внутри тем, что представляет собой вообще величайшее в мире произведение созидательного искусства, — извилинами и сплетениями головного мозга и включениями человеческих органов чувств. Все, что живет в этих силах, — все, что от сердца и груди излучается вверх, к голове, — все это есть следствие прошлого. То, каким оно стало теперь в человеке, все это могло сложиться только благодаря тому, что, как сказано, неисчислимые генерации божественных духов работали над этим в ходе метаморфоз мировых тел, в ходе планетарных метаморфоз. И в своем «Тайноведении» я ведь уже сказал, что настоящему развитию Земли предшествовало развитие Сатурна, развитие Солнца, развитие Луны, после чего наступило то развитие Земли, в котором мы живем. В этом развитии Земли повторилось сначала развитие Сатурна, развитие Солнца, развитие Луны. Мы перешли теперь немного дальше середины собственно земного развития в развитии человека. Все те силы, которые в течение долгих периодов развивались под влиянием божественных духовных существ, — все эти силы живут в физическом теле земного человека, излучаясь от сердца вверх, к голове. То, что вы постоянно носите в себе, в вашем физическом, эфирном, астральном и в существе «Я», — то, что излучается от среднего человека в сторону головного человека, — все это подготовили и создали смены богов в течение безмерных периодов времени. И последнее, что живет в этих излучающих силах, живет еще бессознательно для современного человека, — есть то, что во время земной жизни проявляет себя как **его карма, как прошлое самого «Я»**. Так что можно сказать: когда мы проникаем к этим космическим силам воспоминания, то созерцаем прежде всего нашу карму, затем различные стадии земного развития, а затем уже метаморфозу — планетарные видоизменения, через которые прошла Земля, прежде чем стать именно Землей. Ибо, прежде чем могла возникнуть Земля, должно было сначала появиться такое мировое тело, которое состояло только из тонкого тепла, — Сатурн; он должен был умереть и появиться в новом бытии как Солнце, последним остатком которого является то Солнце, которое мы видим вовне, в мировом пространстве. Это было мировое тело, состоящее только из Воздуха. Оно должно было, в свою очередь, умереть, чтобы могло возникнуть состоящее уже из водной субстанции мировое тело — Луна. Она должна была умереть, чтобы могла выступить появившаяся в твердой, в минеральной субстанции Земля, на которой впервые мог развиваться человек — тот земной человек, каким он является теперь.

И если мы имеем в себе эти стремящиеся вверх силы, то мы несем в себе также и стремящиеся вниз силы, которые также имеют своего рода центр в сердце; благодаря тем и другим силам поток кровообращения изливается в движения наших конечностей.

То, что имеется в этих силах, живет в каждом движении руки, когда вы что-нибудь берете, когда вы осуществляете какую-нибудь внешнюю

земную деятельность, живет в каждом шаге, который вы предпринимаете, чтобы выполнить ваши земные дела. Но это суть силы, которые принадлежат скрытому окружающему нас миру. И они не принадлежат прошлому. Они только будут восприняты в лоне прошлого, которое будет, однако, будущим прошлым, когда человек пройдет через врата смерти и сменит свое земное бытие на звездное бытие.

В этих силах подготавливается будущее человека. И это будущее возникает из взаимодействия этих сил с теми силами, которые имеются вовне в скрытой природе. Так несет в себе мир будущее человека в своей собственной эволюции. И человек является именно сильно дифференцированным в отношении этих нижних сил. То познание, которое может быть приобретено после встречи со Стражем Порога, показывает именно, насколько сильно человек дифференцирован в отношении этих двух направлений сил.

Ибо для обыкновенного сознания все, что лежит ниже сердца, остается бессознательным. Но оттого оно не менее наполнено сознанием, хотя и таким сознанием, к которому в настоящее время человек еще не проникает. Поэтому в своем переживании человек построен внутренне иначе, чем в своем сознании. В своем сознании он воспринимает ведь только то, что вдвигается, так сказать, на поверхность, наподобие острова, из всех остальных переживаний, которые он при этом имеет. И кто может действительно пронизать существо человека, тот знает, как много в нем еще дочеловеческих сил.

Так можно видеть, что человек совершает тот или другой поступок, который в настоящий момент его земной жизни доставляет ему **удовольствие**, дает ему удовлетворение. Его голова удовлетворена. По каким-либо причинам человек совершает, может быть, даже довольно **злое** дело: **его голова удовлетворена**. От обыкновенного сознания эти соотношения скрыты. Но как бы сильно ни была удовлетворена голова человека, однако рука, которая совершает это дело, **рука дрожит** — в подсознании, которое не менее есть некое сознание в мире. И хотя этот вздрагивание не всегда внешне видимо, но в эфирном и астральном теле оно становится дрожью. Так это внутренне можно видеть, что **в голове человек может быть удовлетворен совершенным поступком, но в подсознании это удовлетворение становится содроганием, становится дрожью в тех астрально-эфирных органах, которые связаны с руками, или в тех, которые связаны с ногами**. В том, что вызывает в голове удовлетворение злым поступком, — в этом, хотелось бы сказать, умирает сознание; но другое сознание открывается в том, что в нижнем человеке содрогается перед поступком.

В этом содрогании подготавливается грядущая карма. Ибо эта дрожь есть трепет перед силами скрытой природы, скрытого мира. В этом содрогании человек заранее предчувствует то, что он переживет, как суждение звезд, когда покинет остров Земли и выйдет в обширный океан звездного бытия.

Итак, мы можем сказать: в человеке различным образом живет прошлое мира. И это прошлое мира и будущее мира живут также во внешнем образовании физического тела. То, что человек несет на себе как

организацию головы, то, что является самым удивительным, самым совершенным произведением всего мирового развития, — это в (своей) большей части разрушается, когда человек проходит через врата смерти, — разрушается также и в своем духовно-внутреннем содержании. Напротив, то, что человек имеет в своей нижней организации, — если даже вы рассматриваете это только физически, — показывает вам образ того духовно-душевного, что живет в руках, в кистях рук, во всей организации конечностей и обмена веществ, ибо в этой организации конечностей и обмена веществ живет не только то, что видимо как плоть и кровь. За тем, что вы видите как плоть и кровь в образованиях физической природы рук и ног, живут духовные силы. Эти духовные силы изливаются в настоящее время через ваши руки и ноги. В будущей земной жизни они будут изливаться через те органы, которые действуют в подвижности верхней и нижней челюсти в их продолжении вовнутрь. Кости головы в их пластическом образовании будут в следующей земной жизни видоизмененными костями рук и ног — конечно, их духовная часть; физическое отпадает. То, что теперь вы несете на себе как руки и ноги, это в следующей земной жизни вы будете носить в себе как образования головы — в смысле сил, в смысле динамики. Так что сама физическая организация отражает в себе то, как человек идет через земные жизни. Кто правильно рассматривает художественную пластику человеческой головы в настоящей земной жизни, тот увидит как формы, которые человек образовал благодаря тому, что он делал в предыдущей земной инкарнации в обыкновенной жизни в обращении с людьми и земным миром при помощи своих рук и ног, — действия рук и ног одной земной инкарнации продолжают жить в формах головы следующей земной инкарнации. Обычная френология в этом отношении дилетантична, так как она дает различные рассудочные интерпретации форм головы. Но за всем этим скрыта глубокая оккультная френология, которая у каждого человека индивидуальна и поэтому не может быть изучена на основании общих правил, но из форм головы позволяет разгадать при помощи интуиции то, к чему человек подготовил себя, когда ходил, действовал, совершал поступки в предыдущей земной жизни. Так связаны между собой прошлое и будущее в развитии мира и в развитии человека. Так стоит человек перед нами, перед собой и являет в том, чем он стал, работу божественных духовных существ, которые действовали в течение неизмеримых времен. Разумеется, мы можем дать только краткий обзор явлений современной человеческой жизни, которые указывают на то, что совершили эти божественные духовные существа в метаморфозе земной эволюции через Сатурн, Солнце, Луну для образования человека, для всей жизни человека.

Возьмем прежде всего три главнейших импульса в земной человеческой жизни, которые мы должны отметить как особенно характерные для человека.

Если даже с обыкновенным сознанием всматриваться в то чудесное, что открывается, когда с первых дней своей жизни человеческое существо непрерывно развивается все дальше и дальше, то, имея для этого некоторый глаз, можно хотя бы предчувствовать те безмерные глубины,

исходя из которых в течение первых дней и недель душевно-духовное стремится преобразовать неопределенную форму младенца во все более и более определенную и в дальнейшем превратить хаотичные движения рук и ног в упорядоченные движения; мы предчувствуем, что здесь открывается нечто, заложенное в бесконечных глубинах скрытого бытия природы, как то духовное, что проявляется в теле. Можно сказать: поистине, на Земле нельзя видеть ничего более чудесного, как это раскрытие внутреннего человека во внешнем человеке, когда ребенок развивается в самые первые годы своей жизни. И если мы умеем наполнить это зрелище религиозно-художественным смыслом, тогда смирение, которое можно почувствовать при виде всего, что здесь происходит, — смирение перед тем духовным, что здесь открывается, поистине превышает все художественно-научные или религиозные впечатления, которые можно получить во внешнем мире. Но выделим в этом детском развитии, в этом раскрытии ребенка три момента. В обычной жизни мы говорим так: ребенок учится ходить. В действительности это есть нечто чудесное. Ибо сколько движения скрыто в этом: ребенок учится ходить. Всеми своими конечностями ребенок переходит из того направления, которое параллельно к земной поверхности, в вертикальное положение — он выпрямляется.

В этот момент, который мы отмечаем лишь по самому чувственно-заметному признаку, когда говорим: **ребенок учится ходить**, — в этот момент своей жизни ребенок учится изменять все свое отношение к силам Земли. Он учится включать себя со своим собственным равновесием, с соразмерностью своих сил в целый Космос. И одновременно в том, что нам здесь является, мы видим, как человек возвышается над миром животных. Ибо для животного это невозможно; животное не переживает этого момента в своей жизни. Своим позвоночником оно, в основном, остается параллельным к земле или, если оно, как, например, обезьяны, принимает вертикальное положение, то **это находится в противоречии** с его организацией. Кто хочет правильно судить о человеке, тот должен уметь в истинном свете увидеть, как ребенок учится ходить. Естествоиспытатели производили сравнение костей человека с костями животных и установили, что кости человека суть видоизмененные кости животных, что мышцы человека суть видоизмененные мышцы животных и т.д. И то же самое относится ко всем органам. Но этим путем, конечно, нельзя найти различие между человеком и животным; отличие человека от животного можно увидеть, только если взять человека в тот момент, когда он освобождается от того, что в первое время жизни сближает его с животным, и переходит к прямостоянию — когда он выпрямляется, устанавливает свое равновесие в равновесии всего мира. Человек никогда не достиг бы такого искусства, если бы это не было подготовлено уже в древнейшие времена.

В зачатке это искусство покоилось в человеческом существе еще во время бытия Сатурна. Во времена бытия Сатурна божественные духи положили зачаток того, что проявляется, когда ребенок, как мы говорим, учится ходить. Тогда еще не было совсем никаких животных; они появились позднее, во время бытия Солнца. Так что **по своему началу**

человек старше животных.

Все те незримые силы развития, которые приводят человека к умению ходить, указывают в своем происхождении на отдаленнейшее бытие Сатурна.

Второе, что происходит в ребенке, есть то, что в результате его ориентирования в пространстве силы направляются и нажимают вовнутрь.

И эти направляющиеся вовнутрь силы проявляются также особым образом. Я беру мел. Тогда сила идет вовне. Но противоположная ей сила идет вовнутрь и разряжается во внутренних органах. Эта приводимая в движение ориентированием членов, направленная вовнутрь сила проявляется в детском развитии, когда ребенок учится говорить. Это — второе, чему учится ребенок, — **говорить**. Сначала силы идут вовне: ребенок учится ориентироваться в пространстве. Те же силы идут вовнутрь: ребенок учится говорить. Естествознанию известна только малая часть этого процесса. Ибо оно знает только о том, что **владеющий лучше правой рукой имеет центр речи в левом полушарии мозга, а левша имеет центр речи в правом полушарии мозга**. Но все, что в головном мозге связано с развитием речи, — все это вырабатывается в нем впервые благодаря движению конечностей, в то время как ребенок учится ходить, двигаться, брать, охватывать вещи. Это суть направленные вовнутрь силы, которые, исходя от мозга, переходят в органы речи.

И здесь также божественные духовные существа в безмерно далеком прошлом готовили человеческую организацию к тому, чтобы ребенок мог научиться говорить. Этот факт, что человек может говорить, зависит от того, что божественные духовные существа работали над этим на Солнце. И третье, что ребенок развивает, исходя из речи, — то, что человечество также развивало из этой способности речи (ибо в земном развитии люди научились сперва говорить и потом уже мыслить), — это есть **мышление**. И мышление, мысль была подготовлена божественными духовными существами в период Луны. Так происходило развитие человека в прошлом — божественные духовные существа работали над ним. **Прямохождение, речь, мышление — развитие Сатурна, развитие Солнца, развитие Луны**. В развитии мира во время развития Солнца выступили животные, но, конечно, в другом образе, чем современный. В настоящее время они должны питаться растениями, что тогда было для них не нужно: они были только воздушными животными существами, состоящими из воздушной материи. Во время лунного бытия к этому присоединились растения. Затем развитие переходит к бытию Земли. Только тогда человек развивает то, в чем зримо живут силы, дающие способность ходить, говорить, мыслить, — развивает свою человеческую форму, свой образ. Вместе с формой выступает минеральное царство.

И минеральное царство включается тогда также и в человека. Этим мы обрисовали прошлое человека. Если мы хотим увидеть будущее человека, то, желая взять что-либо из имеющегося в настоящее время, мы должны сказать о **старости**. Мы должны обрисовать то, что в теперешнем человечестве выражается в высшей степени неясно, когда человек стареет, когда он становится старым. Если проявляющиеся способности

ходить, говорить, мыслить мы наблюдаем совершенно отчетливо в развитии ребенка благодаря тому, что это явно открывается вовне, то напротив, в настоящее время мы еще очень мало замечаем, если не смотрим на человека духовным взглядом, — мало замечаем то, что к старости становится, так сказать, все более и более духовным в человеке. Я уже сказал, что постепенное раскрытие душевно-духовного в теле ребенка есть нечто поистине наиболее чудесное в мире и что если мы увидим это в правильном свете, то нас может охватить глубочайшее религиозное чувство, глубочайшее переживание искусства. Но, с другой стороны, столь же удивительно и чудесно видеть, как то, что человек переживает в своем земном бытии, во всем своем существе, благодаря только способности ходить, говорить, мыслить, как мало-помалу это опять исчезает в духовное, чтобы затем пройти через врата смерти, видеть, как мысли, слова — как все, чего человек достиг и что сделал руками, — как все это исчезает в духовное и как затем то духовное, что человек получает благодаря тому, что он мыслит, говорит и ходит, он вносит через врата смерти опять в духовную жизнь. И как то, что проявляется в ребенке в виде способности ходить, говорить, мыслить, указывает нам на предыдущие стадии развития Земли, Сатурна, Солнца, Луны, так же точно указывает нам то, что человек переживает в своих мыслях, прежде всего на его следующие земные жизни, а затем на великие эпохи развития Земли. Но при этом развитие, раскрытие мира и человека указывает нам на то состояние, которое может быть пережито только после того, как Земля умрет и возродится опять в новом планетарном бытии, в бытии Юпитера; на это бытие указывают нам мысли человека, ибо тогда эти человеческие мысли не будут уже в такой постоянной смене жить в человеке, но примут сами некий, более устойчивый образ. И принявшая образ мысль выступит в облике человека.

Теперь мы можем скрывать в себе свои мысли, и при случае наше лицо может быть в высшей степени невинным, когда внутри мы виновны. Это будет для нас невозможно при следующей метаморфозе земного бытия — в бытии Юпитера. **Тогда мы будем иметь такое лицо, какое нам создадут наши мысли.** Ибо наш человеческий облик не будет уже таким твердым, минерально-твердым, но будет сам внутренне подвижным, будет состоять из совсем мягкого вещества. И если кто-нибудь будет питать в себе фальшивую мысль, то эта мысль проступит в мгновенном образовании его лица явно для окружающих. Каждая мысль в то же мгновение будет принимать образ. И в том виде, каковы будут постоянные мысли, каков будет темперамент, в таком виде человек будет являться перед людьми. Во время бытия Юпитера будет сразу же видно, кто злодей или кто имеет одни только животные влечения. Такова первая стадия человека в будущем.

Вторая стадия есть то, что человек может развить из своей способности речи. Ибо теперь речь есть то, что проникает вовне из внутреннего существа человека только через посредство воздуха. В будущем речь станет творческой. Сказанное слово не будет звучать и замирать только в воздухе; сказанное слово будет оставаться и существовать. Посредством слова человек будет творить образы.

Итак, своими мыслями человек будет создавать свой собственный образ, уже начиная с бытия Юпитера; своей речью он будет создавать образ окружающего его мира во время бытия Венеры, которое будет состоять из тонкой, как воздух, материи; человек произнесет злое слово — в воздухе будет возникать как бы уродливый растительный образ. Так что **человек будет иметь вокруг себя порождения собственной речи**. Выступят творческие чувства. Творческая речь и творчески действующие в речи чувства выступят во время бытия Венеры. А то, что живет в способности ходить, в движении рук, — это разовьется во время последней метаморфозы Земли, в бытии Вулкана.

В настоящее время мы идем по своим делам, мы выполняем их своими руками. Но эти движения не остаются. Я иду туда-то; я должен сделать то-то; разумеется, это может быть также и что-нибудь сложное; я могу пройти сложный путь и т.п.; или, например, может происходить война. Затем мы уходим. И тогда во внешнем мире ничего не остается от наших движений. Во время бытия Вулкана все будет оставаться. Тогда человек будет не только ходить, брать что-либо руками, но все, что он прошел, все, что он брал, — все эти действия будут врисованы в бытии Вулкана. Все его дела воплотятся в действительность в бытии Вулкана. Так что в бытии Вулкана мы имеем воплощенную в действительность реализованную деятельность человека.

Движение	Речь	Форма	Юпитер	Венера	Вулкан
Сатурн	Солнце	Земля	Мысль, принявшая образ	Творческая речь	Воплощенная в действенность
человек	животное	минерал			

Вы видите, какой огромный рубеж лежит в развитии Земли между прошлым и будущим развития мира и человечества. Все, что происходило до Земли, сделали божественные духовные существа. То, что последует дальше, сделает сам человек.

Это есть явление свободы в существе человека внутри Космоса. Человек поставлен в мир богами. Он получает свое свободное бытие; он имеет от богов свою способность ходить, говорить, мыслить, даже свою форму. В будущем благодаря своей способности ходить, говорить, мыслить, он включен в эволюцию мира тем, чем является он сам. И в настоящее время человек подошел именно к тому, чтобы из прошлого перейти в будущее. Ибо он имеет часть прошлого в том, что лежит в его собственной карме, и он имеет часть будущего в том, что он сам из своей свободы поволит для кармы в будущем. В настоящем человек проходит как бы время учения между прошлым и будущим. Это имеет своим последствием тот факт, что события не могут происходить в точности так, как это было предназначено, о чем я вчера говорил. Я сказал, что между двумя инкарнациями должно проходить 2160 лет. Но человек берет из своей

земной жизни далеко не все то, что он мог бы взять из этой земной жизни. Поэтому в действительности периоды между смертью и новым рождением для многих людей складываются совсем иначе — не 2160 лет, а гораздо короче.

Люди, которые были всецело преданы только земной жизни, люди, которые имеют в своем существе нечто преступное, — эти люди имеют мало возможности выйти в океан звездного бытия; они вскоре возвращаются опять к земной жизни, проведя лишь короткое время между смертью и новым рождением. Другие должны в течение долгого времени повышать и совершенствовать то духовно-душевное, что они образовали в себе уже в земной жизни. Так что можно сказать: именно **люди с животными склонностями, всецело преданные своим влечениям, своим страстям, скоро приходят назад**. Те, которые духовно прошли нормальное развитие, возвращаются через более долгий срок. Но могут быть, например, и такие люди, которые могут черпать побуждение из самой земной жизни благодаря более глубокому восприятию того, что дается в современную эпоху, — именно потому, что они глубоко и духовно смотрят на мир, — эти люди могут воспринять в себя импульсы и иметь **жертвенную волю** вернуться назад, как только будут в состоянии снова содействовать развитию Земли. Ибо если уже в земной жизни нести навстречу духу любовь, то можно ускорить — скорее пройти те три или шесть кругов, которые я обрисовал вчера (круг Марса, Юпитера, Сатурна). Кто проходит через врата смерти, наделенный низшими влечениями, тот раньше — содрогаясь — бросается назад, не завершает кругов, оказывается оттолкнутым именно от области астероидов. Человек, который правильно достигает области астероидов, проводит в настоящее время, можно сказать, от 700 до 800 лет между одной и другой земной жизнью. Это нормально для людей, которые не являются в прямом смысле низшими натурами. Но благодаря более глубокому прозрению и любви к духовному миру можно так же сознательно сократить жизнь между смертью и новым рождением. Тогда именно те натуры, которые многое приобрели от земной жизни, могут сравнительно скоро появиться опять с тем, чтобы снова работать на благо для преобразования земной цивилизации и земной культуры.

Я должен был направить ваши мысли от земного мира в мир звезд, в мир обитателей звезд, чтобы именно соответствующим современности образом перевести вас из того мира, во власти которого, вообще говоря, находится теперь человек, в тот мир, в который он должен вступить путем внутреннего познания, если он хочет правильно пережить свое будущее.

Лекция тринадцатая

31 августа 1923 г., Пенменмаур

ВСТУПЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ СВОБОДЫ

Из вчерашнего изложения эволюции мира в связи с эволюцией

человека вы могли видеть, что в развитии мира и человечества наступил момент, когда человечество постепенно должно прийти к свободе. Обозревая прошлое развитие мира, мы находим, что в отношении трех своих главных деятельностей — **походки, речи, мышления** — человек был подготовлен выше него стоящими божественными духовными существами. Мы видим, как для того, чтобы то, что совершили эти божественные духовные существа, могло — хотя еще бессознательно во время земной жизни — действовать в человеке, он между смертью и новым рождением постоянно все снова приводится в общение с этими существами. Я хотел бы только напомнить, что я показал, как силами Солнца, Луны, а в солнечной области — благодаря Марсу, Юпитеру, Сатурну человек вводится в мир звезд, то есть в то, что духовно соответствует миру звезд. И дополнительно к этому я хотел бы сказать, что когда в этой жизни — между смертью и новым рождением — человек должен начать, так сказать, возвратное странствие, после того, как достиг в области астероидов до восприятия импульсов Сатурна, что на этом возвратном пути человек должен войти в общение прежде всего с высочайшими божественными духовными существами высших Иерархий — с Престолами, Херувимами, Серафимами. Это суть существа, которые в своих импульсах имеют одновременно духовное и бытие природы, — существа, которые оживляют, животворяют, одухотворяют законы природы и, одновременно, хотят привести в созвучие с законами природы также и моральную жизнь всего Космоса. Это суть существа, которые, хотя и не проявляются никогда ни в какой физической форме откровения, но в духовном мире имеют **едва представимую безграничную мощь**, благодаря которой моральные законы могут поддерживаться в постоянной гармонии и созвучии с законами природы. Так, благодаря тому, что человек может во внеземном бытии все вновь оживлять импульсы прошлого, он приобретает возможность в своей эволюции действовать в смысле этих внеземных импульсов. Но в настоящую эпоху развития мира и человечества мы стоим перед жизненной задачей: все, что в прошлом было более или менее **несвободно**, что совершалось в человеке по высшему определению — **все это воспринять в свободу человека**.

Когда мы обозреваем эволюцию мира и человечества, то перед нами предстает в совершенно определенный момент как бы некий узел, через который человечество должно было пройти, переходя от прежней детерминации своего существа, от прежнего развития исключительно под водительством божественных духовных существ, к самостоятельной работе над возвышением своего существа в познании этих духовных существ, и благодаря этому, — к достижению свободы. Этот момент, который означает некоторым образом великий кризис для всей эволюции человечества на Земле, лежит около **333** года после Мистерии Голгофы. Все эти вещи, разумеется, примерны, так как счет времени также не вполне верный.

Когда мы рассматриваем этот критический момент в развитии мира и человечества, то можем охарактеризовать его приблизительно следующим образом. Мы можем сказать: если бы развитие человечества и самой

Земли продолжалось, как прежде, если бы люди оставались только под водительством тех божественных духовных сил, которые до сих пор вели человечество, тогда человечество не перешло бы к свободе. Но что это значило бы? Человечество не перешло бы к свободе, это значило бы: равновесие между двумя частями человеческого астрального тела было бы нарушено именно в этот момент.

Представьте себе связь физического и эфирного тел; их я не буду сейчас рисовать, я нарисую только астральное тело. Это астральное тело до 333 года в основном всегда было таким, что на диаграмме я должен нарисовать его так: большая часть этого астрального тела, более сильная часть этого астрального тела была в верхнем человеке; меньшая часть была в нижнем человеке. Средний человек находится посередине — между тем и другим. Благодаря тому, что верхняя часть астрального тела была более обширной в те древние времена, высшие божественные духовные существа оказывали через посредство этого астрального тела свое мощное воздействие на человека. Но в плане всей эволюции человечества лежало следующее: если это, например, было состояние человеческого астрального тела, скажем, с 3000 года до Христа, то это было состояние астрального тела в 1000 году до Христа, то есть нижняя часть астрального тела становилась все больше, а верхняя — соответственно этому — становилась все меньше. **И в 333 году было так, что верхняя часть астрального тела сравнялась с нижней.** Это был кризис 333 года после Христа. И с тех пор верхняя часть астрального тела все уменьшалась у человека. В этом состоит его развитие.

Следовательно, мы не можем проследить действительную эволюцию человека, если не умеем увидеть того, что происходит с астральным телом человека в ходе эволюции Земли. Если бы человек не испытал этого уменьшения верхней части своего астрального тела, то его “Я” не могло бы приобрести достаточно сильного влияния. Человек никогда не мог бы **стать свободным.** Так что **это убывание астрального тела происходит для пробуждения свободы.** Я говорил уже, что развитие совершается не так, чтобы можно было спросить: почему боги не устроили все таким образом, чтобы это нравилось людям? Боги должны были устроить Вселенную такой, чтобы она стала **возможной в себе.** И тогда именно многое из того, что более всего не нравится людям, покоится на том, что не нравится человеку, если он не разовьет себя для понимания этого. Это уменьшение астрального тела связано еще с другим, ибо от величины астрального тела в верхнем человеке — не от всего астрального тела, но от размеров астрального тела в верхнем человеке — зависит та сила, с какой человек из своего “Я” и астрального тела может господствовать над своим физическим и эфирным телами. И благодаря уменьшению астрального тела действительно появилась опасность постепенного ослабления здоровья всего человечества. Мы представляем себе эволюцию человечества правильно только в том случае, если знаем, что свобода должна была быть куплена ценой общей, выступающей, конечно, не в форме, например, холеры или тифа, болезни, но в форме общего заболевания человека по всей Земле. **Ибо свобода не может быть куплена иначе, как если я могу употребить это**

выражение ценой в известном смысле впадения в болезнь всего человечества.

Если бы и после 333 г. все силы продолжали действовать так же, как прежде, то люди на Земле становились бы все слабее и слабее. Они делались бы все более и более бессильными. И конец Земли наступил бы оттого, что человечество пришло бы в полный упадок.

Тогда именно произошло то, что я хотел бы охарактеризовать так: то единство божественных духовных сущностей, которое я обрисовал вам как пребывающее на Солнце, определило ниспослать на Землю своего посланника — Христа, дабы Он впервые свершил то, чего в таком роде **никогда не проходили божественные духовные сущности**, связанные с человечеством. Ибо, поистине, рождение и смерть суть совсем не то, как их представляет себе материалист, но они вступают **только** в земную жизнь человека. Все стоящие выше над человеком существа — Ангелы, Архангелы и т.д., вплоть до высочайших, не знали смерти; они проходили только через метаморфозы. Они изменялись из одной формы в другую. Они не рождались, но изменяли лишь образ. Они не умирали, но опять-таки изменялись из одного образа в другой. То же делает и человек, но при этом он снимает с себя свое физическое и эфирное тела, вследствие чего факт рождения и смерти для него есть нечто более радикальное, чем для всех других существ высших Иерархий. И руководители солнечных гармоний и солнечных импульсов определили ниспослать на Землю Христа, дабы Он, как существо, никогда прежде не знавшее рождения и смерти, прошел через эти чисто человеческие судьбы рождения и смерти. Таким образом, Мистерия Голгофы есть не только **человеческое дело, но есть дело богов**, которое приблизительно так можно охватить словами: солнечные боги собрались и держали совет, что должно быть совершено ими, дабы отвратить от человечества опасность все большего ослабления благодаря уменьшению астрального тела.

И тогда на Землю был ниспослан Христос, прошел через рождение и смерть, разумеется, не как человеческое, а как божественное существо. И это имело такое последствие, что благодаря событию Голгофы, благодаря смерти Христа в развитие Земли вошли силы, оздоравливающие то, что в вышеописанном смысле причиняли силы, приносящие болезнь. Так Христос стал в истинном смысле слова космически-земным великим Исцелителем человечества. Это значит, что Его силы вошли во все то, что нуждалось в исцелении в человеке, так, чтобы человек мог со всем тем, что, с одной стороны, имеет тенденцию к разрушению, а с другой стороны, может быть исцелено Христом, чтобы со всем этим человек мог вступить на свой путь к свободе. Поэтому в мировом развитии было предусмотрено, чтобы **за 333 г. до великого кризиса свершилась Мистерия Голгофы.**

Следовательно, земная эволюция человечества шла и могла идти только так, что с 333 года человечеству грозило начало распада, начало всеобщего заболевания по всей Земле. Благодаря Мистерии Голгофы наступило великое, всеобъемлющее исцеление. Так что все, что человек делает не из своего самосознания, но что в более глубоких силах

человечества идет к разрушению в будущем, — все это может быть исцелено Христом, может быть исцелено благодаря связи со Христом.

Так ставится Мистерия Голгофы в эволюцию Земли и человечества. Вплоть до IV в. после Христа люди, воспринявшие в себя духовную жизнь того времени, без сомнения, знали еще нечто об этих фактах, которые я сейчас изложил. Ибо во все времена, предшествовавшие Мистерии Голгофы, существовали те древние мистерии, в которых ученикам говорилось о прошлом эволюции человечества на Земле и также о грядущем Христе, о том, что должно исполниться в будущем эволюции человечества.

В сильных величественных образах открывалась ученикам мистерий связь человека на Земле с духовными существами высших миров.

И в эпоху Мистерии Голгофы все еще были, хотя и не настолько подвинутые вперед, как ученики древних мистерий, но все-таки были еще рассеяны в Передней Азии, Африке, на юге Европы отдельные люди, отдельные личности, которые под названием **гнозиса** — под этим названием он стал известен впоследствии — сохраняли в своем значении, в своей мудрости нечто от действительности тех событий, которые, собственно, происходят в эволюции Земли, в эволюции человечества и в которые так всемерно вошла для обитателей Земли Мистерия Голгофы. Но эти люди, которые знали еще тайны древних мистерий, были исполнены великой тревогой. Они знали, что в будущем человеческое понимание не будет уже достаточно высоко для того, чтобы постигать истинные, более глубокие начала эволюции на Земле и в человечестве.

И в некоторых личностях первых веков христианства можно заметить, что их наполняет определенное беспокойство, тревога, которая распространяется не на одни только земные дела, но касается судеб всей эволюции мира: сделает ли также и человечество себя действительно зрелым? Окажется ли оно настолько зрелым, чтобы воспринять то, что пришло через Мистирию Голгофы? Это был великий вопрос — я хотел бы сказать — преемников древних посвященных времен Мистерии Голгофы в первых четырех столетиях после Мистерии Голгофы.

И из кругов этих христианских посвященных первых веков христианства вышло удивительное поэтическое произведение первых 4-х столетий христианской эры — удивительное произведение, в начале которого было поставлено перед человечеством явление Христа на Земле, а затем, в захватывающих образах чисто драматически — хотя само произведение было выдержано в эпическом тоне, — в сильных образах были показаны люди ближайшего будущего, которые своим пониманием не будут уже достигать до того, что они должны были бы понять именно для блага эволюции человечества. И после того, как в величественных картинах было показано нечто — относительно солнечного решения богов, о котором я упоминал выше, — после того, как в этом эпосе захватывающим образом было представлено нисхождение Христа в человека Иисуса из Назарета, в третьей части изображалось, как в развитии человечества в новой метаморфозе должно наступить вновь пробуждение существа древней Деметры и Изиды. Изображалось, как существо Деметры и Изиды в будущем должно быть почитаемо в особом, величаво

обрисованном человеческом образе. Это рисовалось как то, что должно было появиться из будущего как род обетования человечеству. Эти, я хотел бы сказать, поэты из священнослужителей первых 4-х христианских столетий описывали, по крайней мере, наиболее выдающийся из них, как в дальнейшей эволюции Земли должно действовать известное служение, отправляемое всеми, кто хочет прийти к учености — к жизни духа. Был установлен род жертвенного служения для всякого, кто хотел вступить в область учености, в жизнь духа. Далее в этом эпосе изображен более молодой человек, который должен овладеть всем пониманием этой эволюции человечества; показано, как в свои молодые годы он должен был развивать то, что мы называли теперь некоторого рода культом Марии, развивать этот культ, как переход от своих молодых лет к более зрелым годам. Это культовое действие, которое, собственно, должно было бы совершаться над каждым ищущим учености, ищущим мудрости человеком, дабы люди могли найти связь с тем, что вошло в человечество благодаря Мистерии Голгофы, — это жертва, служение было обрисовано в живых красках. Величавый, красочный эпос возник в первых 4-х столетиях христианства. И в числе тех, которые жили более или менее в атмосфере этого эпоса, были также живописцы-священники, которые, хотя и в простых популяризирующих живописных приемах, но в захватывающих образах, художественно передавали эти сцены.

Это поэтическое произведение существовало. Вместе со всем положительным, что исходило от гнозиса, оно было уничтожено позднейшей церковью. И достаточно вспомнить, что только благодаря так называемому случаю, впоследствии были спасены сочинения **Скотта Эригены**, чтобы не находить уже абсолютно абсурдным, когда, исходя из духовного исследования, должно быть сказано, что величайшая поэма, порожденная Новым Заветом, была вырвана с корнем позднейшей церковью, так что в последующих столетиях от нее ничего не осталось. Но она существовала. Она была уничтожена вместе со всеми примыкавшими к ней, несомненно простыми, но трогающими сердце картинами художников. В эту поэму была также вложена вся та огромная тревога, какую испытывали преемники древних посвященных в первые века христианства. Тон строгой печали пронизывал все это произведение. И мы можем сказать, что вплоть до 4-го и даже до начала 5-го века способность понимать эти вещи сохранялась у некоторого количества людей, не перешедших к августиновскому направлению, которое двигалось совсем в другом потоке; понимание этих вещей еще сохранялось у этих людей, но оно не могло удержаться в том непосредственном виде, каким оно было тогда.

Жизнь людей в южной части Европы настолько понизилась, что не могла уже охватить этого понимания. И тогда то, что лежало в основе понимания, кристаллизовалось, застыло в догматах, которые остались, но которые могли удержаться, собственно, лишь потому, что становящийся все более и более мертвым латинский язык сохранял то, что некогда было. Но это распространение латинского языка в средневековье среди тех, кто приходил тогда к мудрости, вело лишь к тому, что прежнее живое понимание застывало в словах; так что в конце концов то, что знали о

Троичности, о вочеловечении Христа, о сошествии Духа, о великом процессе исцеления, о котором я говорил, — все это застыло в догматах, которые передавались на латинском языке; и сами слова перестали уже относиться к тому, что было прежде их истинным содержанием. Так, в распространявшейся учености Запада, имевшей своим посредником латинский язык, постепенно иссякало то, что поистине в светоносном образовании пронизывало, например, ту уничтоженную поэму. И затем пришли все те молодые, передвинувшиеся преимущественно с Востока, народы; они получили то, чем был Импульс Христа, несомненно, уже в латинизированной, застывающей форме.

Мы должны представить себе поднимающийся с юга на север застывающий Импульс Христа и распространяющиеся на севере народности, которые, воспринимая христианство, не имели в своих молодых духовных способностях достаточной силы, чтобы, я хотел бы сказать, оживить и вывести из застывших догматов то огромное, что в них заключалось. Последствия этого видны еще и поныне. Вы повсюду находите в этих северных странах силы, которые, по-видимому, но только, по-видимому, слишком поздно восприняли с юга засохшее, застывшее в догматах христианство, но которые в действительности призваны к тому, чтобы из непосредственного духовного познания — и именно в полной свободе — снова открыть тайны Мистерии Голгофы, вступления Христа в жизнь Земли. Ибо также и этот факт, что после 333 г. застывшее христианство поднялось из Италии на север, куда пришли молодые народы — поздние потомки, которые имеются всюду в России, Швеции, Норвегии, в Англии, в Средней Европе, — **все это в конце концов было именно для того, чтобы люди могли воспринять Импульс Христа в свободе.**

И, таким образом, задача тех народов, которым преимущественно должно быть сказано об антропософии как о том, что принадлежит к их культуре, состоит в том, чтобы воспринять со всей полнотой связь Христа Иисуса и научиться понимать, что без Импульса Христа человечество должно было бы застыть в процессе солевых отложений (склеротизации). Мы можем употребить это физическое выражение, ибо вплоть до физического исцеления человечества проникает Импульс Христа. И Христос стал великим носителем света, духовным **Светоносцем**, Который светоносно противодействует процессу соляного затвердения человечества. — Это были слова, которые постоянно звучали в первые века христианства. И как лейтмотив они пронизывали также упомянутую выше уничтоженную поэму и Скотта Эригену. Так должны мы всегда ставить себя между прошлым и будущим в настоящем.

Так должны мы уметь видеть прошлое. Разумеется, то, что я сказал об утерянной поэме, об утерянном знании, я не стану навязывать вам как догмат. Я далек от этого. Но метод, который ведет к исследованию истинного духовного пути человечества, приходит к познанию этих фактов с той же достоверностью, с какой устанавливают теперь факты в естествознании, и с большей достоверностью, чем та, с какой создают теперь естественнонаучные гипотезы; самой поэмы, о которой я говорил, уже не существовало после 4-го века христианской веры. Но имелись еще

различные сведения о ней, не письменные, а передаваемые устно от человека к человеку, и в отдельных кругах продолжала жить память об этой поэме. Одним из тех, кто еще смутно чувствовал, хотя и в значительно измененном, утратившем свое первоначальное величие образе, то настроение и творческую силу человечества, из которой вышла эта поэма, — одним из них был учитель Данте (Брунетто Латини). И можно сказать, что на этом пути, впрочем, ориентированная уже в сторону догмы, существовала некоторым образом также и «Комедия» Данте в известной инспирации в первых веках христианства.

Я, разумеется, знаю, что можно возразить теперь против такого изложения истории, и, конечно, мог бы сам сделать себе те возражения, какие могут возникнуть с той или другой стороны. Но сколько бы мы ни признавали точность той истории, какую человечество изучает теперь в низшей и в высшей школе, с каким уважением мы ни относились бы к этой точности, опирающейся на документы и на добросовестную историческую критику, — что в этом пользы? Ибо когда-нибудь человечество должно будет все же признать: это не есть истинная история, так как в этой истории нет тех документов, которые с течением времени были устранены человечеством. Поэтому история может быть сколько угодно добросовестной в смысле документальности, но действительную историю, так же, как и действительное познание природного и звездного мира, мы можем получить только из духовного исследования.

Поэтому человечество должно развить в себе мужество не только для того, чтобы говорить о звездном мире так, как о нем говорилось здесь в последние дни, но оно должно развить и другое мужество: присоединить к обычному историческому изложению то, что в нем необходимо отсутствует, ибо известные круги были заинтересованы в исчезновении для потомства соответствующих документов. Но в том, что живет в человеческих душах, продолжают действовать импульсы, также и уничтоженные импульсы; эти, теперь уже не записанные, но некогда живые в человечестве, импульсы действуют в том, что могут увидеть люди более позднего времени. Поэтому, если в своей эволюции человечество хочет перейти к предназначенному для него будущему, оно должно развить и другое мужество: присоединить к обычному историческому изложению то, что в нем необходимо отсутствует, ибо известные круги были заинтересованы в исчезновении для потомства соответствующих документов. Поэтому, если в своей эволюции человечество хочет перейти к предназначенному для него будущему, оно должно будет в известном отношении научиться не только некоторым новым понятиям, но и новому взгляду на истину. **Ибо, в сущности, мы должны снова найти Христа. Он должен снова приблизиться. И Его новое Пришествие предполагает, что в этом столетии уже существует такое человечество, которое способно понять, каким образом Он появится, в каких явлениях Он себя откроет.**

Все это суть вещи, которые мы должны внутренне пережить, если хотим поставить себя в правильное отношение к настоящему, прошлому и будущему в эволюции Земли и человечества. И это, я хотел бы сказать,

звучит нам навстречу всякий раз, когда мы имеем где-либо перед собой духовное стремление древности и умеем увидеть его истинно духовно-душевно. Когда мы поднимаемся на эти горы и находим там друидические сооружения, следы духовной жизни древней эпохи, то это может быть для нас напоминанием, что стремление к духу этих людей далекого прошлого, которые по-своему созерцали грядущего Христа, может найти свое исполнение только если мы, со своей стороны, будем иметь духовное познание, исходящее из духовного созерцания, благодаря которому мы по-своему будем видеть грядущего Христа, Который должен снова прийти, ибо теперь человечество впервые может познать Его в **духовном образе**, подобно тому, как некогда Он в **телесном образе** прошел через Мистерию Голгофы. Все это мы особенно живо чувствуем здесь, в этих местах, где сохранились такие прекрасные памятники старины.